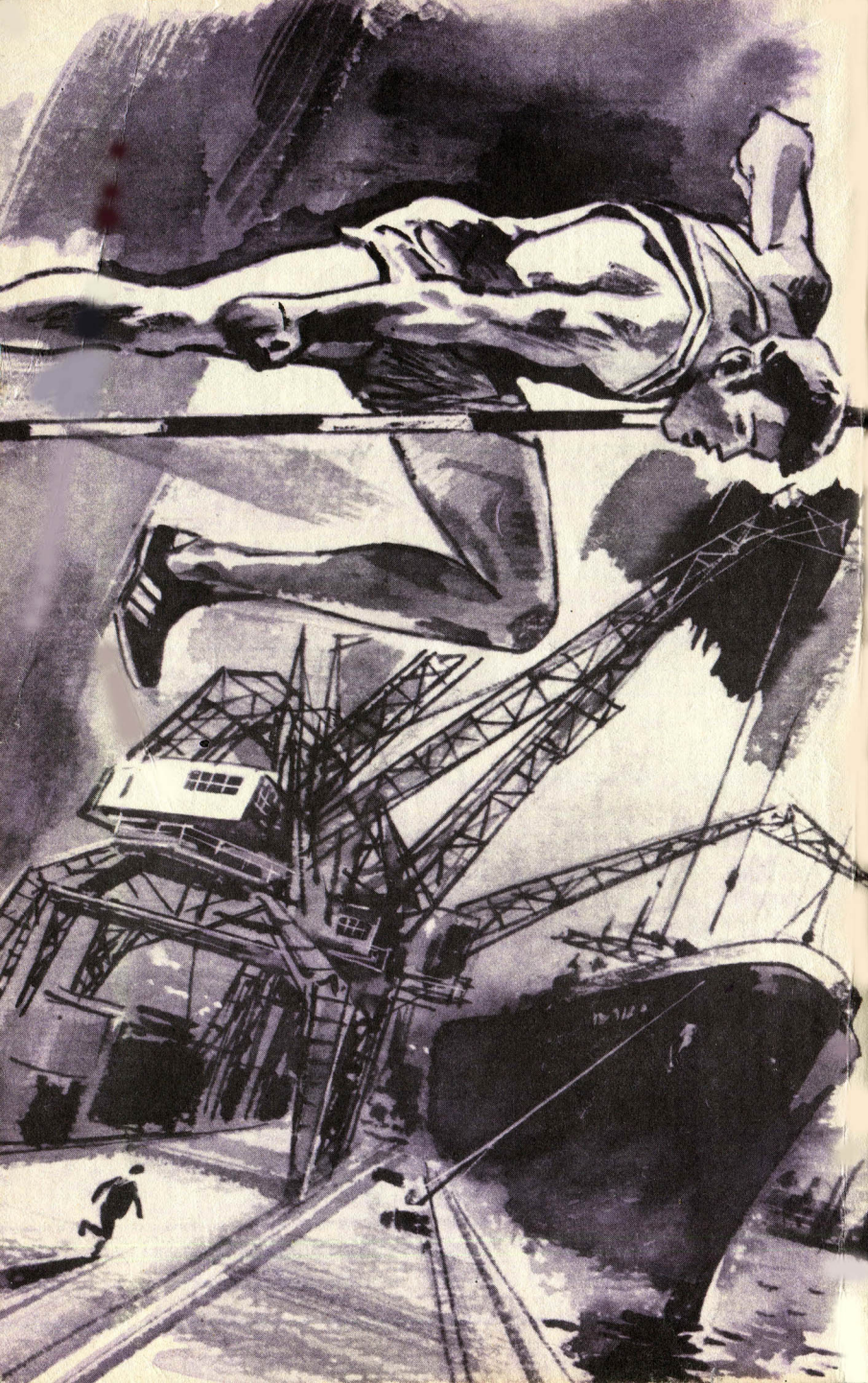

Искатель 6

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1982

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦН ВЛКСМ

Искатель 6

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1982

СОДЕРЖАНИЕ

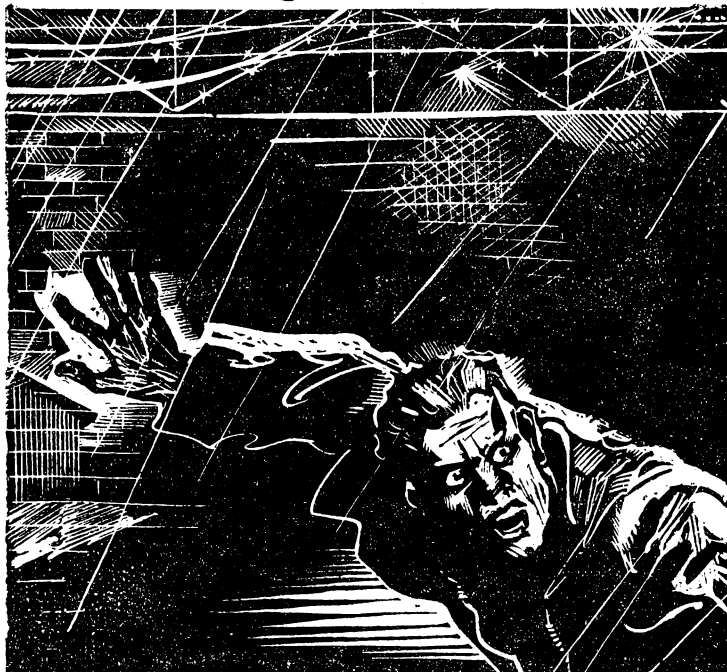
И. КОЗЛОВ — Прыжок	2
Л. ПАНАСЕНКО — Гнев Ненаглядной	12
М. ПУХОВ — Станет светлее	42
Ю. ПЕРЕСУНЬКО — Жаркое лето	93

№ 132

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

© «Искатель», 1982 г.

• ИГОРЬ КОЗЛОВ •

• ПРЫЖОК •

Рассказ

1

Когда на учебном пункте нас первый раз в сапогах вывели на физподготовку, я тут же вспомнил тренера. У него была своя метода: разминку мы проводили в специальных поясах, набитых дробью. Перед самым прыжком снимали их, и во всем теле мгновенно появлялось ощущение необычайной легкости, прямо-таки невесомости... А вот до сапог тренер не додумался.

Сержант, который проводил с нами занятия, дал команду:
— Бегом марш!

Мы побежали вокруг спортплощадки. Сразу же некоторые солдаты захромали.

— Стой! — громко крикнул сержант. — Снять сапоги!

Он стал ходить вдоль строя и каждому показывал, как правильно наматывать портянки, чтобы они не гробили ноги во время бега.

— Для пограничника это одна из самых важных наук... — поучал сержант.

— А я слышал, что когда за шпионом бегут, то сапоги скидают, — серьезно спросил белобрысый паренек, у которого на пятках уже появились мозоли.

— Это вот такие, как вы умельцы и «скидают», — в тон ему ответил сержант, и все засмеялись.

Когда подошла моя очередь, сержант окинул меня взглядом с ног до головы и строго спросил:

— А вы почему не разуаетесь?

— У меня все в порядке, — ответил я.

Это было действительно так... В тот день, когда меня провожали в армию, мама устроила вечеринку для «друзей и подруг». В самый разгар веселья раздался звонок — и на пороге стоял тренер. После того рокового прыжка я не видел его полгода. Этот приход был для меня неожиданностью.

— Ну-ка дыхни! — зло сказал тренер.

Я с детства привык ему подчиняться, поэтому не задумываясь исполнил приказ. Хотя сейчас эта проверка не имела никакого смысла.

Убедившись, что от меня не пахнет вином, тренер обрадовался, но ничего не сказал.

— Я тебе подарок принес... — Он развернул сверток и протянул два куска белой байки.

— Что это? — изумился я.

— Портянки. Сейчас буду тебя учить. Береги ноги. Особенно толчковую.

— Зачем?..

— Я знаю зачем! — опять почти враждебно крикнул он. — Садись!

Через пятнадцать минут я уже сам мастерски пеленал ступни...

Сержант опять оглядел меня с ног до головы.

— Вообще-то я за вами наблюдал, — неуверенно сказал он. — Бежали вы легко. Только... как-то разболтанно, шалая-веляй...

Я не знал, что отвечать. Видимо, физиономия у меня была довольно растерянная и жалкая, потому что сержант тотчас, чтобы меня успокоить, ободряюще сказал:

— Ну ничего! Спорт из вас сделает человека! — И, уже обращая ко всем, энергично дал команду: — Становись!

Наш строй значительно веселее трусил по кругу. На бегу я все время думал над словами сержанта: «Почему он так сказал?.. Конечно, фигура у меня своеобразная, но достаточно атлетическая... По крайней мере, я всегда так считал. Почему же он?..»

Я попытался проанализировать свои действия и понял: виноваты мои прежние тренировки. Для прыгуна в высоту очень важно, чтобы работали только две мышцы, которые несут нагрузку. Остальные должны быть расслабленными. Это не так просто. Этому долго учат. Теперь, конечно, во время бега я

расслабляюсь «автоматически». Видимо, с точки зрения армейской физкультуры это считается разгильдяйством... Вот, значит, как!

Мне стало немного обидно за свое искусство, и я решил при случае проучить сержанта.

После разминки он дал команду начать прыжки через коня. И тут я показал класс. Медленно разбежавшись, даже не коснувшись руками снаряда, я взмыл в воздух, как самолет с вертикальным взлетом, а затем приземлился метрах в пяти от коня.

Сержант, открыв рот, изумленно смотрел на меня. Солдаты тоже притихли. Для них то, что сейчас они увидели, было явлением непонятным, прямо-таки космическим. Я скромно стоял на земле и наслаждался эффектом.

— Вы что... спортсмен? — проглотив воздух, наконец спросил сержант.

— Да... — спокойно ответил я.

— Какой вид?

— Прыжки в высоту. Только я больше не прыгаю.

— Разряд имеете?

— Мастер спорта...

— Вот это да! — Сержант немного помолчал и наконец, снова войдя в свою роль, строго сказал: — Почему значок не носите?

Этого я не ожидал. Значок лежал у меня в вещмешке. Я взял его из дома просто так, на память... Но сержант ждал ответа.

— Он у меня на парадной тужурке.

— Это правильно. — Мой первый командир одобрительно кивнул головой и еще раз повторил: — Это правильно...

2

Я люблю прыгать в высоту. И люблю смотреть, как прыгают другие. Конечно, если прыгают красиво. Когда я вижу спортсмена, перелетающего через планку, у меня что-то екает в груди, толчковая нога сама топает по земле, и я невольно кричу: «Опа!» В это время я переживаю все чувства прыгуна, поэтому и получаю от соревнований тройную радость: и когда прыгаю сам, и когда сижу на скамеечке — отдыхаю перед очередной попыткой, и когда уже схожу, становлюсь зрителем и наблюдаю со стороны, как другие перелетают через планку, до которой мне еще далеко... Или лучше сказать: высоко...

В четвертом классе я понял, что могу хорошо прыгать. Тогда в нашей школе молодой преподаватель физкультуры решил провести соревнования, и я босиком взял метр двадцать пять каким-то неведомым науке способом.

— Молодец, Кузнециков! Здорово прыгаешь! — похвалил меня учитель.

Все вокруг засмеялись, и я тоже смеялся, потому что это была добрая шутка.

Однажды зимой к нам в школу приехала комиссия из института физкультуры. Заставили весь спортивный зал приборами и начали нас измерять. Что мы только не делали! Потеха! Крутили руками педали устройства, похожего на велосипед. Брали

какой-то наконечник и колотили им по медному листу — кто больше за минуту наступит. Включали по сигналу рычажок — так проверяли скорость реакции... И все приборы, приборы, датчики... На одном тренажере пристегивали тонюсенький проводок к правой ноге и просили сделать мах как можно выше. Очередь дошла до меня. Я махнул ногой — проводок порвался. Девушка, которая командовала этой «машиной», позвала дяденьку. Они привязали мне другой проводок — я снова махнул. Проводок уже не порвался. Девушка глянула на шкалу, по которой бегала стрелочка. «Ого-го!» — восторженно сказала она. Дяденька посмотрел на меня оценивающим взглядом и буркнул: «Тяжеловат! Но запиши его на всякий случай». И меня записали...

Так я попал в экспериментальную детскую спортивную школу, куда отбирали ребят по «объективным параметрам».

Для меня наступили счастливые дни. Сразу после занятий я ехал в нашу стеклянную коробку, под которой прятался настоящий маленький стадион. Мальчишки с соседних улиц, приплюснув носы к толстому стеклу, с завистью смотрели, как мы выбегали на манеж: гордые, веселые, сильные... Мимо нас проходили люди, проезжали трамваи и машины... Мели снега, образуя возле стеклянных стен огромные сугробы... А мы играли в лето. Мы готовились к нему.

Как я любил все здесь! Запах пластика, огромные поролоновые кубы, которые подкладывались под планку, наши стоечки, нашу полосатую планку... Когда после тренировки мы всей группой заваливались на эти кубы отдыхать, как на большую тахту, все посмеивались над нами: «Лежбище попрыгунчиков!»

Тренировки, нагрузки... Все мы начали с маленькой высоты. Прямо игрушечной! Отрабатывали технику. Роль каждого элемента. Знаете, оказывается, как это сложно... Тренер всегда говорил: «Наш спорт, ребята, модель жизни! В ней всегда очень трудно подняться на новую высоту...»

А мне в прыжках в высоту больше всего нравится зримое единоборство с преградой. Ты — и она. Она — и ты... Бегун борется со временем. Конечно, он его чувствует. Но он рвет грудью тонкий луч фотофиниша и, задыхаясь, хриплым голосом спрашивает: «Сколько?» Метатель посылает снаряд. Это борьба мгновений. Всю свою силу и все свое умение он вложил в один импульс. И все... Теперь уже ничего не изменишь, ничего не вернешь и ничего не поправишь. Тебе остается только с надеждой следить глазами за копьем, молотом или ядром... Что принесет тебе этот порыв? Все ли было верно?.. В жизни так тоже бывает...

А наш барьер видимый. Вот он перед тобой: твой враг и твоя мечта, твоя надежда и твоя боль — высота! Ты собираешься преодолеть ее! Говорят — взять! «Взять высоту!» Именно взять, как крепость!.. И ты все время находишься в борьбе: и когда разбегаешься, и когда делаешь толчок, и когда бережно обвиваешь планку своим телом, боясь прикоснуться к ней, как к лезвию сабли... До конца неясен тебе исход. Ведь в последний момент одним неверным движением можно все испортить... В жизни так тоже бывает. Иногда только в конце ее человек понимает, покорила ли его высота или нет...

Вы видели когда-нибудь, как прыгает классный спортсмен, как борется он с рекордной высотой? Стадион замирает, а человек долго ходит, успокаивая себя, затем стоит перед преградой, топает ногой, потряхивает руками — снимает нервное напряжение с мышц. И все следят за ним... Наконец он решается, зло смотрит на планку, разбегаются и... Стадион взрывается в едином вопле радости. Или вздох разочарования легким ветерком пролетает над полем.

Во время футбольного матча после неточного удара болельщики делят свои голоса на крики «Мазила!», «На мыло!» и так далее. Это свойственно для игровых видов — это игра! Прыжок в высоту — преодоление, дерзновенный порыв! К поражению прыгуна все относится с уважением. И только тогда можно услышать единый вздох, именно вздох, огромного числа людей.

Иногда что-то подобное бывает на фигурном катании, когда спортсмен неожиданно падает на лед. Но музыка все сглаживает...

3

После «учебки» весь наш призыв направили на границу, и только меня одного — на контрольно-пропускной пункт, который нес службу в порту. Сначала я даже немного разочаровался, потому что хотел «на передний край невидимой борьбы». Но потом оказалось, что именно здесь этой «невидимой борьбы» больше чем достаточно.

Вспоминаю свою первую встречу с начальником нашего подразделения капитаном Шевчуком. О нем я читал еще на гражданке: «Гроза контрабандистов, шпионов и диверсантов». Так вот, оказалось, что этот «грозный человек» выглядит довольно мило, интеллигентно. У него тихий, вкрадчивый голос, мягкие черты лица, очки... Чем-то он напоминал молодого Чехова, портрет которого висел в школьном кабинете литературы как раз напротив моей парты.

Шевчук внимательно читал мои документы, а я рассматривал Шевчука. Наконец капитан удивленно вскинул брови и в упор уставился на меня. Видимо, он прочитал заветные слова: «Мастер спорта СССР».

Его взгляд заставил меня поежиться. Уже тогда я невольно почувствовал в этом человеке какую-то силу.

А Шевчук, наверно, смотрел на меня и думал: неужели вот такой оболтус прыгает в высоту на два с лишним метра?..

Капитан неожиданно улыбнулся и весело сказал:

— Такого солдата у меня еще не было! Вы не волнуйтесь... Мы предоставим вам возможность для тренировок. Рядом с портом есть отличный стадион.

— Спасибо. Я больше не прыгаю... — тихо ответил я.

— То есть как? — Капитан буквально впился в меня глазами. — Почему?

Что я ему мог ответить? История, в общем-то, заурядная...

Это случилось во время обычной тренировки. Совершая очередной прыжок, я неудачно приземлился и выбил локтевой сустав. Резкая боль пронзила руку и по цепочке нервных во-

локон впилась в мозг. Не знаю, что уж там произошло... Психолог объяснял это так: «Устойчивый условный рефлекс, возникший под воздействием шока».

Но вначале никто не придал этому эпизоду особого значения.

Конечно, тренер отругал меня, две недели я ходил в гипсе, а затем, когда вернулся в сектор, произошло следующее. Как только я начал разбег, мне тут же показалось, что снова заныл сустав. Внимание было сосредоточено только на нем. Я прыгнул... Но какой это был прыжок! Все мышцы были зажаты ожиданием предстоящей боли. Тренер, ясное дело, заметил полный развал техники, но он решил, что это связано с длительным перерывом. И только после нескольких тренировок он понял: происходит что-то неладное. Я начал отлынивать от прыжков, делая вид, что уделяю больше внимания силовым упражнениям.

— Что случилось? — откровенно спросил он.

Пришлось рассказать ему всю правду.

— Ничего с собой поделать не могу... — чуть не плача, закончил я свою исповедь.

— Главное — не паникуй! — спокойно сказал тренер. Сутки он обдумывал ситуацию, а потом принял решение: — Даю тебе месяц отдыха... Ходи в кино, читай книги, влюбись в конце концов... Постарайся отвлечься, забыть, что есть на свете прыжки в высоту... Надо разорвать в сознании эту патологическую связь между прыжком и болью. А это может сделать или время, или какое-то другое более сильное психическое воздействие... Вот так... теперь все зависит только от тебя.

Я взял на работе отпуск и поехал на дачу. Купался, ловил рыбу, валялся на раскладушке в саду, читая нескончаемый детективный роман... Иногда, устав от книги, я часами смотрел в траву. Там копошилась странная, неведомая для меня жизнь. Уйма маленьких жучков неторопливо вела свое хозяйство... Однажды я обратил внимание на чудную козявку — она как-то таинственно висела в воздухе. Я поймал ее на кончик карандаша. Кто ты, победившая земное тяготение?

Странная букашка, у которой не было крылышек, как бы отвечая на мой вопрос, прыгнула и плавно поплыла по воздуху, но я почувствовал: ее что-то связывает с моим карандашом. Я начал крутить его — и козявка остановилась. Она стала что-то предпринимать, но я крутил карандаш еще быстрее. Наконец я поставил его под луч солнца и на сыгравшем блике увидел: карандаш окутан тонюсенькой ниточкой. Так вот, оказывается, в чем дело!

После этих наблюдений я открыл для себя: мир состоит из малого... Я стал рассматривать кору дерева, доски старого забора, гранитный валун, который валялся здесь, быть может, с самого ледникового периода... Можно видеть предмет по-разному! Можно брать его целиком как таковой: длинный забор, высокое дерево, тяжелый камень... Но всмотритесь в узор сучков и линий деревянной доски, в мозаику пятен на буре гранитном валуне, в складки коры дуба — и вы поймете, что они не менее интересны и красивы, чем природный ландшафт, горы и леса...

Высота приблизила меня к земле, заставила немного поси-

деть на одном месте, посмотреть в одну точку и подумать. И за это я ей тоже благодарен...

Когда до конца отпуска оставалось несколько дней, я вернулся в город. Ранним утром, чтобы никто не видел, я пришел в спортивный зал. Принес маты, поставил стойки... Я начал разбег и тут же понял — все... это конец...

Больше я сюда никогда не приходил. Тренеру я послал письмо, в котором написал, что навсегда ухожу из спорта: осенью меня призывают в армию, а потом буду поступать в институт...

Итак, в восемнадцать лет я твердо решил, что моя спортивная карьера закончилась. Я безумно любил прыжки в высоту, но прыгать больше не мог...

4

Приход корабля в порт — всегда событие. Звучит веселая музыка, вывешены флаги расцвечивания, пассажиры и свободные от вахты члены команды толпятся у бортов, с интересом всматриваются в незнакомый берег. Наконец подан трап, и все взгляды устремились на причал: туда, где стоим мы, пограничники, первые представители Советского государства, с которым встречаются иностранцы на нашей земле.

В работе КПП есть что-то общее со спортом: в учебных классах, невидимых для зрителя, остались многочасовые тренировки, долгая учеба, точный расчет, детальная отработка каждого момента, каждого приема... И вот твой выход! Изящество, четкость движений, быстрота, образцовый внешний вид... Каждое действие полно достоинства и в то же время подчеркивает уважение к иностранному гостю, соответствует духу гостеприимства советского народа. Аккуратность, кажущаяся легкость... И только сам пограничник знает, что в это время все его умение, весь опыт сконцентрированы в одно желание, направлены на одну цель — быть готовым своевременно обнаружить и задержать нарушителя государственной границы, контрабанду, запрещенные к ввозу и вывозу материалы.

Никогда не забуду, как первый раз при мне капитан Шевчук поймал шпиона. Да, да, шпиона! Самого настоящего. Внешне все прошло тихо, спокойно. Ни стрельбы, ни мордобоя... А ведь была сватка. Схватка нервов, характеров, убеждений...

Наряд проверял документы у иностранных туристов, возвращающихся на теплоход.

— Пожалуйста! — Радостно улыбаясь, высокий элегантный мужчина предъявил свой паспорт. — А это маленький презент командиру! — Иностранец ловким движением достал из кармана изящную зажигалку.

— Спасибо! — сказал Шевчук, отодвинул рукой «подарок» и начал внимательно перелистывать документы. Затем жестом подозвал работника таможни, что-то тихо сообщил ему.

— Вам придется пройти личный досмотр, — обращаясь к щедрому гостю, спокойно сказал таможенник.

— По какому праву? — возмутился турист, но глаза тревожно забегали и алые пятна выступили на щеках.

Как потом выяснилось, в специальном жилете иностранец

пытался вывезти материалы, содержащие секретные сведения, ампулы с образцами грунта и воды — пробы на радиоактивность...

Капитан Шевчук позже объяснил нам, почему этот господин вызвал в нем подозрение:

— Протягивал паспорт — рука слегка дрожит... В глазах лихорадочный блеск... Лицо худощавое, а по фигуре Геракл! Костюм плотно облегает могучие бицепсы...

Я стоял рядом с капитаном, но ничего этого не заметил... Потом, конечно, я многому научился и многое понял. Я выявлял поддельные документы и обнаруживал тайники с антисоветской литературой, испытывал на себе идеологические атаки противника, его попытки втянуть нас в провокацию... И всегда рядом со мной были боевые товарищи и командиры, готовые в любую минуту прийти на помощь...

И еще было задержание. Была схватка один на один.

Тренер, как всегда, оказался прав: есть такое чувство, которое сильнее любой боли, сильнее любого шока. Оно называется — долг перед Родиной...

5

В ту ночь в порту был густой туман. Под светом прожекторов в мутном мареве едва проступали очертания судов. С младшим сержантом Сорокиным мы несли службу на причале у иностранного сухогруза. Рядом швартовался наш «банановоз» «Байкал». От него исходил душистый, ароматный запах.

— Вот аппетит нагуляем, — пошутил Сорокин.

Ночью порт жил своей ритмичной трудовой жизнью: гудели моторы кранов, перезванивали буфера вагонов, нетерпеливо покрикивали тепловозы, сразу заглушая все шумы...

Пошел дождь, тяжелые капли забарабанили по металлу. Борты кораблей сразу же стали жирными, блестящими. Укрывшись под козырьком навеса, мы внимательно наблюдали за сухогрузом. Неожиданно раздался громкий всплеск где-то у кормы судна. Сорокин встрепнулся.

— Смотри за трапом, — взволнованно прошептал он и бросился к корме.

Младший сержант скрылся за штабелем контейнеров, и тут же за моей спиной послышалось какое-то тихое урчание. Я оглянулся — один из кранов сухогруза плавно повернулся так, что его стрела оказалась над причалом. А на конце троса висел человек. С ловкостью циркового гимнаста он соскочил на землю и сразу же скрылся в проходе между двумя складами. На мгновение я опешил и вдруг услышал топот сапог и крик старшего наряда:

— Кузнечиков, преследуй нарушителя!

Я понял: Сорокин добежит до трапа и станет на пост. Нельзя было терять ни секунды! Я рванулся вперед, пробежал склады и увидел нарушителя. Между нами было метров триста.

— Стой! — истошно крикнул я.

Но человек даже не оглянулся. Он бежал уверенно к какой-то цели, по заранее обдуманному маршруту.

Максимальная скорость! Спурт! Все внимание на спину соперника — не упустить из виду!

Перепрыгивая через рельсы, нарушитель мчался к воротам, через которые выезжал из порта очередной железнодорожный состав. И вдруг мне все стало ясно: сейчас пройдут вагоны, нарушитель шмыгнет за ними, ворота автоматически закроются. Я окажусь по одну сторону стены, окружающей порт, а он — по другую. Все было рассчитано до мелочей!

До нарушителя оставалось каких-нибудь полтора метра, наверняка он слышал, что я приближаюсь, но опять-таки даже не обернулся — настолько, видать, был уверен в осуществлении своего плана. У ворот нарушитель остановился, выждал, когда последний вагон скроется в темном проеме, и спокойно — мне даже показалось, шагом! — последовал за ним. И тут же медленно поползла тяжелая металлическая плита.

Теперь бежать к воротам не было смысла. Дикая злоба закипела во мне. «Неужели уйдет? — От этой мысли я чуть не задохнулся. — В тридцати метрах от порта — Приморский бульвар. В это время еще многолюдно. Он смешается с толпой. А может, его ждет машина? Ах ты гад!..»

Высота стены метра два с половиной. Сверху на ней натянута колючая проволока...

Решение возникло само собой. Я уже ничего не соображал. Все за меня делали ноги. Они сами выбрали угол разбега, вовремя сделали ускорение. Толчок! С хрустом посыпались на землю пуговицы тужурки, острое железо полоснуло по животу и лицу, впилось в руки, но я уже был на другой стороне.

Я сразу увидел его — он поднимался по насыпи. Какая-то непонятная сила, как на крыльях, несла меня вперед. Ненавистная спина приближалась. В последнее мгновение нарушитель, видимо, почувствовал неладное, обернулся. Лицо его исказилось от ужаса. Изодранный окровавленный человек летел прямо на него. Я прыгнул, сбил нарушителя с ног, придавил своим телом. Он извивался, хрипел, пытался выбраться. Но я давил, давил его что было силы... И вдруг почувствовал, как кто-то трясет меня за плечо, услышал голос капитана Шевчука:

— Отпусти его, Кузнечиков, задушишь...

6

Неужели я перепрыгнул через стену? Этот прыжок мне снится каждую ночь. И каждый раз я просыпаюсь со слезами восторга на глазах. Удивительное, неповторимое чувство!

После этого задержания я неделю провалялся в лазарете. Потом еще две недели осознавал: со мной что-то произошло. И наконец не выдержал. Дождавшись, когда капитан Шевчук будет один, я постучался и решительно открыл дверь:

— Разрешите обратиться, товарищ капитан!

Шевчук молча кивнул. Он перебирал какие-то бумаги. И взгляд его был напряженным и строгим.

— Товарищ капитан... — Я не знал, как сформулировать свою просьбу, боялся, что она будет выглядеть смешно или даже

совсем глупо. — Вы когда-то говорили... я хотел бы воспользоваться...

Капитан ничего не ответил. Он открыл ящик письменного стола, достал оттуда большой конверт, протянул его мне и тихо сказал:

— Вот... Держите!

— Что это? — удивился я.

— Распечатайте. Там все сказано...

В конверте было письмо. Знакомый размашистый почерк тренера!

«Ванюша, милый, здравствуй!.. Капитан Шевчук написал мне о твоём прыжке. Это великолепно! Я всегда верил в тебя!.. Мне кажется, ты сделал то, что нужно... Высылаю план тренировок на три месяца. Начинай! Сообщи о первых результатах. Жду!..»

7

У портовиков оказался отличный стадион. Правда, сектор для прыжков в высоту был простенький, но сейчас он меня вполне устраивал.

Никогда, наверно, я не разминался с таким удовольствием. Потом сразу установил планку на рекордную для себя высоту, не спеша надел шиповки и стал представлять, что я на Олимпийских играх.

В свое время тренер специально для меня — «такого впечатлительного спортсмена!» — придумал этот способ внушения.

Мне казалось, я слышу его восторженный голос:

«Олимпийские игры! Ты знаешь, что это такое? Это сгусток силы всего человечества! Итог достижений нашего биологического вида! Это отчет перед предками и залог потомкам!

У спортсмена увеличиваются силы от одного сознания своей ответственности, от счастья, что он «самый»! Самый сильный человек на земле! Самый быстрый человек на земле! Самый прыгучий человек на земле!

Не торопись! Ты остался один! Ты не имеешь права обмануть ожидание людей... Отмерь разбег. Никто не упрекнет тебя в нерешительности. Ты на грани неведомого...

Все видят, что ты собран. Ты не авантюрист, ты добываешь для человечества новую победу и не должен рисковать...

Ты представитель человечества, и ты обязан показать ему, на что оно способно!

Ты — сын земли! Гордость земли! Слава земли... Вперед!..» Я побежал. Ветер засвистел навстречу. Время, как во сне, стало мягким, тягучим. Мне казалось, что я вижу себя со стороны, контролирую каждое свое движение. Появилось знакомое ощущение уверенности в победе... Толчок! Мах! Нога резко взлетает вверх!..

Серая планка тихо прошуршала подо мной, и я, счастливый, уткнулся лицом в песок...

ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ

Откройте окно, — попросил Антуан. Илья включил проницаемость окна, и в палату ворвался ветер — порывистый, насыщенный влагой и солью. За Большим коралловым рифом гремел и ярился океан. Отсюда, с двадцать восьмого этажа, риф казался белым шрамом на теле океана — месиво из пены и брызг прятало известковые гряды.

— Собрались наконец... Вся девятая группа, — прошептал Антуан. Его лицо стало спокойным. Раньше на нем проступал

тщательно скрываемый страх, не смерти, нет, скорей всего непонимания происходящего, а вот сейчас, с приходом друзей, отпустило.

— Все трое... — Антуан слабо улыбнулся. — Как вы вовремя, ребята! И все в форме. Значит, при исполнении...

— Четверо! — поправил его Славик. — С тобой четверо. Илья — руководитель группы Садовников¹. А от Совета миров прилетел Шевченко, ты его знаешь. Через час расширенное совещание всех специалистов... Тебя, Зевс, мы в два счета поставим на ноги...

Больной на школьное прозвище не отозвался. По-видимому, он вообще не слушал Славика — к лицу его опять подступила смертельная бледность. Руки Антуана блуждали по стерильному кокону жизнеобеспечения, пока не наткнулись на руку Ильи.

— Не надо обо мне! — вдруг быстро и жестко сказал больной. — Меня уже нет. Надо спасать людей! Сотни... не знаю, может, уже тысячи... Но это не эпидемия... Это беда! Что-то нарушило равновесие. Может, отдыхающие, может, Рай... Разберитесь, ребята. Как можно скорее... — Он задыхался от слабости. Рука его, поначалу цепкая и требовательная, вдруг истаяла, мертвым зверьком уткнулась в простыню. — Только маме, только маму... Не говорите ей. Придумайте что-нибудь. Мол, потерялся, сгинул в космосе. Чтoб оставалась надежда...

Антуан глянул на лица друзей, и ему стало жаль их. Он через силу улыбнулся и даже попытался пошутить:

— Я знаю, откуда беда, ребята. Мы не понравились Ненаглядной! Поверьте, я знаю женщин. Я все-таки француз...

Голова Антуана упала на подушку, створки кокона жизнеобеспечения сошлись над его лицом — зашелестели инжекторы.

Они вышли в коридор. И тут из белых пространств медцентра появился маленький лысый человечек — академик Янин — и, не поздоровавшись, злым напористым басом заклекотал на Ефремова:

— Где он? Почему вы бездействуете? У вас куча возможностей. Почему Антуана до сих пор не отправили на Землю?

— Перестаньте кричать, — оборвал его Павлов. — Больной не подлежит перевозкам, а телепортация убьет его. Делается все возможное. Более того — к нам прибыли лучшие специалисты со всех Обитаемых миров.

— Картина крови? — Губы академика Янина горестно сжались.

— Полное прекращение кроветворения, — ответил за Павлова Илья. — Без малого две недели. Я в прошлом тоже, кстати, врач. Все возможности — кокон жизнеобеспечения.

— Парнишка мой... — пробормотал академик. Он как бы съезжился, стал еще меньше. С надеждой спросил: — Насколько я знаю, кокон может годами поддерживать?..

— Практически вечно, — сказал Павлов, глядя поверх головы Янина. — Некротированные ткани и органы постепенно умирают. Остается мозг. Вопрос в другом: захочет ли он...

¹ Сотрудники так называемой Службы Солнца, которая занимается вопросами счастья и духовной гармонии на коллективном и индивидуальном уровнях (фантаст.).

— Нас учили управлять организмом, — пояснил Илья, преодолевая спазм в горле. — Когда он поймет, когда устанет... Короче, он сам может остановить сердце.

— Но ведь кокон!.. — опять вскричал академик. — Черт возьми, кто ему позволит...

— Рядовой Садовник умеет больше, чем йог высшего посвящения, — тихо сказал Егор. — Он погасит мозг.

— Извините, друзья. — Илья шагнул к выходу на кольцевую лоджию-сад. — Через два часа совещание. Извините, мне надо побыть одному.

Память опять прокручивала кадры последних дней, а помимо них и сквозь них все проступало и проступало лицо Антуана, и сердце сжимала непроходящая боль. Откуда пришла беда? Где она? Откуда проросли корни зла, где и почему вспыхнуло черное пламя смерти? Масса вопросов и ни одного ответа.

— Повтори сообщение Совета миров, — попросил он Помощника¹.

— Ненаглядная, ведущий курорт Обитаемых миров, аналог Земли, — тихо зашепестел бесстрастный голос. — На планете находится на сегодняшний день свыше восемнадцати миллионов отдыхающих. Вспышка острой спонтанной лейкемии зарегистрирована четвертого марта. Жалобы — лихорадка, слабость. Экспресс-анализы показали, что у всех четыреста шестидесяти пациентов кровь наводнена молодыми патологичными клетками. География эпидемии...

— Это не инфекционное заболевание, — поправил его Илья.

— Термин применен к конкретному явлению, — возразил Помощник. — География эпидемии: Золотой Пояс — триста восемьдесят семь случаев заболевания, архипелаг Согласия — двадцать три, Северная Пальмира — тридцать шесть, континент Центральный — четырнадцать. Тщательные исследования воздействия ионизирующих излучений или лейкозогенных веществ не обнаружили...

«Вот оно, — с тоской подумал Илья. — Спонтанный! Значит, самопроизвольный, вызванный не внешними воздействиями, а внутренними причинами. Однако такой подход исключает эпидемию. Выходит, что внешний фактор все-таки есть. Незвестный нам, недоступный приборам...»

— ...Объявлена официальная версия, что с Вечных топей проникли комары, переносчики плазмодийной горячки (местный вид малярии). Течение обеих болезней внешне сходное... Четвертого марта, — добавил Помощник, — объявлен общепланетный карантин. Никаких ограничений в общении и отдыхе не вводилось. Запрещен лишь выезд.

— Какое сообщение курорта с Землей? — спросил Илья. — Имею в виду пассажирское. Линия Ненаглядная — Земля. Есть ли рейсовые?

— Восемь лет назад, ввиду необычной популярности курорта, построена станция нуль-пространственных переходов. Переход Ненаглядная — Земля оборудован десятью кабинами массового пользования, интервал между импульсами — двенадцать

¹ Логически-информативный блок, который входит в комплект спецодежды Садовников (фантаст.).

минут. Максимальная загрузка каждой кабины — сто пассажиров.

Илья быстро подсчитал: пять тысяч пассажиров в час. На случай срочной эвакуации за сутки можно перебросить сто — сто двадцать тысяч человек. Куда — ясно. Но вот зачем?!

Он тяжело спикировал на берег. Мимо лица промелькнули верхушки реликтовых сосен с плоскими широкими игловыми, бесконечно длинные колонны стволов, бока замшелых гигантов-валунов. Сбросил форму, шорты, рубашку, пошел к океану.

От рифа незаметно подкралась высокая волна, окатила его с головой, чуть не сбила с ног. Рядом завизжали от избытка радости девушки, которые прыгали в набегающих валах. Зернистый тяжелый песок охлаждал босые ноги. То тут, то там вода перекатывала гирлянды подводных цветов — белых, полупрозрачных, — и Илья осторожно переступал через них.

— Идите к нам, — позвала его на интерлинге одна из девушек — смуглая, грациозная, то ли китаянка, то ли вьетнамка. — Меня зовут Да Фуцзы — Большое Счастье.

— Это и так видно, без перевода, — улыбнулся Ефремов. — Простите, но мне надо улетать.

«О карантине знают пока немногие. Те, кто собирался домой, — думал он, заплывая все дальше и дальше. — Коконов жизнеобеспечения на планете триста семнадцать. За неделю их развернут еще максимум триста-четыре. Чертовски сложная штука, эти коконы... Тяжелых больных сейчас человек семьдесят — надо, кстати, уточнить. Но завтра, послезавтра... Если пандемия будет развиваться такими темпами, через неделю у нас будут тысячи больных... Никто из отдыхающих не знает пока, что в огне так называемой «малярии» уже сгорело два человека — Осси Деланца и Лена Коканова. И это не скрыть. Мы разучились что-либо скрывать... Люди, конечно, будут терпеть вынужденное безделье. Но если пандемию не удастся остановить, может начаться паника. Миллионы людей хлынут на Землю, во все концы Обитаемых миров... А вдруг эта лейкемия имеет возбудителя? Вирус пойдет гулять по всем мирам?! Нет, невозможно! То есть возможно, но допустить этого никак нельзя».

Совещание заканчивалось. Шевченко хмуро оглядел собравшихся, спросил:

— Все ли считают, что чрезвычайные меры необходимы? Ставлю вопрос на голосование... Двенадцать «за», двое «против». Хорошо.

Он помолчал, опустив голову, затем сказал:

— Итак, осталось самое неприятное. Кто из нас возьмет на себя роль варвара? Предупреждаю: истинные мотивы не подлежат огласке. Поэтому исполнитель, естественно, будет предан общественному презрению. Есть ли добровольцы?

Теперь опустили головы остальные.

Молчанка затягивалась.

— Позвольте? — Илья встал и тут же мысленно себя выругал: «Высочка! Это не твое дело. Служба Солнца здесь ни при чем. Это прерогатива Совета миров. Шевченко может на-

значить любого из нас... Зачем тебе добровольно брать на себя такой позор?»

Вопреки своим же мыслям он, пожевав губами, сказал:

— Я первым подал идею локализовать опасность. Я рад, что вы ее поддержали. Значит, мне и осуществлять задуманное.

Он улыбнулся, как бы ободряя присутствующих и призывая их принять его жертву:

— Вы не обижайтесь, ребята... Я в прошлом хирург. Мне привычнее отсекал ненужное и опасное...

Площадь Перемещений выходила на Приморский бульвар, простиравшийся вдоль всего побережья. Бульвар объединял многочисленные курортные поселения в один бесконечный город развлечений, который и назывался Золотым Поясом.

После полуночи на разноцветных дорожках движущихся тротуаров прохожих почти не было. «Это к лучшему, — подумал Илья. — Чем меньше людей увидит инсценировку, тем лучше. Варварство противно самому существу человека... А информацию они получат: утром будет специальное сообщение по программе «Инфор». Кроме того, каждый сможет собственными глазами убедиться, что натворил неизвестный сумасшедший...»

Вход на площадь Перемещений перекрывало заграждение из прозрачной силитовой пленки, на которой через каждые пять-шесть метров светились надписи на интерлинге: «Вход строго воспрещен! Карантин! Межпланетные сообщения временно прекращены».

Илья включил гравипояс, перемахнул через заграждение, осмотрелся. Кабины нуль-пространственных переходов располагались подковами по обе стороны площади. Их белые продолговатые эллипсоиды, увенчанные коронами антенн, напоминали то ли взвешенные плоды, то ли грустные лица идолов. Слева кабины приема, справа — передающие. «Они-то мне и нужны», — подумал Садовник.

Он снял с пояса тяжелый цилиндр универсального инструмента, включил генератор атомного распада. В торце цилиндра зажегся красный глазок индикатора готовности.

Ефремов еще раз проверил расстояние и силу заряда. Атомный обстрел должен повредить лишь шлюзовые камеры и частично площадь возле них. Словом, надо сделать так, чтобы на площадь Перемещений страшно было взглянуть. В то же время в случае необходимости ремонтники должны через два-три часа запустить нуль-переходы.

Илья прицелился, выстрелил. С громовым раскатом перед крайним зданием-эллипсоидом взметнулось голубое пламя. Он повел стволом, и в огненном вихре исчезли павильоны-ожидальки, розарии и летние кафе. Черным и красным светом наполнилась площадь, удушливым дымом от испепеленных пластиковых покрытий, жаром искореженных и частично расплавленных конструкций. Откуда-то повалил пар.

Ефремов отступил ближе к ограждению, опустил ствол излучателя. Краем глаза он заметил, что к площади бегут люди. Поспешно размазав на лице пот и копоть, Илья опять нажал спуск: Скорее! Скорее выжечь здесь все, вздыбить в атомном

расплаве землю, пощадив лишь уникальные творения человеческих рук — кабины нуль-переходов.

Он сделал последний выстрел и отвернулся от безобразной пляски огня.

За неощутимо тонкой пленкой ограждения стояли люди. Сотни людей. Толпа все прибывала, разрасталась.

Илья машинально шагнул к людям, но вдруг словно включился звук, и он услышал через гоготание пламени взволнованные голоса, увидел мужчин, которые старались разрушить ограждение, чтобы схватить маньяка, то есть его.

«Все. Можно уходить, — подумал Ефремов. — Черное дело сделано. Теперь хоть на люди не показывайся».

— Не трогайте его! — крикнула какая-то девушка, сдерживая толпу. — Разве вы не видите, что он безумный?!

Голос показался знакомым. Илья подошел к пленке, которую уже разрывали сильные руки, и узнал в своей защитнице Большое Счастье.

— Вот теперь я свободен, Фуцзы! — крикнул он ей.

Девушка в ужасе отпрянула от пленки-стены, а Илья, включив гравипояс, свечой взмыл в ночное небо.

В его комнате горел свет.

Он вошел, кивнул Егору и Славику, словно к нему всю жизнь гости приходили именно под утро — темнота за окнами стремительно таяла. На самом деле он, конечно, и удивился, и мгновенно заметил, что лица друзей горестные, серые от усталости. Сердце сжало предчувствие беды. Чтобы избавиться от него, Ефремов шутливо доложил:

— Маньяк-террорист прибыл! Не надо оваций! Я должен принять душ, иначе меня тут же опознают возмущенные соотечественники.

Он прошел в ванную комнату, включил программу «жесткой обработки» на максимум, чтобы хоть как-то продлить время. Стоя под кинжальными струями то горячей, то ледяной воды, терзаемый со всех сторон электрическими иглами и микровзрывами массажиста, Илья вдруг с тоской подумал:

«Все, что угодно. Но только не это!»

Он вышел из ванной, стал преувеличенно громко и живописно рассказывать, какой он устроил на площади Перемещений «театр». Потом замолчал, чувствуя, как немеет все внутри, как напрягается душа в предчувствии плохих вестей.

Егор сдвинул белесые брови, опустил в кресло.

— За ночь прибавилось еще двести восемьдесят шесть больных. И еще двое умерло, — сообщил он.

— Кто? — не спросил, а скорее выкрикнул Илья.

— Технолог Газанфар, житель Северной Пальмиры, и... — Егор замолчал.

— Второй? Кто второй? — закричал Ефремов. — Почему вы играете в прятки?!

— Мы не играем. — Егор встал, опустил голову. — Мы плачем, Илья.

Ефремов повернулся к Славику и в самом деле увидел, что его чуть раскосые глаза полны слез.

— Час назад умер Антуан, — сказал Славик.

УТЕЧКА НА ЛИНИИ

Пол вдруг ушел из-под ног, зазвенела посуда, сорвался с места и грохнулся подвесной садик амарилисов, и на белой скатерти расплылось уродливое пятно вишневого сока.

Кто-то испуганно охнул.

— Восемь баллов по шкале Рихтера, — тут же сообщил Помощник. — Сработали гравитационные компенсаторы.

— Что происходит, Рем? — окликнул Илья знакомого администратора, чей завтрак разлетелся по столу.

— Понятия не имею, — ответил тот и подошел к стене-окну. С пляжа бежали люди. Над потемневшим телом океана суетились красные капсулы спасавтоматов — падали на воду, стремительно уносились к медцентру.

Ожил стационарный «Инфор», расположенный в углу столовой. В объеме изображения появился не дежурный Совета, а сам Шевченко, как всегда немногословный и предельно собранный.

— Зарегистрированы непрогнозируемые мощные подводные толчки в местах основных поселений людей, — сказал он. — Служба оповещения цунами предупредила, что к Золотому Поясу идет волна со скоростью около девятисот километров в час. — Шевченко сделал паузу, глянул на часы. — Объявляю тревогу! Эвакуацию закончить в течение двадцати минут. Все здания и отдельные модули переводятся в режим полета. Всем отдыхающим занять свои жилые помещения. Администраторам через десять минут доложить о ходе эвакуации в закрепленных за ними зонах.

— Какой ужас! — Обычно невозмутимый профессор экологии Висвалдис схватился за голову. — Чем мы прогневили Ненаглядную?! Она все убьет! Нас, сады и парки, прекрасные цветники... Она сорвет Золотой Пояс...

— Вряд ли это обычное стихийное бедствие, — заметил Илья, стараясь отвлечь Висвалдиса и перевести разговор на близкую его профессии тему. — Ненаглядная сейсмически пассивная планета. И вдруг одновременные толчки. Причем можно сказать — направленные толчки... Напрашивается вывод, что люди каким-то образом вошли в конфликт с... планетой. Это по вашей части, профессор.

Висвалдис оживился.

— Стало быть, вы утверждаете, что Ненаглядная, как замкнутая экологическая система, обладает инстинктом третьего рода, то есть не позволяет выводить себя из равновесия? — Профессор на секунду задумался и заключил: — Отсюда разумно предположить, что и пандемия и цунами — проявления инстинкта самосохранения в масштабах планеты?!

— Это вы утверждаете, — улыбнулся Илья. — Я, правда, предполагал нечто в этом роде, однако не нашел ни одного фактора, нарушающего экологическое равновесие. Планета используется как курорт. Мы практически не вмешиваемся в ее биосферу, не передельываем климат и ландшафт, хотя многое здесь можно было бы устроить гораздо разумнее.

Здание административного центра, в котором разместились Садовники-эксперты и прибывшие с ними крупнейшие специа-

листы Обитаемых миров, тихонько вздрогнуло, освобождаясь от земных пут. Антигравы бесшумно возносили его над растревоженным городом.

— Вы знаете, — сказал эколог, — у нас по-земному догматичные представления о здоровье природы. Мол, если отравить целое море или уничтожить полконтинента, то это уж как-то скажется. В принципе взаимосвязи в биосфере могут быть чрезвычайно тонкими. Я бы сказал — утонченными. Помните чудесный рассказ Брэдли, в котором из-за раздавленной в прошлом бабочки разительно изменяется будущее?

— Вы хотите сказать, что мы все-таки что-то здесь нарушили? — Илья подошел к стене-окну. Океан поблескивал свинцово и грозно, будто аспидно-черная грозовая туча.

— Это не я говорю, а планета, — в тон ему ответил эколог. — Но что говорит — мы не поймем. Где та «бабочка», которую мы не заметили, отдавшись всепланетному безделью?

— Не знаю, брат, — грустно заключил Садовник. — Никто пока не знает.

Висвалдис ошибся. Цунами не просто сорвало Золотой Пояс, но и обезобразило, разрушило во многих местах берег, коммуникации, такие стационарные строения, как центры обслуживания, площади зрелищ, спортивные и детские городки.

Странно и непривычно выглядел бесконечно длинный город-курорт за пятнадцать минут до прихода волны. Будто сорванные штормовым порывом ветра, зашевелились, поплыли медленно вверх многоэтажные здания. Сотни тысяч индивидуальных модулей, оставив земные «приколы», также устремились в спасительное небо — поодиночке, блоками и гирляндами, как жили их хозяева.

Из окон и лоджий административного центра, который поднялся несколько выше, все это казалось широкой полосой разноцветного мусора, колеблющейся у берега потемневшего океана.

— Идет! — выдохнул кто-то за спиной Ильи.

Волна была далеко и казалась морщиной на лице океана. Ближе к берегу, попав на мелководье, стремительно движущийся вал начал на глазах разбухать, расти вверх. В нем началось тяжелое и грозное движение. Ярость взбешенной воды изогнула волну хищным гребнем. Но еще до волны налетел ветер и принес непонятные звуки — глухое погромыхивание, шипение, свист, резкие удары-всхлипы. Сначала темно-зеленая, затем иссиня-черная стена волны надвинулась на Большой коралловый риф и с громовым ударом планетарных двигателей сломалась, растеклась безобразно грязным пятном, в котором исчезли сады и рощи. Будто срезанные лучом универсального инструмента, рухнули и захлебнулись в мутном потоке реликтовые сосны.

Волна медленно отхлынула. Летающие жилища людей стали возвращаться на землю. Опускались они осторожно, разыскивая свободные места между обломками зданий и деревьев, перемешанных с песком, водорослями, искореженными металлическими конструкциями, камнями, мертвыми рыбами и огромными подобиями земных медуз.

Илья с Егором не без труда очистили вход коллектора, к ко-

торому затем подключили коммуникации здания — энерго- и водоснабжение, систему гигиены и утилизации.

За этим занятием и застал их Шевченко.

— Похвально, — не без иронии сказал Михаил Владимирович. — Руководитель группы Садовников-экспертов и его ближайший Помощник занимаются тем, чем должны заниматься или автоматы, или в крайнем случае техники.

— Мы пока без дела, — ответил Егор. — Одним техникам с последствиями цунами не справиться.

— Дело есть, — устало вздохнул представитель Совета миров. — Похоже, Ненаглядная объявила нам настоящую войну. Лично я не склонен усматривать в лавине бед, которые обрушиваются на нас, только стечение обстоятельств.

— Что-то еще случилось? — удивился Илья.

— Пока трудно судить о причинах. Может, обычная неисправность, которую проморгала автоматика. — Шевченко присел на обломок известняка. — За полчаса до подводных землетрясений начались перебои в энергоснабжении всей зоны Золотого Пояса. Мне доложили, но затем пришлось заняться эвакуацией, было не до поломок. После ухода волны энергоснабжение полностью прекратилось. — Михаил Владимирович привычным движением помассировал виски.

— Час от часу не легче, — присвистнул Ефремов. — Я где-то читал, чтобы убить современную цивилизацию, достаточно отключить ток.

— Вот именно, — согласился Шевченко. — У меня нет пока фактов, но во всех событиях, разыгравшихся на планете, можно усмотреть проявление некой злой воли. Присмотритесь, пожалуйста, поищите, откуда может исходить опасность... Этот молодой человек... — Михаил Владимирович повернулся, и друзья только теперь заметили высокого гибкого юношу в золотистом комбинезоне энергетика — он стоял в сторонке, возле универсального вездехода-лаборатории, — наш лучший специалист по энергетическим системам. Он проверит исправность линии и автоматики. А вы поищите то, о чем мы только что говорили. Будьте предельно осторожны. И держите меня в курсе...

Шевченко подошел к юноше, положил на плечо руку:

— Постарайся, Скворушка... Сутки-другие мы, конечно, продержимся. На аварийном питании, аккумуляторах. Но дальше будет худо.

Юноша покраснел.

— Я понимаю, — ответил он, стараясь, чтобы слова его прозвучали веско и убедительно. — Мы управимся еще к вечеру. Не беспокойтесь, Михаил Владимирович.

Они тронулись в путь. Егор, любясь тонким, одухотворенным лицом юноши-энергетика, не выдержал и спросил:

— Простите, почему Скворушка? Прозвище?

Парень опять покраснел.

— Моя фамилия Скворцов, Николай Скворцов, — представился он.

— Очень знакомая, — пробормотал Илья, вглядываясь в карту-схему энергосети Ненаглядной. — Если не ошибаюсь, Луна-опера, прошлое лето, большой приз Обитаемых миров,

двенадцать тысяч поклонниц, скандирующих: «Пой, Скворушка»?

— Все так, — засмеялся Николай. — Песня — моя вторая профессия... Правда, зал там вмещает восемнадцать тысяч зрителей.

Вездеход миновал уцелевшую распределительную подстанцию и углубился в лес. Мокрая листва зашелестела по колпаку кабины, голоса птиц тотчас прервали разговор людей, заставив их на какое-то время замереть от удивления. Наверное, здесь и родилось название планеты. В отличие от земных тропических лесов тут было просторно и солнечно. Оазисы высоченных реликтовых сосен утопали в лиственных светлых подлесках, поляны полевых цветов незаметно переходили в разлив Жемчужных озер, густо поросших древовидными орхидеями.

И где бы ни скользил вездеход, удерживаемый антигравом невысоко над землей, через каждые полкилометра вырастали совершенно одинаковые пластиковые золотисто-красные опоры, удерживающие кабель плазмопровода. Автоматическая энергостанция в целях безопасности располагалась в семидесяти восьми километрах от Бесконечного города.

— Объясните, Коля, ситуацию, — попросил Илья Скворцова. — Мы не успели опомниться после цунами, а тут новая беда...

— По всему видно — на линии крупная утечка, — оживился парень. — Станция работает нормально, значит, энергия теряется где-то в пути. Посмотрите. Это станция, а вот плазмопровод.

На экране чистым зеленым огнем светился октаэдр станции, зато нитка линии передачи еле проглядывалась.

— Это собственное поле кабеля, — пояснил Николай. — Целая прорва энергии порядка двадцати гигаватт куда-то уходит. Мы должны обнаружить утечку.

Вездеход углубился в редколесье. В кабине заиграли блики, повеяло легкой прохладой. Здесь, в пятидесяти километрах от берега, кошмарным сном казалась ярость океана, воплотившаяся в черную стену цунами, опустошенное побережье. И уж вовсе не хотелось верить, что неведомая опасность может скрываться и в этом лесу, в этой неземной благодати.

Николай, напевая шутливую балладу о ленивце, пережившем в полудреме гибель собственной вселенной, притормозил, перегнулся через борт и сорвал несколько бледно-лиловых кувшинок.

— Кошунство, конечно, — согласился он, поймав удивленный взгляд Ильи. — Но цветы не пропадут. Стоит бросить их в воду, как они тут же заведут себе новую корневую систему. Эти кувшинки, кстати, завезены с Земли. Лет пятнадцать назад. Я об этом знаю, потому что моя мама селекционер. Она занимается именно декоративными растениями.

Скворцов упомянул о матери, и Илья вновь увидел белый кокон жизнеобеспечения, услышал шепот Антуана: «Только маме, только маму... Не говорите ей...» Почему? Ну почему человек на своем пути познания должен упираться то в одну, то в другую глухую стену?! За что ему эти постоянные испытания? Илья вспомнил муки неизвестности, когда над ним месяц назад скалой нависала тайна туманности Окно, и подумал, что

жизнь и расселение людей в галактике напоминает бег с препятствиями. Взял один барьер, впереди другой, затем третий. И так без конца. Впрочем, в этом есть свой резон. Проще и на стадионе отойти в сторонку, прилечь на траву, вздремнуть... Но тогда исчезнет движение, ради которого, может, и существует жизнь.

На экране вдруг тревожно разлился пульсирующий алый свет.

— Есть утечка! — воскликнул Скворцов, рывком останавливая вездеход-лабораторию.

Он достал из стенного шкафа два точно таких комбинезона, в котором был сам, попросил:

— Оденьтесь, пожалуйста. На случай, если придется выйти. Эта ткань — идеальный изолятор...

Энергетик будто и не пел пять минут назад. Он вглядывался в экран и, осторожно продвигая вездеход к очередной опоре, которая торчала над деревьями, отрывисто бросал вопросы бортовому логическому блоку:

— Напряженность поля? Индукция?.. Заряд проводника, емкость?..

Блок ответил. Николай на секунду откинулся в кресле, прикрыл глаза. Затем повернул к Садовникам сразу постаревшее лицо.

— Не понимаю! — сказал Скворцов и махнул рукой в сторону опоры. — Такого не бывает в природе. Не может быть!

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Егор.

— Приборы свидетельствуют, что вся энергия, вырабатываемая станцией, не просто теряется, а аккумулируется в районе этой опоры.

— Но в природе не существует таких емкостей?! — удивился Егор, невольно повторив слова Скворцова. — Ну, шаровая молния. Так это же игрушка...

— Не только в природе, — сказал Николай. — Человек тоже еще не умеет аккумулировать такие запасы энергии.

— Опять фокусы Ненаглядной! — проворчал Ефремов, вглядываясь в опору.

Кабель плазмопровода возле опоры опутывало нечто вроде сизой паутины или пряжи, космами свисавшей к земле.

— Включите запись изображения, — попросил Илья Скворцова. — Что показывают анализаторы?

— Ничего нового, — пожал плечами энергетик. — Попробую зонд. Надо захватить кусочек этой пряжи. Ребята в лаборатории быстро ее распутают.

Шарик зонда оторвался от вездехода, нырнул в сизые космы. Ефремов невольно прищурил глаза, ожидая ярчайшей вспышки. Однако в следующие мгновения зонд благополучно вынырнул из странного новообразования и вернулся в свое «гнездо».

Скворцов достал специальный щуп, зарастил комбинезон.

— Что вы собираетесь делать? — настороженно спросил Егор.

Николай улыбнулся:

— Заняться своим делом. Надо проверить саму опору. Если она рухнет...

— Мы не знаем, насколько опасна эта «пряжа», — возразил Илья. — Оправданна ли ваша вылазка?

— Я полностью защищен, — сказал энергетик, превращая капюшон в подобие шлема космического скафандра. — Как специалист, я отвечаю за безопасность всех работ. Так вот. В этом костюме я могу ловить молнии Перуна. Не беспокойтесь, друзья.

Он выпрыгнул на болотистую почву, брызнувшую жижей, и по кочкам пошел к золотисто-красной колонне опоры, которая стояла на песчаном взгорке.

— Не нравится мне все это, — отрывисто бросил Егор, глядя вслед Скворцову. — Пряжа не нравится, да и сама красотка Ненаглядная. Тоже мне рай неземной... Есть что-то противоестественное в понятии «планета-курорт». Праздность, прожигание жизни... Горькая судьба для планеты!

Николай, осторожно приблизившись к опоре, произвел какие-то замеры. На безобразной бахrome, серым занавесом опускавшейся к земле, странным увеличенным образом отразилась его фигура.

Затем он протянул щуп к «пряже», повел его вверх. И вдруг замер.

— Что?! — заорал Илья, вскакивая. — Что случилось, Коля?

Из канала связи, который Егор тут же включил на полную мощность, доносилось прерывистое дыхание энергетика.

«Пряжа» дрогнула, тысячами нитей заструилась к человеку, опутала его защитный комбинезон.

— Назад! — крикнул Илья. — Немедленно назад!

Скворцов вдруг запел. Это было так дико и неожиданно, что Илья с Егором замерли, вслушиваясь в хриплый голос. Он то возвышался, звенел над болотом, вырвавшись из усилителей вездехода, то падал до шепота, переходил в невнятное бормотание:

Ладно, еще один день — как огромно все это:
словно ты прыгаешь в новую бездну
или в другие новые бездны, в другое
царство транзита — у этой истории
нет конца, даже когда приходит конец,
а когда все опять начинается, тебя уже нет¹.

Илья стал лихорадочно заращивать свой комбинезон.

Скворцов вяло отмахивался от сизой паутины, будто от назойливых ос. Затем, уронив щуп, отступил на несколько шагов, повернулся к вездеходу. Его покачивало.

Садовники, не сговариваясь, выскочили из вездехода, чтобы увести энергетика от гиблого места, помочь ему добраться к зоне действия защитного поля.

И тут Скворцов засветился. Точнее, он стал сначала полупрозрачным, словно какой-то неведомой силы свет пронзил и его тело, и защитный костюм.

¹ Пабло Неруда.

Он стал отступать от вездехода, пытаясь руками защитить глаза и не понимая, что свет идет изнутри.

Илья бросился к нему и тут же упал, сбитый ловким ударом Егора:

— Не смей! Опомнись! Ему уже не поможешь!

Вряд ли он удержал бы товарища, но тут Скворцов тоже упал. Тело его засияло, будто шаровая молния, вокруг него задымилась, а затем вспыхнули ветки низкорослого кустарника.

— Коля! Скворушка! — в отчаянии простонал Илья. — Что ты натворил, Коля!

Вечером Полина почему-то не позвонила.

Илья вспомнил, как рвалась жена лететь вместе с ним на Ненаглядную, и порадовался, что Полина осталась на Земле. Нечего ей делать в этом неправдоподобно красивом мирке, который поразил неведомый недуг. Тайны и беды множатся, вырастают десятками, как поганые грибы... Черное пламя смерти, вызванное пандемией, частично, правда, удалось погасить. Завтра гематологи Земли пришлют первую партию искусственных селезенки, поступили и используются могучие препараты, восстанавливающие нормальное функционирование кроветворных органов. Но уже появилась новая загадка. Что, кроме беды, значит справка медцентра, на которую обратил его внимание академик Янин? Всего несколько фраз: «При профилактическом осмотре на планете обнаружено четыреста восемьдесят семь случаев стерильности практически здоровых женщин. Стерильность, по-видимому, обусловлена внешними факторами». Янин, поблескивая лысиной, дважды прочел информацию, спросил в упор: «Вы, конечно, догадываетесь, что, как и в случае с нелепейшей вспышкой лейкемии, никаких внешних факторов не обнаружено?» — «Я предполагаю такое», — согласился Илья. «Так вот! — заключил академик. — Запомните: Ненаглядная хочет нас или прогнать, или истребить. Третьего не дано. Ей мало пандемии и якобы стихийных бедствий. Она исподтишка делает наших женщин бесплодными... Это звенья одной цепи, Садовник».

Последняя фраза Янина запала Илье в душу. В самом деле, как ни посмотри, во всех событиях обнаруживаются признаки планомерного наступления на человека. Но как, каким образом планета может почти осознанно реагировать на присутствие людей? И чем они ей, в конце концов, досадили? Где та «раздавленная бабочка», о которой говорил Висвалдис?

Илья попробовал отключиться от назойливых мыслей. Представил Полину: ее светлые волосы, родные, зеленоватые глаза, в которых помещается столько тепла и света, золотистый пушок над верхней губой... Поскорей бы домой! К светлым водам речушки Выпи, где они «заякорили» свой модуль, к лесу и его росным полянам, которые в двадцати минутах ходьбы от дома... Улетая, он просил Полину побольше гулять... Вот бы увидеть ее сейчас. Как она идет по тропинке, будто плывет, — куда подевалась бывалая порывистость. А все Он — еще неизвестный им человек, спящий под материнским сердцем. Как они там, его родные?

...Он увидел тут же и Выпь, и побитую спорышем тропинку, свой модуль у берега. В следующий миг над этим тихим уголком изогнулась, затрепетала от гнева черная стена цунами, та самая, от которой они спаслись здесь, и Илья со всей неотвратимой ясностью кошмара понял, что на этот раз не уйти... Он застонал, повернулся на другой бок.

В углу комнаты, рядом с постелью Ильи, вдруг вспыхнул объем изображения.

— Ил, — тихонько позвала Полина.

Черты лица спящего, измененные страшным сновидением, разгладились. Он даже улыбнулся, но так и не проснулся.

Полина сидела, набросив на плечи пуховый платок, и молча смотрела на мужа. Далекое солнце Земли зажгло ее волосы, и они сияли вокруг смуглого лица будто нимб.

Потом, вспомнив, что время сеанса кончается, порывисто встала, хотела, наверное, разбудить спящего, но в последний момент передумала.

Она протянула бестелесную руку, погладила голову Ильи, коснулась его закрытых глаз, губ. Со стороны Полина казалась феей, залетевшей ночью к своему возлюбленному и осыпавшей его эфемерными, неосязаемыми ласками.

Колокольчиком отозвался сигнал прекращения связи — изображение феи растаяло.

ОБОРОТНИ

На берегу трудились уборочные автоматы. Красные многопалые крабики, манипулируя антигравитацией, таскали куда-то в глубь временного поселка поверженные реликтовые сосны, убрали мусор, ремонтировали местами разрушенную набережную.

Илья несколько раз нырнул, а когда вышел на берег, увидел Славика. Тот сидел на поверженном пляжном зонтике и хмуро разглядывал купающихся.

— Ты чего надулся? — удивился Илья. — И на завтраке тебя не было.

— Нездоровится, — сказал Славик и постучал себя по лбу. — Головная боль. Точно как при давлении. Особенно по вечерам доносится. И утром. Днем легче.

— Ты что?! — Илья насторожился. — Проверился хотя бы?

Славик махнул рукой.

— От забот болит... Был я, конечно, в медцентре. Говорят — практически здоров. А вчера как прихватило, так я включил гипноз и скрылся в царстве Морфея.

— Может, это штучки Ненаглядной? — не согласился Илья.

— Не хватало, чтобы она нас поодиночке начала преследовать, — улыбнулся Славик. — Ты, Илюша, из обычной планеты какого-то мстителя сотворил.

Ефремов сложил полотенце и только теперь заметил, что левая рука Славика перевязана.

— А это еще что? Тоже от забот?

— Ты не знаешь? — в свою очередь удивился товарищ. — Впрочем, ты вчера утечкой занимался... Вечером пожар был. Даже не вечером, ночью.

— Почему не разбудили? — нахмурился Илья. — Такое творится, а я последним узнаю. Что горело?

— Цех дублирования предметов обихода. Точнее, склады. Ты же знаешь, что такие вещи изготавливают впрок, серийно... А будить тебя Шевченко запретил. Вы, говорит, Садовники, а не пожарники.

— Ожог? — Илья кивнул на забинтованную руку.

Славик пожал плечами:

— Мал мала есть. Что интересно, я даже не заметил, когда и где прихватило. Ночью тревога, а у меня голова как чугуная... Люди бегут, суета, крики. Пожарные гравилеты все пеной забросали — чуть не утонул...

— От этих неслучайных случайностей уже начинает становиться скучно, — сказал Илья. — Действия Ненаглядной бессмысленны и жестоки. Агрессивность ее возрастает. Иногда мне хочется все же эвакуировать людей и превратить эту милую планету в облачко электронного пара.

— Я не сказал главного. — Славик наблюдал, как неподалеку среди крутых волн прыгают и смеются девушки. — Это был поджог.

Илья уронил полотенце:

— Ты с ума сошел!

Славик рассказал что группа отдыхающих альпинистов, возвращаясь поздно вечером с восхождения на Белые горы, заметила огонь в районе цеха дублирования. Они тут же сообщили службе 01 и принялись тушить пожар. Альпинисты утверждают, будто они видели минимум тронх злоумышленников, но задержать не сумели... Они сначала даже не поняли: как это человек может что-либо уничтожать. Тем более не личную вещь, а общественное.

— Может, — пробормотал Илья, вспомнив дикую, патологическую выходку художника Жданова, чью судьбу пришлось ему исправлять лет пять назад. — Астрономически редко, но еще пока может...

— Так вот, — закончил рассказ Славик. — Мне и академику Янину поручено разобраться с этими... — он искал слово, — оборотнями.

— Может, здесь замешаны Нищие духом? — предположил Илья.

В служебных записях Антуана он не раз встречал упоминания о Нищих духом — группе моральных уродов, обосновавшихся на Центральном материке в районе бухты Миражей. Поселение свое они назвали глупо и претенциозно — Рай.

— Исключено. Уже проверили. — Славик посмотрел на часы. — Янин вчера, сразу же после пожара, послал туда своего фантома и пересчитал их, как баранов. Все Нищие оказались на месте.

— Между прочим, первый случай заболевания лейкемией был обнаружен именно в Раю, — задумчиво заметил Илья и спросил: — Ты торопишься? Тогда беги. Я хочу еще заглянуть к экзобиологам...

Славик ушел, а Илья сел на его место и, повернувшись лицом к океану, прикрыл глаза. Надо как-то выбрать время и слетать к Нищим, подумал он. Ведь этот Рай, рудимент прош-

лого, точнее, того безобразного, что было в прошлом, волнует всех. Им занимается специальный сектор нашей Службы Солнца... Быть здесь и не повидавать Нищих, не попробовать понять, откуда пришло эхо зла...

— Я вас узнала, — услышал Илья знакомый голос и тоже узнал девушку, еще не успев открыть глаза.

— Да, я тот варвар, который уничтожил площадь Перемещений. — Ефремов улыбнулся маленькой китаянке, подвинулся. — Присаживайтесь, если не боитесь. Учтите: я как преступник предан общественному презрению. Хотите меня попрезирать?

— И все вы врете, — сказала Да Фуцзы. — А еще Садовник. Ясно же, что вы не сами это придумали. Совет побоялся паники, решил подстраховаться. А на самом деле — перестраховался... Вам не стыдно врать, Садовник?

— Очень стыдно, — охотно согласился Илья. — Но вот насчет перестраховки вы не правы. Конечно, человек управляет своими инстинктами, однако... Представьте на секунду, что этот пляж покрыт мертвыми, разлагающимися телами, которые санитарные гравилеты не успевают вывозить. Дома тоже забиты мертвецами — наша пандемия имеет взрывной характер... Так вот. Инстинкт самосохранения в такой ситуации весьма опасная штука...

— Зачем вы меня пугаете?! — Девушка даже отступила. — Разве такое возможно? Это какой-то кошмар.

— Такое не исключалось еще несколько дней назад, — сказал Ефремов. — К счастью, пандемия пошла на убыль. Я не буду вас больше пугать.

— Теперь моя очередь, Садовник.

Да Фуцзы решительно сорвала с мокрых плеч гирлянду светящихся цветов, выпрямилась.

— Скажите, кто тот человек, с которым вы только что разговаривали?

— Друг.

— Он враг, — возразила девушка. — Я была вчера на пожаре — мы возвращались с гор. Я узнала его. Он жег там все из такой же штуковины, какую я видела у вас на площади Перемещений. Только у вас было нормальное лицо, а у него мертвое. Ствол его штуковины раскалился... Он поддерживал его левой рукой и не замечал боли. Теперь вот перевязанный...

— Этого быть не может, — холодно сказал Илья. — Вы обознались, Фуцзы. Я уверяю — вы обознались.

Девушку позвали. Она пожала плечами, поклонилась, как бы извиняясь за неприятный разговор, и побежала к воде.

«Не хватало, чтобы мы стали искать врагов среди своих. Подозрительность — черное, давно забытое понятие. Нельзя, чтоб она, как змея, подняла голову, воспользовавшись неразберихой и неизвестностью. Хорошенькое дело получается: если верить Фуцзы, Славик ищет возможности изблечь самого себя...»

Еще он подумал, что пожар, наверное, не последняя выдумка планеты, изгоняющей людей, что, может, следует вновь поискать на Ненаглядной скрытую форму разумной жизни, цивилизацию, но тут же отбросил эту мысль. Искали уже, про-

веряли. Нет здесь присутствия духа. Есть обычная материя, воплотившаяся в красоту.

Вечером, за дружеским чаепитием в административном центре, Ефремов хотел рассказать о разговоре на берегу, посмеяться над нелепым обвинением, но, взглянув на усталое, отрешенное лицо Славика, передумал шутить.

За чаем Илья узнал две новости, которые немного успокоили его: комиссия не нашла следов поджога, альпинисты, по-видимому, ошиблись; гипотезу Ефремова — Висвальдиса о том, что присутствие человека на планете может нарушать ее экологический баланс, по распоряжению Шевченко начала проверять большая группа специалистов.

Он рано радовался. В четыре утра по местному времени Ефремова разбудил сигнал общей тревоги. Топот ног заполнил коридор.

— Нет! — Шевченко решительно пристукнул ладонью по столу. — Наша с вами, Илья, версия ни к черту не годится. Эпидемия, землетрясения, пожар... Все это еще кое-как вписывалось. Мол, человек — аллерген, вот бедная планетка и корчитесь... Но взрыв на фабрике биосинтеза! Да что взрыв. Там бой сейчас идет!

— Бой?! — Илья и Егор вскочили одновременно. Пальцы их пробежали по пластинкам поясов, приводя костюмы-скафандры в готовность.

— Самый настоящий. И отчаянно скверный, потому что там всего лишь девять наших ребят. Можно сказать, безоружные. Парализаторы действуют на сто шагов, а противник лупит атомными зарядами...

— Что за противник?

Илья вдруг почувствовал: все рушится. Все в одну кучу — факты, догадки, понимание происходящего... Стрелять могут только разумные существа или созданные ими механизмы.

Поняв его растерянность, Шевченко угрюмо сказал:

— Я думаю точно так же, Садовник. Природа стрелять пока еще не умеет.

— Мы летим туда, — твердо заявил Егор. — С нами настоящее оружие и знания древнего военного искусства. Мы разыщем безумцев и остановим их.

— Будьте осторожны, — предупредил Шевченко. — Постарайтесь выяснить главное: кто против нас?

— Мы обо всем сообщим, — кивнул Илья и, включив антиграв, полетел вслед за Егором к выходу на кольцевую лоджию-сад.

Минут десять они неслись на предельной скорости вдоль берега. Океан внизу лежал буро-зеленый, страшный, вывернутый наизнанку недавними подземными толчками. Поваленные деревья, горы песка и мертвых водорослей, обломки скал и новые бухточки — следы цунами были повсюду.

Возле бывшей реликтовой роши они повернули на север, к Белым горам, и тут же резко снизились — туман предгорий смешивался с низкими тучами, то и дело срывался дождь.

Дыма они поначалу не увидели — мешал все тот же туман. Затем внизу ало вспухло пламя — оно наполняло купол фаб-

рики, вернее, то, что от него осталось, растекалось между деревьев, подступало к разноцветным жилым модулям.

— Дела, — протянул Егор и добавил: — Я вызвал Славика. Три «ствола» — это все-таки сила.

— Пора рассредоточиваться, — перебил его Илья. — Переходи на бредущий — и к складам готовой продукции. Я видел там людей. Я же пойду вдоль этой скальной стены. Там транспортная площадка. Надо перекрыть выходы.

В эфире послышался чей-то смехок. Удивительно знакомый и одновременно чужой, какой-то неживой. И тотчас в них разговор ворвался третий голос. Хриплый и злой.

— Я Рэй Карпов, главный оператор. Почему разговариваете в открытую? Противник прослушивает эфир и перебьет вас поодиночке.

— Где вы? — спросил Илья. — Отвечайте только в том случае, если это вам не повредит. И главный вопрос — знаете ли вы сущность противника?

Карпов хмыкнул.

— Что еще за сущность? Какие-то люди... Мы уже четырех уложили, сутки наркоза им обеспечены... Но у них зажигалки и какая-то очень серьезная дрянь. Похуже бластера. Ищите нас у складов готовой продукции, ребята. Только осторожно...

Голубая вспышка атомного пламени «растворила» в десяти шагах от Ильи старую скалу, усеянную шарами кактуса-бродаги.

Илья похолодел: «Этого еще не хватало!»

Стреляли из универсального инструмента, который имел генератор атомного распада. Такие инструменты имели только первопроходцы и... Садовники. Другое обстоятельство было и вовсе странным: Илья сразу же понял, что оружие или в руках неумехи, или противник явно... не хотел попасть.

«Я тоже... не хочу, — подумал Илья, переводя свой излучатель на микрозаряды. — Я не хочу убивать тебя, кто бы ты ни был. Но сейчас тебе будет жарко».

Он дал три короткие очереди. Крохотные шмели плазмы загрохотали в кустах. Кто-то вскрикнул дурным голосом, затрещали ветки.

— Возле складов порядок, — доложил весело Егор. — Противник ретировался после первого же «показательного» залпа. Славика, кстати, еле дозвался — он на другом континенте и прилететь не сможет.

— Мой противник, кажется, тоже отступает, — пробормотал Илья, осторожно продвигаясь к транспортной площадке.

С шумом, будто большая птица, из-за скал взмыл голубой глайдер.

Илья повел раструбом излучателя. И опустил его. Разряд в воздухе — верная гибель машины. Не надо нам ваших трупов. Это будет уже не бой, а месть. Хотя если кто-нибудь из ребят здесь погиб...

— Послушайте, Карпов, — сказал он. — Нет ли потерь? Я Садовник Ефремов. Все ли живы?

— Обошлось, — после паузы ответил главный оператор. — Янека, правда, ранило. Ожог. Уже отправили в медцентр.

— Хорошо. Сейчас займемся.. — Илья поискал слово и почему-то вместо «пленными» сказал: — Займемся спящими.

В куполе бывшей фабрики что-то начало взрываться — методично, тяжело, перемешивая все, что там еще оставалось, в один уродливый багряный расплав.

Четверо пленных лежали на ковровом покрытии пола и мирно спали. Один из них — светловолосый, с женственными чертами лица — даже тихонько пошвыстывал носом.

Илья еще раз проверил силовые коконы, которые невидимыми нитями спеленали пленных, оглянулся. В зале уже собрались все ведущие специалисты Ненаглядной. Возле сектора связи стоял Шевченко и разговаривал, по-видимому, с Землей. Академик Янин переходил от одного пленного к другому, недоверчиво вглядываясь в их безмятежные лица.

— Слава, прошу тебя, — сказал Илья.

Из Северной Пальмиры Славик вернулся хмурым и разбитым, опять пожаловался на головную боль. Однако неожиданное нападение на биофабрику поставило сразу столько вопросов и задач, что Ефремов попросил товарища взять на себя хоть самое простое — установить через Информаторий личности диверсантов.

— Есть такое слово, — пояснил он, уловив во взгляде Славика непонимание и какую-то тусклую настороженность. — Было раньше. Давно. Пришлось вот вспомнить.

— Личности... диверсантов установлены, — смертельно усталым голосом начал Славик.

Илью пронзила острая боль: мы жалеем людей — ежечасно, ежесекундно, — а себя, а друзей... Вот и Славик. Ему плохо, очень плохо, ты же видишь. И в то же время не замечаешь беду близкого. Мол, других надо жалеть, чужих...

— Егор Матвеев, историк, специализация — древние века. Отдыхающий. Винченцо Валенти, оператор центра обслуживания. Шестой год работает на Ненаглядной. Камил Клейн, поэт. Отдыхающий. Жером Йенсен, врач. Отдыхающий.

Академик Янин подтолкнул Илью:

— Что значит смешанные браки и ассимиляция народов! У меня есть ассистент — Жан Хорхе Иванов-Патанджали... Представляешь?.. Что касается «так называемых диверсантов», то боюсь, что каждый из нас мог оказаться на их месте. Здесь какое-то влияние на психику людей.

Шевченко, услышав слова академика, повернулся к ним:

— Это мы сейчас и проверим. Попросите разбудить одного из них. Скажем, Клейна.

Минут через пять Клейн открыл глаза. С недоумением, а потом с тревогой он обвел взглядом собравшихся в зале, попытался подняться, однако невидимые путы не дали ему даже пошевелинуться.

— Что все это значит? — спросил он. Обращался он к Шевченко, заметив на его комбинезоне знак Совета миров.

— Извините, что мы ограничили свободу ваших действий, — сухо сказал Шевченко и сел в кресло, чтобы не возвышаться над собеседником. — Это вынужденная мера. Я думаю, что недоразумение сейчас выяснится. Для этого вам нужно ответить на несколько вопросов.

— Я готов, — так же сухо ответил Клейн. Его лицо, уже чуть обрюзгое и тронутое морщинами, не скрывало обиды. — Я готов на все, лишь бы понять, что происходит.

— Где вы находились ночью, а также вечером? — спросил Шевченко.

— Спал, разумеется... — Вопрос явно удивил поэта. — Попробовал после ужина поработать, однако ничего не вышло. Наверное, расшалились нервы. Эпидемия, карантин... Потом эта ужасная волна... У меня даже голова разболелась. Поэтому я лег рано — где-то около одиннадцати.

— Простите, Камил, но ваше сознание сейчас контролируется, — гораздо мягче и уже как бы извиняясь сказал Шевченко. — Мы не можем в данной ситуации верить на слово.

Клейн на миг прикрыл глаза.

— Получается, что я преступник? — прошептал он. — Даже не просто преступник — опасный. Ведь если я не ошибаюсь, зондирование сознания допускается только в случае прямых враждебных действий против общества?

— Да, прямых и враждебных, — согласился представитель Совета миров. — Что вы можете добавить к своему рассказу?

— Ровным счетом ничего, — потерянно ответил поэт. — Я спал.

— Вам знакома эта вещь? — Шевченко показал Клейну тепловой патрон, так называемую «зажигалку».

— Впервые вижу.

Подошел Егор, который работал с блоком поливита, контролирующего сознание подозреваемого.

— Он действительно... спал, — сказал Егор, снимая с Камилы Клейна силовые путы. — И, как мы знаем, вел в это время бой на фабрике биосинтеза, забрасывал ее вот этими «зажигалками».

У вскочившего на ноги Камилы от крайнего изумления даже приоткрылся рот.

— Но я не помню, я ничего не помню, товарищи, — прошептал он. — Это какое-то безумие. Я никогда не держал в руках оружие... И потом — зачем, почему? — Его голос возвысился: — Чтобы я, Камил Клейн...

— Успокойтесь, дружище, — сказал Егор. — Ваше сознание не участвовало в ваших действиях. Парадоксально, но факт. Вы исполнитель чьей-то чужой воли, Камил. Как и эти спящие бедняги.

В зале замерли. Предчувствие грозной опасности было таким явным, что люди невольно глянули на дверь конференц-зала. Вдруг она вот сейчас, сию минуту откроется, и на пороге встанет или возникнет, задрожит, запульсирует, замерцает Некто или Нечто и объяснит наконец, чем же провинились люди в этом неземном раю.

«Он тоже жаловался на головную боль», — подумал Илья и поинтересовался глазами Славика. В зале его не оказалось.

— Срочно узнай, сколько на планете находится первопроходцев, — попросил он Помощника.

Логический блок ответил тут же, не задумываясь:

— Ни одного.

«Как так?! — чуть не вскричал Илья. — Значит... Значит, на планете всего-навсего четыре универсальных инструмента. Мой, Егора, Славика и Шевченко. Инструмент Антуана согласно инструкции в тот же день отправили на Землю... Да, Фуцзы утверждала, что видела там Славика с... штуковиной... Ожог руки!.. И я, как последний идиот, отмахнулся от ее слов...»

Илья, сдерживая себя, чтоб не побежать, направился к двери.

Коридор был безлюден и светел. В глубине его за красными паутинками, обозначающими пределы реального пространства, простиралась лунная степь с двумя купами черных деревьев и далеким огоньком костра... Номер комнаты Славика, опять-таки вытканый из алой паутины, казалось, висел в воздухе.

Илья на секунду замер, собираясь с мыслями, затем быстро шагнул в дверь и тут же понял, что при всей своей тренированности не успеет ни отпрянуть, ни прыгнуть в сторону, ни упасть.

Прямо в грудь ему смотрел злобещий раструб генератора атомного распада.

— Это я, Слава! — одними губами крикнул Ефремов.

Славик полулежал на кровати — на помертвевшем лице болью и безумием горели его воспаленные глаза.

Он попытался повернуться, сдвинуть прицел универсального инструмента, и Илья вдруг в секундном прозрении понял, что человек в Славике сейчас отчаянно борется с чужой и разрушительной волей.

— Я брат твой! — крикнул Илья уже во весь голос, стараясь пробиться к тому борющемуся, может, даже погибающему человеку. — Опомнись, брат! Ты человек! Очнись, слышишь!

Раструб дрогнул, дернулся в сторону. В тот же миг Илья прыгнул вперед, выбил оружие из рук товарища.

Славик странно задрожал, будто железная рука чужой воли отпустила его, но не совсем. Страх, что мучения и борьба, разрывающие душу, повторятся, колотил его большое и сильное тело.

— Убей меня, Илюша! — простонал он, глотая слезы. — Убей оборотня! Или свяжи... Я боюсь! Я — это не я, понимаешь?!

— Полежи спокойно, — сказал Илья, поднимая цилиндр универсального инструмента. — Не ты один мучаешься. Потерпи. Мы что-нибудь придумаем.

Он посмотрел на счетчик зарядов генератора атомного распада. Из восьмидесяти четырех их осталось всего шестнадцать.

РОДОМ ИЗ РАЯ

— Не трать даром времени, — хмуро посоветовал Янин, узнав за завтраком, что Илья хочет слетать в Рай.

— Какая разница, — продолжил академик, тыкая вилкой в рассыпающееся на волокна синтетическое мясо. — В Раю началось или на архипелаге. Это же не инфекция. Это беда, умноженная на случай. Или на умысел.

— Илья полагает, — пояснила экзобиолог Этери, — что Нищие нарушают экобаланс планеты.

— Сомневаюсь, — проворчал академик. — Они Нищие духом, это верно. Однако воспитание третьего тысячелетия обязательно сказывается. Они не варвары и, будьте уверены, не истребляют местных ланей, а обходятся, как и все нормальные люди, синтетической едой.

— Дело не в еде, — возразил Садовник. — Среда обитания — понятие очень емкое.

— Ага. — Этери озорно улыбнулась. — Нищие систематически выжигают леса, а также синтезируют бочками нефть и выливают ее в бухту Миражей.

— И не уговаривайте, — сказал Илья. — Пандемию врачи останавливают. В любом случае. А вот Рай — загадка. Откуда такое дикое явление в наш век?

Глайдер, повинаясь программе, нырнул вниз и вскоре мягко приземлился на берегу океана. За светлой рощицей промелькнуло несколько десятков разноцветных модулей, стандартный блок снабжения.

Предводитель Нищих стоял на цинковке перед домом в позе сиршасаны.

«Пятое положение, — отметил Илья, который неплохо знал хатха-йогу. — Подождем. На голове долго не простоишь».

Он огляделся. Рай ничем не отличался от обычных поселений землян, разве что спортивным городком со многими неизвестными Илье снарядами да громадным панно у площади Зрелищ. На черном фоне сплетались, будто черви, бледные, изможденные тела. Красные блики, по-видимому, должны были передавать вакхическую раскрепощенность, безумство экстаза, охватившее их. Однако издали пурпурные мазки казались языками адского пламени.

Ефремов пожал плечами. Если предел мечтаний Нищих — эти скотские позы, то они не так уж и опасны.

— Опять гость, — слышался за спиной хрипловатый голос. — И опять непрощенный.

Франц, которого Илья сразу узнал по короткой стрижке, обнажавшей уши, и по рваному шраму на подбородке, уже стоял на ногах и без всякого интереса разглядывал Садовника.

— Чем обязан? — на старинный манер спросил предводитель. — Учтите: всех, кто вмешивается в нашу жизнь, мы вышвыриваем из Рая. Проповедники и моралисты нам не нужны.

— Но на планете сейчас пандемия, — холодно ответил Садовник. — Мы обязаны проверить ее источники. Существует версия, что именно Рай каким-то образом нарушает экобаланс планеты. Отсюда защитная реакция Ненаглядной, которая реализуется в виде цунами, землетрясений, пандемии.

— Бред! — грубо прервал его речь предводитель Нищих. — Болезненные фантазии, которые, по всей видимости, вами и рождены.

— Это не меняет дела. — В душе Илья заворочалось глухое раздражение. — Это не обвинение, а предположение. Я обязан его проверить.

— Проверяйте! — Франц издевательски поклонился. — У нас все на виду. Нам нечего скрывать. Все мои люди соблю-

дают санитарные нормы. Это, кстати, уже сто раз проверяли. Мы даже не охотимся, а любительская ловля рыбы здесь, как вам известно, разрешена.

— А мор птиц, который произошел полгода назад? — спросил Илья.

— Я не зоолог, — огрызнулся Франц. — Мор распространился на все континенты. И дураку понятно, что местные причины ни при чем. Хотя там, у вас, в Южной Пальмире, птицы, конечно, передохли от скуки. Глядя на ваших отдыхающих...

Предводитель набросил на голый торс комбинезон на застегивающейся, и на нем тотчас проявились «живые картинки», которые отображали эмоциональный настрой хозяина вещи. Настрой у Франца был суровый: на плечах его свернулась анаконда с безобразно раздутым брюхом, в котором еще шевелилась жертва.

«Бессмертные звезды! — мысленно воскликнул Садовник. — Какое множество путей и проявлений у прогресса и поиска. И как одинаков и страшен вид распада и деградации...»

Он подивился абсолютно прозрачному модулю предводителя. Не так жилищу, как бумажным книгам прошлых веков, которые в беспорядке стояли на самодельных полках.

— У нас все на виду, — с непонятной гордостью повторил Франц. — Кто хочет, ходит даже нагишом. И никаких проблем.

— Ну, этим не удивишь, — засмеялся Илья. — Это матушка Земля уже знавала. Впрочем, как и все остальное, чем вы себя пытаетесь выделиться.

— Все вторично, — меланхолично согласился предводитель и остановился. — Вот утилизатор отходов, уборочные автоматы. Хотите убедиться, что они работают? А вот и датчики контроля среды. Посмотрите их записи.

— Не надо.

Илья уже понял: версия о нарушении Нищими экобаланса планеты не выдерживает критики. Их слишком мало. Да и санитарно-гигиенические навыки у современного человека доведены до автоматизма... Не то! Но почему же его не покидает тревога, чувство скрытой угрозы, исходящей от Рая и его обитателей? Откуда эта внутренняя уверенность, что беда родом именно из Рая?

— Нет, я вам все покажу! Все закоулки. — В тоне Франца появилась решительность. — Мне надоели бесконечные обвинения и подозрения. То, что мы живем свободно, не повод считать нас дегенератами или прокаженными.

— Но ведь отчасти оно так и есть, — возразил Илья. — Отказ от любого труда, и прежде всего умственного, неизбежно приводит к деградации личности. Помните: «Душа обязана трудиться...»

— Только не надо цитат, — брезгливо поморщился предводитель. — За тысячелетия создано бесконечное множество культурных ценностей. Мы их охотно потребляем. Это тоже труд. Кстати, разве риск даст душе задремать? Посмотрите на моих парней. Вон те, например, сами придумали себе испытание.

На берегу, на камнях и прямо на песке, сидело человек

тридцать зрителей. Немного дальше несколько юношей лениво складывали из сушняка костер.

Красный глассер только замедлял ход возле импровизированной пристани: очередной воднолыжник перехватывал буксирный трос, и глассер устремлялся к узкому проходу в рифах. Резкий взлет с трамплина — над оскаленными клыками скал, мессивом пены, гневными волнами, — крик восторга на берегу, и катер, подобрав счастливого, поворачивал за новым искателем острых ощущений.

— Камикадзе? — Илья насмешливо посмотрел на Франца. — А тех, кто разобьется, как я понимаю, на костер?

— Через час стемнеет — начнутся игрища, — нехотя ответил предводитель Нищих, наблюдая, как курчавый высокий парень, по-видимому, мулат, выходит на трамплин. — Риф — это самовыражение. Вам не понять, Садовник. Им хочется играть со смертью. От этого жизнь приобретает хоть какой-нибудь смысл.

Обнаженная девица, которая лежала неподалеку от воды, украсив себя гирляндой из водорослей, вдруг испуганно взвизгнула, вскочила на ноги.

Мулат, наверное, чересчур сильно оттолкнулся от трамплина. Смуглое тело взвилось свечкой над рифом, несчастный взмахнул руками, словно хотел удержаться за воздух, и рухнул на камни.

Глассер, будто ничего и не произошло, повернул к берегу.

— Вам не понять, — повторил Франц. — Он разбился, но перед тем славно пожил. Он не смотрел под ноги...

— Бросьте свою дешевую философию! — Илья яростно повернулся к предводителю. — Вы что здесь — в животных превратились? Почему никто не окажет пострадавшему помощь?

— Практически бесполезно, мой ангел, — хохотнул загорелый, абсолютно лысый человек неопределенного возраста, который уже минут десять слонялся вокруг них. — Уже проверено... Мозги не камень.

Ефремов с омерзением глянул на его улыбающееся лицо, наркотически блестящие глаза.

— Я сам сейчас вызову санитарный гравилет, — бледнея от гнева, заявил он. — Вы в самом деле выродки! Я потребую от администрации Ненаглядной уничтожить ваше змеинное гнездо.

Франц сплюнул, подмигнул лысому:

— Инспектор сердится. Слетай-ка, Нико, вылови брата нашего, познавшего наконец полную свободу.

Сжав зубы, Садовник смотрел, как Нико завис над рифом в двухместном гравилете, неуклюже втащил безжизненное тело в кабину...

— А где ваш предшественник? — поинтересовался предводитель. Анаконда на его комбинезоне подняла голову и плотноядно уставилась на Садовника. — Он был поделikatнее. Передайте, что вы нам не по нутру. Пусть прилетает он.

— Он умер, — коротко ответил Илья.

«Здесь нечего больше делать, — подумал он, направляясь к вечерней роще. — Жаль, что Антуан и его предшественники так благодушно относились к Раю. Здесь все гниет и разла-

гается. В таких случаях необходимо хирургическое вмешательство...»

Глайдер приветливо помаргивал габаритными огнями. Пока Илья шел к нему, ветер растащил тучи и над бухтой запылали звезды. Здесь они были гораздо крупнее, чем на Земле, а более далекие, принадлежащие галактическому ядру, мерцали как пыль. В серебристом половодье засверкали океан и деревья, тень и блеск обрела каждая песчинка.

Илья забрел в теплую воду и стал песком оттирать руки. Ощущение, словно он целый день копался в нечистотах, понемногу проходило.

Он зашел поглубже, где была чистая вода, умылся и повернулся к ветру, чтобы лицо высохло. Звуки ритмизатора сюда не долетали, но отблески огромного костра Нищих время от времени просвечивали рошу суетным и каким-то больным светом.

«Мы уничтожим ваш мерзкий Рай, — с брезгливой ненавистью подумал он. — Не силой, нет. Мы просто поселим рядом с вами нормальных людей. Которые будут жить и радоваться, рождать детей и работать...»

Свет звезд словно бы охлаждал разгоряченную душу. Ядро галактики от незримых воздушных токов, казалось, тихонько кипело, переливалось в океан, создавая иллюзию единения земли и неба.

«Мы в самом деле мало смотрим на звезды, — подумал Илья, вспомнив высказывание Канта. — И, наверное, реже, чем следовало бы, заглядываем в свою душу. Ведь в идеале моральный внутренний закон в человеке суть отражение всего мироздания. Как только мы перестаем удивляться, паутинка, связывающая душу и вечность, рвется. А ведь так просто: запрокинуть голову и постоять минуту-другую... Где же ты, паутинка родства и всемирной симпатии? Где ты, тонкая?»

Он разглядел лучик незнакомой голубой звезды.

«Да вот же она, чудак, — улыбнулся Илья. — Она вовсе и не исчезла. Связь видоизменялась, но была. Иначе мы бы все умерли. Даже не так. Иначе мы были бы просто материей. Неживой! Ненужной пылью... Прахом».

ЭХО НЕВЕДОМОЙ ВОЛИ

То, что выходит за пределы привычных представлений, всегда выглядит странно и пугает даже просвещенный разум.

Далеко за полночь вдоль берега притихшего океана миллионами окон сверкал бодрствующий Золотой Пояс. Бесконечный город уже четвертую ночь не спал.

На кольцевой лоджии возле декоративного пруда сидели академик Янин, его маленькая помощница — экзобиолог Этери и тройца экспертов-Садовников.

Этери время от времени подсыпала в пруд корм. Золотистые рыбки церемонно собирались к лоджии, а одна, большая и толстая, подплывала почти вплотную, смотрела на людей и беззвучно шевелила губами.

— Вот вам традиционная модель непонимания, — пробасил

Янин, указывая на рыбку. — Только роли меняются. То мы в роли рыбки, то чей-то мир.

— Вы хотите сказать, что в каждой конкретной ситуации есть сторона говорящая и сторона слушающая? — спросил Славик. — Тогда мы плохие слушатели и вовсе разучились понимать язык аллегорий.

— Вы не совсем правы, — покачал головой Янин. — Все происходящее на планете можно, конечно, перевести в энергичную форму требования: «Люди, убирайтесь!» Но перевод может быть и другой. Совершенно другой. Если бы нас просто прогнали, то это, наверное, происходило бы конкретней и методичней. Скажем, каждый день по цунами. А так... Нас или дразнят, или... — академик пожм плечами, — испытывают... Обратите внимание, друзья! Как только мы начинаем реагировать на «выходки» Ненаглядной, она тут же меняет тактику. Развернули борьбу с лейкемией — пандемия резко пошла на убыль, начали волновую передачу энергии — «пряжа небытия», погубившая Скворцова, исчезла, Славик смог превозмочь приказ чужой воли — и некто или нечто оставило в покое наших несчастных «исполнителей»... Нас все время, мягко говоря, активизируют. Теперь вот повальная бессонница... Зачем?

— Многим даже нравится, — засмеялась Этери. — Современному человеку катастрофически не хватает времени. Даже на отдыхе.

— А у Шевченко другая забота, — заметил Илья. — К нему поступают сотни запросов от тех, чьи отпуска продлила пандемия. Люди устали отдыхать, требуют активных занятий. Кое-что мы, конечно, придумали: восстановительные работы по ликвидации последствий цунами, сто сорок человек послали на фабрику биосинтеза — там кое-что уцелело...

— Рядом с нами, на площади Зрелищ, энтузиасты-философы организовали институт глобальных проблем, — добавил Славик. — Жарятся на солнце и ведут бесконечные дискуссии.

— Это лучше, чем планетарная праздность, — оживился академик и попробовал погладить рыбу. Та поджала губы и, вильнув хвостом, уплыла. — Кстати, снятие карантина — вопрос нескольких дней.

Над бесконечным городом в ночном небе вдруг расцвел фейерверк. Затем разноцветные огни сложились в слова, поплыли вдоль берега: «Мы полюбили! Будьте сегодня нашими гостями! Индекс 14716. Бианка, Чэд».

— Вот это я понимаю, — засмеялся Илья. — Это и есть давление жизни. Ненаглядная, будто старуха ворчунья, нам козни строит, а нас на свадьбу зовут. Пойдемте, друзья?!

— Пойдем, — хором ответили ему.

Возвращались со свадьбы утром. Егор и Этери, переплясавшие за ночь чуть ли не все танцы мира, разулись и, поотстав от компании, брели по мокрому песку. Иногда набегала полусонная волна, разливалась пенным прибоем. Пена тут же таяла, уходила в песок.

— А все-таки к тайне мы не приблизились ни на шаг, — с грустью заметила экзобиолог. — Я знаю, что гипотеза Ефремо-

ва — Висвалдиса специалистами опровергнута. Но ведь других объяснений происходящего попросту нет.

— Я неплохой интуитист, — сказал Егор, переступая через очередную гирлянду светящихся подводных цветов. — По крайней мере, специализировался раньше, да и здесь пробовал... Странное дело: на Ненаглядной все время получается зеркальный эффект. Я чувствую опасность, но вижу... себя или друзей. Значит, причину все-таки надо искать в нас самих... Экологическая несовместимость, о которой все толковали, — самое простое... Может, есть более высокие уровни общения с мирами, влияния на них? Скажем, эстетический? Наш друг Антуан перед смертью то ли шутил, то ли предупреждал: «Я знаю женщин... Мы ей просто не понравились».

— Это слишком, — улыбнулась Этери. — Отвлеченно и уж очень абстрактно: нравится, не нравится...

— Разумеется, — согласился Егор. — Конкретных загадок чересчур много, чтобы объяснять их общими суждениями. Вот еще пример таковой. С одной стороны, таинственная стерилизация. С другой, заметьте, ни один ребенок от злоключений планеты не пострадал, в том числе и от пандемии... Одно знаю наверняка: после «принудительной побудки» у меня напрочь пропало ощущение опасности. По-видимому, все же что-то сдвинулось, изменилось. В лучшую сторону, разумеется.

— Как вы сказали? — засмеялась Этери и нарасспев повторила: — При-ну-дительная побудка?.. Но зачем? Зачем нас будить кому бы там ни было?

Егор хотел ответить сакраментальным «не знаю», однако его внимание привлекла непривычно молчаливая толпа, собравшаяся возле одной из прогулочных яхт. Недавний прилив оставил ее на песке шагах в тридцати от воды.

Янин, Илья и Славик, которые шли впереди, тоже остановились.

От толпы отделился парень в олимпийском тренировочном костюме, подошел к ним.

— Среди вас нет врача? — спросил он. — Там с девчонкой неладно.

— Что произошло? — Илья выступил вперед.

— Не знаем. — Парень пожал плечами. — Мы с утра работали, молодежно-спортивный лагерь. Берег убирали. Вдруг наши девочки зовут: посмотрите, мол, что с ней... Ее, кажется, Таней зовут или Геленой. Она из местных...

Илья поспешил к яхте. Еще издали он услышал негромкий, срывающийся голосок, который возвысился на слове «торопитесь» и оборвался.

— Пропустите врача, — сказал кто-то из толпы, кажется, все тот же парень-спортсмен.

Девушка держалась за борт яхты, неудобно вывернув руки и изогнув спину. Голова ее запрокинулась, серебристо-черные волосы рассыпались, глаза были полуприкрыты.

«Сумеречное состояние, — сразу определил Илья. — Она в оцепенении, ничего не чувствует».

— Давно в трансе? — спросил он окружающих.

— Полчаса, не больше, — ответила пожилая женщина с гордым и тонким лицом. На ней тоже был олимпийский костюм. —

Помогала моим девочкам сжигать сухие водоросли. Затем отошла в сторонку... Ей сделалось плохо... Теперь вот пророчиает...

Девушка вдруг снова вздрогнула, выпрямилась, будто тело ее испытало нечто вроде удара тока, заговорила:

— Не останавливайтесь! Торопитесь! Остановка — смерть! Без вас невозможно...

Слова вновь объявившейся пифии то и дело рвались, падали, еще и не успев родиться, будто неведомая воля, завладевшая девушкой, не находила нужных понятий. Она скорее всего продуцировала некую общую мысль, а сознание перпацентки искало уже словесное выражение.

— Вы должны измениться! — Голос девушки опять возвысился. — От вас исходит болезнь! Торопитесь! Без вас невозможно...

Она замолчала, безжизненно поникла.

С тихим свистом над толпой спикировал санитарный гравилет. Илью отстранили. Рослый негроид в белом комбинезоне неумовимо быстрыми движениями пальцев снял напряжение с оцепеневших мускулов девушки, подхватил ее тело на руки.

— Имеем новое действие, — вздохнул Янин, когда они подошли к административному центру. — Увы, оно только умножило загадки. Нам втолковывают: от человека исходит какая-то «болезнь». Но что значит слова пифии: «Вы должны измениться?» Как? В чем? Зачем и куда нам советуют торопиться?

Он махнул рукой, проворчал, обращаясь к Илье:

— Пойду к Шевченко. Покажу ему запись этого пророчания. Вы на всякий случай узнайте: не было ли других пифий и что предсказывали они.

Кто-то бежал коридором.

Илья прогнал остатки сна, прикинул: вот человек пробежал мимо зала общений, комнаты Егора, рубки ментосвязи... Что такое? Куда подевался грохот тяжелой обуви? И вообще — что за спешка?

Он направился к двери — та спряталась в стену, будто растворилась.

На белом ворсе коврового покрытия лежал Франц. В своем размалеванном «живыми сюжетами» комбинезоне, разорванном на груди и плече, болотных сапогах. Дикий и страшный, весь в грязи, тине, какой-то сизой паутине. Лицо его заросло щетиной, глаза лихорадочно блестели. Анаконда на комбинезоне пожирала саму себя.

— Не подходи! — прохрипел предводитель Нищих. — Ты тоже можешь попасть... Не знаю, как назвать это. Неважно, — бормотал он. — Неважно, как называть, но я в фокусе... Не подходи, говорю!.. Сломался чертов гравилет, я спешил, чтобы успеть — менял образ мыслей, играл, ускользал. Она чересчур большая, ей тяжело поймать такую малость. Но снизошла, я чувствую, снизошла, выследила. — Франц то ли заплакал, то ли засмеялся. — Ко мне снизошла, червь ничтожному, чтобы раздавить.

— Что с тобой, брат? — Илья поспешно вызвал медцентр.

— Только не подходи. — Франц застонал, судорожно вцепил-

ся в белый ворс. — Ты был прав, мы чумные. Все! Вся Ненаглядная! Особенно Нищие. Мы страшнее чумы... Дня три назад у меня были видения, а вчера меня нащупали... Я уничтожил Рай, Садовник! Сам! Разогнал ребят! Заставь их что-нибудь делать. Обязательно! Немедленно! Иначе — смерть. Всем Нищим... И вам, если...

Он задыхался. Илья вдруг с ужасом понял, что белая паутина — это «пряжа небытия», которая съела, рассосала, размела на атомы Колю, Николая Скворцова, Скворушку...

— Кто она? Планета? — прокричал Ефремов, наклоняясь над предводителем Нищих. — О чем ты говоришь?

— Она на улице, смотрит... — пробормотал Франц. — Она здесь. Везде, во всем. Главное — думайте. Все время думайте, не давайте людям спать. Рассредоточьте их и дайте им дело! Интересное! Много дела. Убейте праздность!

Тело его стекленело, превращалось в подобие медузы, но что-то там еще жило, может, только голос.

— Я случайно вычитал... И все понял. Только там, в книге, не так. На самом деле все наоборот. Она должна меняться, жить... Она должна развиваться. Суть в движении, а не в равновесии. Равновесие — это смерть. Она с ним борется уже миллиарды лет... Ее зовут Вселенная!

Только теперь Ефремов увидел: в двух шагах от умирающего на полу валялась старинная книга — зачитанная, ветхая, с выпавшими страницами. Видно, Франц уронил, когда падал.

Коридором уже бежали люди.

— Не трогайте его, — сказал Илья, поднимая один из листов, испещренный пометками и вопросительными знаками. — Поздно. Отойдите все.

Франц засиял. Он исходил светом, будто стал нитью накаливания, в которую вошел неведомой силы ток. Пахло жаром.

Илья отступил к стене, одним взглядом схватил глазами текст:

«...Если бы существовал только закон неубывания энтропии, воцарился бы хаос. Но, с другой стороны, если бы существовал или хотя бы возобладал только непрерывно совершенствующийся и всемогущий разум, структура мироздания тоже нарушилась бы. Это, конечно, не означало бы, что мироздание стало хуже или лучше, оно бы просто стало другим, ибо у непрерывно развивающегося разума может быть только одна цель: изменение природы Природы. Поэтому сама суть «закона Вечеровского» состоит в поддержании равновесия между возрастанием энтропии и развитием разума. Поэтому нет и не может быть сверхцивилизаций, ибо под сверхцивилизацией мы подразумеваем именно разум, развившийся до такой степени, что он уже преодолевает закон неубывания энтропии в космических масштабах. И то, что происходит сейчас с нами, есть не что иное, как первые реакции Мироздания на угрозу превращения человечества в сверхцивилизацию. Мироздание защищается».

«Вот оно что! — подумал Илья, не обращая внимания на расспросы, возгласы, толчею людей в коридоре, который вдруг стал тесным. — Какая там Ненаглядная — бери выше. А ведь Франц прав. Вселенная не боится разума! Это дитя ее, любимое, редчайшее в пространстве и времени, необходимое для

продолжения рода Вселенных. Не может она душить свое дитя ни под каким предлогом. Напротив. Ей враждебна энтропия духа. Сон разума, праздность ума хуже болезни... Ненаглядная, планета-курорт, превратилась в болото, в котором застоялся разум. Со стороны это выглядело как обширный очаг энтропии, точнее, будто «черная дыра», всасывающая животворную энергию мысли... Да, Вселенная стала защищаться, будить нас, воздвигать препятствия и опасности. Неосторожно, грубо будила, не по-людски? Согласен. Как умела... Один Рай чего стоил: бездуховность, лень, покой, ожирение души, а там уже полшага до деградации и вырождения разума. Драгоценного разума, который, конечно же, родит сверхцивилизации — мы еще малое дитя, долго расти! — ибо природа Природы не может не изменяться. Не может — и точка».

Пошатываясь от нахлынувшей вдруг усталости, Ефремов осторожно обошел выжженное в ковре пятно. — «Эх, Франц, предводитель... Вот твой след — дырка, ничто!» — И вышел во двор.

За Большим коралловым рифом по-прежнему гремели и ярились волны. А над головой Ильи собрались на вече звезды — страшно далекие, но, оказывается, равнодушные даже к такой малости, как один-единственный человек на берегу океана.

Михаил
Пухов

СТАНЕТ СВЕТЛЕЕ

Глава I. ИМЯ

Человек проводил предпоследнее занятие цикла, когда вошли те двое. Он чертил на доске круглый контур звездолета культуры Маб и схему расположения противометеоритных лазерных батарей; объяснял, как с минимальными потерями подойти к кораблю на бордажных ракетах и как правильно вести штурм после остановки циркульных таранных головок; рассказывал о наиболее уязвимых местах электронных защитников космической крепости, и аудитория внимала его словам. Шел второй час занятия, когда появились те двое.

Они перешагнули через высокий металлический порог и остановились возле люка, два здоровенных охранника в вакуумных комбинезонах, с тяжелыми атомными карабинами, обращенными прикладами вниз.

Человек только что нарисовал на доске мелом подробную схему атаки из-за угла, и слушатели очень тщательно переписывали условные обозначения. Не глядели на доску лишь двое с атомными карабинами.

— Документы, — сказал тот, что был выше другого. Человек отдал жетон. Другой извлек из его кобуры пистолет и сунул себе за пояс.

— Следуй за нами.

Они шли по затемненному лабиринту внутренних переходов, и стены отражали эхо шагов. Человек достаточно разбирался в архитектуре станции, чтобы понять, что они поднимаются к верхним ярусам. Тот, кто шел впереди, свернул направо. Человек остановился, но другой подтолкнул его в бок, и он тоже повернул направо. Когда они приблизились к концу коридора, люк был уже открыт. Высокий конвоир стоял рядом, пропуская человека вперед. Один шаг в черный провал, и люк за спиной со скрежетом затворился.

Кругом стояла тьма, было тихо, и человек не понимал, где находится. Вдруг что-то щелкнуло, ноги у него подкосились, пол пошел вверх, и вспыхнул внутренний свет.

Он сидел в единственном кресле малой межорбитальной ракеты типа «Гном» и отдалялся от станции с возрастающей скоростью. На кормовых экранах незаметно для глаза вращался диск Дилавэра, наполовину закрытый тенью. Слева горел Лагор. Впереди сияли крупные звезды Четырех Воинов. Там ждала бездна — и, вероятно, смерть.

Он ткнул наугад клавишу на пульте управления, хоть это и не имело смысла. Клавиша не поддалась — пульт был парализован. Ракетой управляли извне. Пульты межорбитальных «Гномов» всегда блокируются, когда команды поступают снаружи. Поэтому «Гном» особенно хорош при исполнении приговора.

Горячего в баках почти не было. Столбик подкрашенной жидкости медленно укорачивался. Кроме свободы полета, человеку оставалась только свобода сна...

Он открыл глаза в громадном квадратном зале, середина которого была огорожена канатами, словно боксерский ринг. По его периметру вглубь, в пол зала, уходили глубокие вертикальные норы, круглые колодцы метрового поперечника. Зрителей было мало, да они и не были зрителями — в руках у них были тяжелые охотничьи лучеметы, все они смотрели на гладкую, как каток, поверхность ринга, и была очередь человека.

«Давай», — кивнул ему старший секундант. Человек сделал мысленное усилие, и в центре сорокаметрового квадрата возник колоссальный косматый паук — его двойник, его враг из другого времени. Паук не успел двинуться, а лучемет уже выплеснул длинную струю плазмы, но рука человека дрогнула, и на гладком полу в метре от паука появилось быстро зарастающее пятно ожога. Лучемет снова выстрелил; паук, отскочив вбок, остался в стороне от нового затягивающегося пятна, и опять человек надавил на спуск, а кошмарный паук остановился на миг у одной из круглых нор за канатами, лучемет еще раз дернулся у человека в руках, и струя косо вошла в отверстие, но все было уже кончено, потому что паук скрылся в соседнем колодце.

Секундант посмотрел на человека как на пустое место.

«Все, — сказал он. — Нарушений правил не было. Вы свободны».

«Давай», — кивнул он следующему, а человек пошел из зала вниз по скрученной винтом лестнице, навстречу минуте, когда по мысленному приказанию членистоногого чудовища он окажется в молодой вселенной, в точно таком же зале, огороженном стальными канатами, и в него тоже будут стрелять, но не плазмой, а клейкими сетями, прочными паучьими нитями, и потащат, беспомощного, к краю ринга, в подрагивающие от переноса челюсти. Теперь надо было не пропустить момент переноса, чтобы бежать стремглав, зигзагами через зал, к спасительным люкам за канатами. Правда, ближайшие несколько часов можно было не беспокоиться, потому что противник должен выждать, пока бдительность человека не притупится.

И вдруг он исчез.

Но он очутился не на ярко освещенной площадке, готовый увернуться от летящей в него липкой ткани. Он очнулся в тесной кабине «Гнома» и не мог шевельнуться, в глазах у него рябило, мысли цепенели, и, как обычно, прошло несколько десятков секунд, прежде чем он понял, что где-то поблизости свертывают пространство и что он по идее должен потерять сознание.

Когда человек очнулся вторично, он лежал обнаженный в чистой постели, на откидной койке в нестандартной каюте, его одежда висела рядом, и вокруг никого не было, и корабль, на борту которого он находился, был гораздо крупнее обычных абордажных и десантных ракет, и где-то в дальнем его конце, видимо в рубке, разговаривали на языке, услышать который в этом районе вселенной было совершенно невероятно. Некоторое время человек слушал разговор просто так, наслаждаясь его звучанием, и только потом начал воспринимать смысл.

— ...еще сутки, — произнес голос, принадлежавший кому-то высокому; что-то было с ним связано — не только теперь, но и в будущем. — Не знаю, как он уцелел. Я бы на его месте не выдержал.

— Так он что же, не человек? — спросил другой голос. Его обладатель был бесспорно лыс, как коренной обитатель Кносса.

— Спросите биологов, — сказал высокий. — Но горячего у него не хватило бы даже до ближайшей планеты.

— Там была планета? — спросил третий голос, принадлежавший непонятно кому.

— Да, — сказал высокий. — Но слишком далеко. И ни одного корабля поблизости.

— А что это была за планета? — не унимался третий. — Она есть в плане?

— Нет, — сказал высокий. — Я вышел в пространство случайно. Мне показалось, что-то должно случиться.

— Погодите, — сказал лысый. — Вы отдаете себе отчет, чем рисковали?

— Вам следовало там задержаться, — укоризненно сказал третий. — А вы даже не выяснили, что это за планета.

— Там не было ничего интересного.

— Тогда что же он делал?

— Кораблекрушение, — сказал высокий. — Видимо, у них отказал инвертор.

— А где остальные? Погибли?
— Необязательно, — сказал высокий. — Если инвертор отказал вне пространства, их могло разбросать по всей вселенной.
— Зачем спорить? — сказал лысый. — Он сам все расскажет.
— Если мы его поймем.
— У нас есть лингвистическое оборудование.
— Все-таки мне не нравится, что мы там не остановились, — сказал третий.

Пока они так переругивались, человек окончательно очнулся и привел себя в порядок. Версия высокого его устраивала. За высокого он был спокоен. Лысый тоже не внушал подозрений. Разве что третий.

Он снова прислушался к разговору в рубке, и вовремя.

— Пойду посмотрю, как он там. Вдруг очнулся.

— Напрасно потеряете время.

— Я с вами, — сказал третий.

Человек мысленно следил за тем, как они, покинув рубку, идут к нему сквозь лабиринт коридоров.

Это были настоящие люди. Но он немного ошибся. Вошедший первым действительно был невысокий и головастый, но голова эта была покрыта буйной вьющейся растительностью, прямо-таки шевелюрой. Однако человек продолжал воспринимать его лысым, вроде шара из палье-маше. Второй был обыкновенный, ничем не примечательный.

Человек внимательно смотрел на них, оценивая ситуацию. Впрочем, план ему уже подсказали. Он встал и пошел им навстречу.

— Здравствуйте, — сказал он, подбирая слова. — Если бы не вы...

— Так вы все-таки человек? — обрадовался второй.

Слово «человек» прозвучало вслух совсем по-другому, чем он привык произносить его мысленно. Это было уже не имя; обычное слово, каких тысячи.

— Человек... — сказал он, которого спасли они. — Но если бы не вы...

— Благодарите Бабича, — сказал головастый. — Нашего вахтенного.

— Как вы там оказались? — спросил второй.

— Авария при гиперпереходе, — объяснил человек, которого они спасли. — У нас полетел инвертор.

— Боже, — сказал второй. — Какой ужас!

— А ваши товарищи?

— Не знаю, — сказал спасенный человек. — Понятия не имею, где они сейчас.

— Какой ужас! — повторил второй. Теперь он не внушал опасений. Вся его подозрительность улетучивалась, как дымовая завеса в вакууме.

— Кто-нибудь из них мог оказаться поблизости, — сказал спасенный. — Вы заметили место?

— Нет, — сказал головастый. — Мы сами попали туда чисто случайно. На Бабича спизошло откровение.

— Но у вас сохранились какие-нибудь записи?

— Записи? — переспросил головастый. — Видимо, да. В борт-журнале.

— А что у вас за журнал?

Головастый пожал плечами.

— Обычный кристаллический бортжурнал.

— Хорошо, — сказал спасенный. — Где он?

Когда они появились в рубке, высокий вахтенный уже шел навстречу, протягивая руку для приветствия.

— Николай Бабич, штурман.

Спасенный почувствовал смущение.

— Фамилия моих родителей была Синяевы, — сказал он. — Иногда мать называла меня Сашей... И... профессия. Я... инструктор. Я учу других летать на ракетах...

В серых глазах штурмана что-то мелькнуло, что-то похожее на удовлетворение.

— Значит, пилот. Так и запишем. Александр Синяев, пилот-инструктор.

— Извините, — сказал головастый. — Совершенно забыл представиться. Мопин, тоже Александр. А это Анатолий Толейко, руководитель научной группы.

Все обменялись рукопожатиями.

— Наш корабль называется «Земляника», — сказал головастый тезка спасенного пилота-инструктора и вопросительно на него посмотрел.

— Я с одного старого звездолета, — сказал спасенный пилот. — Вряд ли вы о нем слышали.

— У них взорвался двигатель, — объяснил руководитель научной группы Анатолий Толейко. — Неизвестно, что с остальными. Мы должно просмотреть запись.

— Там никого не было, — сказал штурман Бабич.

— На всякий случай.

— Как хотите.

Экраны в рубке на миг погасли, но тут же вспыхнули снова, сменив рисунок неба.

Созвездия на экранах были видны совершенно отчетливо, так что спасенный беспокоился не напрасно. В глубине маячил едва заметный серп Дилавэра. А совсем рядом, в каких-нибудь ста метрах от передатчика, в пустоте плавал он.

Да, он стоял сейчас в рубке управления чужого звездолета, но одновременно сидел в тесной кабине «Гнома», и терял сознание, и его подтаскивали мощными магнитами к отвесной громадине корабля, к расширяющемуся приемному отверстию, и несли на спине по бесконечным металлическим коридорам, и корабль снова уходил из пространства, и от всех ощущений, сопутствующих переходу, остались лишь полная остановка времени, оцепенение да шум чужих голосов где-то внутри.

— Вы все видели сами, — сказал штурман Бабич. — Там никого не было.

— Придется исследовать запись более тщательно, — сказал головастый Монин. — На проекторах.

Он взял прозрачный кубик из рук Бабича и передал спасенному пилоту.

Перед тем как вернуть кристалл, пилот Александр Синяев подбросил его на ладони. Он напоминал обычный пищевой концентрат. К сожалению, это было чисто внешнее сходство.

В рубку вошли новые люди. Один из них, рыжий, долговизый, в темных очках, приблизился, пристально разглядывая спасенного. Пилот Синяев протянул руку. Новый человек сделал вид, что ее не заметил.

— Александр Синяев, — сказал спасенный. — Пилот-инструктор.

— Сейчас посмотрим, — сказал новый человек. — Пройдите сюда. Раздевайтесь.

Он откинул одно из кресел. Получилась койка.

— Ложитесь.

— Это Дорошенко, — объяснил Монин. — Бортовой медработник.

— Я не называю своего имени, — сказал Дорошенко. — Все равно не запомните. И не дышите на меня, пожалуйста.

На боку у него была прицеплена сумка. Он вытащил оттуда белый халат и облачился. Потом он достал из сумки белую маску и укрепил ее на лице, так что снаружи остались только очки и прямые рыжие волосы, которые он тут же прикрыл извлеченной из сумки белой шапочкой. После этого он осторожно потрогал пустую кобуру, висящую на подлокотнике рядом с одеждой Александра Синяева.

— Василий, — позвал он. — У тебя тоже есть такая штука?

— Нет, — ответил кто-то из новых людей. — Я не знаю, что это такое.

— Так, — удовлетворенно сказал Дорошенко. — На что жалуетесь?

— У них взорвался двигатель, — объяснил руководитель научной группы Анатолий Толейко. — Он перенес без всякой защиты несколько гиперпереходов.

Дорошенко извлек из своей бездонной сумки инструменты и принялся за работу.

— Дышите, — говорил он, ощупывая Александра Синяева руками, одетыми в белые резиновые перчатки. — Не дышите. Откройте рот, скажите «а». Ага, сердце слева. Сделайте вдох. Вы глубже не можете? Перевернитесь на живот. Ребра целы, дыхательные пути в норме. Поднимите голову, сделайте выдох и не дышите. Повреждений позвоночника нет. Не дышите, я вам сказал. Покажите ладонь. Так я и думал. Печень функционирует правильно. Пальцев на руке пять, как я и предполагал. Я же вас попросил не дышать. Ладно, одевайтесь.

Он отошел от койки, укладывая в сумку предметы своего медицинского туалета.

— Патологических отклонений нет, — сказал он Монину. Александр Синяев стоял уже одетый. — У него все в порядке, если не считать небольшого головокружения. Вы сколько можете не дышать? — спросил он Синяева.

— А сколько нужно? — вопросом ответил Синяев. Люди почему-то заулыбались.

— В общем, он вполне здоров. А эту штуку, — Дорошенко показал пальцем на пустую кобуру, — отдайте экспертам. Все, до свидания.

Он вышел.

— Действительно, — сказал Василий, дюжий парень, очевид-

но, тоже пилот, которого Александр Синяев раньше не видел, но которого узнал по голосу. — Зачем вам эта вещь?

— Это кобура, — объяснил Александр Синяев. — Из-под пистолета.

— А что такое пистолет?

— Василий, — укоризненно сказал Монин. — У меня тоже есть пистолет. Я дам тебе как-нибудь пострелять.

— А куда делся ваш пистолет?

— У меня его никогда не было, — объяснил Александр Синяев. — Зачем же мне пистолет?

Люди снова заулыбались. Александр Синяев еще раз ошибся, но они этого опять не заметили.

— Товарищи, — сказал руководитель научной группы Анатолий Толейко. — Мы, по-моему, забыли о деле. Нам надо поесть и заодно обсудить план высадки.

— Без меня, — сказал Монин. — А вы, Николай?

Бабич пожал плечами.

— Я на вахте.

Александр Синяев и остальные люди гурьбой вышли из рубки, оставив там Монина и Бабича. Насколько он понимал, все направлялись в кают-компанию. Его коллега Василий шагал рядом и задавал вопросы, как на экзамене. Александр Синяев отвечал по возможности лаконично, чтобы не наделать новых ошибок.

— Как вы поступаете, когда при заходе на посадку на вас налетает смерч? — спрашивал Василий.

— Сажусь.

— А если отказывает шасси?

— Планирую на днище.

— А если корпус поврежден?

— Тогда смерч сажает меня сам.

— Товарищи, — сказал руководитель научной группы Анатолий Толейко. — Нельзя ли хотя бы здесь без этих идиотских тестов?

— Я уже все, — сказал Василий. — Мы уже прекратили.

Позже, в кают-компании, Александр Синяев отчетливо слышал, как он сказал, наклонившись к соседу, еще одному их коллеге:

— Это пилот высочайшего класса. Он ответил на самые каверзные вопросы.

Людей за столом было много, все они что-то ели, и Александр Синяев мог спокойно приглядываться к ним и прислушиваться к их разговорам. Руководитель научной группы Анатолий Толейко, сидевший недалеко от него, беседовал со своим помощником, который специально выбрал место напротив.

— Кого же пошлем все-таки?

— Как обычно.

— А нового?

— Он, наверное, устал. И вообще, ему сейчас не до этого.

— Вот и пошлем, чтобы отвлекся.

— Пусть выспится.

— А потом пошлем.

— Как хотите. Только вряд ли он согласится.

— Согласится.

В середине этого содержательного разговора Александр Синяев повернулся на толчок слева. Сосед требовательно смотрел на него, заросший, длинноволосый, облаченный в разноцветное одеяние.

— Дай порцию перца, — попросил он. — Пожалуйста, дай.

— Что?

— Диссонанс, — объяснил он. Александр Синяев передал ему требуемое.

— Не удивляйтесь, — сказал другой сосед, справа. — Привыкнете. Это Костя Космопроходческий, поэт-авангардист.

Но Александр Синяев не успел выяснить, зачем нужен поэт в экипаже звездолета дальнего следования, потому что в кают-компании появился штурман Бабич. Несколько минут он стоял у входа, разыскивая кого-то глазами. Потом его взгляд упал на нового пилота-инструктора, и он чуть заметно кивнул.

Александр Синяев поднялся со своего места.

Когда они вошли в затемненную рубку, там был только Монин. Он указал пилоту на кресло рядом.

— Мы находимся сейчас в пустом пространстве, между галактическими рукавами, — сказал Монин. — Но здесь есть оазис — темное солнце и несколько темных планет. Толейко собирается послать туда своих планетологов.

Монин сделал паузу. Штурман Бабич уже сидел в своем кресле, невидимый в темноте. Александр Синяев смотрел на экраны. Да, корабль находился в звездной пустыне, в пустоте между спиральными ветвями Галактики. И поблизости действительно был черный оазис. Но не очень далеко от «Земляники» в пространстве было что-то еще. Александр Синяев пока не знал, что это такое.

— Ежегодно Земля посылает несколько десятков таких экспедиций, как наша, — сказал Монин. — Задачи экспедиций, грубо говоря, одинаковы. Все они исследуют звезды и планеты. И жизнь, если повезет. Но каждая экспедиция имеет еще и сверхзадачу, истинную цель, не внесенную ни в один план. Часто это контакт.

Звездолет окружали мрак, тишина и недвижность. Но Александр Синяев уже понял, что закрывало звезды прямо по курсу.

— Для нас это поиск больших животных, — сказал Монин. — Размером с планету.

— Вы уверены, что такие существуют?

— В природе существует все, — сказал Монин. — Во всяком случае, все, что мы можем вообразить. Мир слишком велик, чтобы было иначе.

— Но зачем вам такие животные?

— Создавая их, природа должна была столкнуться с проблемой передачи нервных импульсов. При таких размерах для достаточно быстрой реакции может не хватить скорости света. Нас интересует, как природа обошла возникшую трудность. Возможно, это подскажет нам новые принципы связи.

Александр Синяев ничего не сказал. Он уже все понял.

— Нам пужен пилот, — продолжал Монин. — Я упоминал, что Толейко готовится к высадке. Планет здесь больше, чем пилотов на борту «Земляники». Толейко не даст мне ни одного. А у нас с Николаем такое впечатление, что мы нашли. Нашли то, что искали.

— Вы ошибаетесь, — сказал Александр Синяев. — Вы нашли другое.

— Что вы имеет в виду?

— Предмет прямо по курсу, — сказал Александр Синяев. — Это корабль.

— Корабль? — переспросил Монин. — Признаться, у нас с Николаем тоже возникла такая гипотеза. Но подождите. Как вы догадались, что впереди что-то есть? Ведь вы не прослушивали бортжурнал!

— Там не хватает звезды, — сказал Александр Синяев.

— Удивительно, — сказал Монин. — По-моему, там их слишком много. Не правда ли, Николай? Но ладно. Будет смешно, если я стану вас уверять, что впереди ничего нет.

— Почему вы думаете, что это корабль? — спросил штурман Бабич. — На нем нет никаких огней.

— А зачем огни? — спросил Александр Синяев.

— Но есть же определенные правила, — сказал Монин. — Устав, наконец.

— И вы думаете, что все должны ему подчиняться?..

— Все? — повторил Монин. — Но почему бы и нет? А сами вы как считаете?

— Земному уставу?

— Вы хотите сказать, что этот корабль не наш? — грозно произнес Монин. — Вы хотите, чтобы я поверил, что этот корабль — чужой? Что мы запросто, в обычном рейсе, встретили неземной звездолет?..

Александр Синяев ничего не сказал. Все шло как надо.

— Но почему обязательно звездолет? — спросил штурман Бабич. — Почему не какой-нибудь астероид?

— В черных оазисах не бывает астероидов, — сказал Александр Синяев. — Но зачем спорить? Пощупайте его локатором.

— Остается подчиниться, — сказал Монин. — Как вы считаете, Николай?..

Глава 2. ПРОФЕССИЯ

Пилот-инструктор, командир десантного катера Александр Синяев полулежал в кресле перед приборной панелью и глядел на незнакомые, но и не слишком сложные индикаторы. Штурман Бабич устраивался за его спиной, на месте наблюдателя; никак не мог управиться с застешками привязной системы. Бабич, похоже, был бы от приключения в полном восторге, если бы не мешало возмущение действиями спасенного пилота. Разругаться с безобидным стариной Мониным! И кто это делает? Человек, только что подобранный в безысходной, казалось бы, ситуации! Что он предпринимает, едва успев отдышаться? Учиняет скандал! А Бабичу-то это спасение показалось поначалу загадочным и романтическим. Сверхъестественное предчувствие и все такое. Романтика! Но настоящая романти-

ка, как выяснилось, началась чуточку позже. Правда, не натолкнулись они на этого субъекта, вылазку, пожалуй, пришлось бы все-таки отменить. Во-первых, некому было вести катер. Пилот — профессия дефицитная. Потом никто бы не догадался, что встреченный предмет — чей-то корабль. Посчитали бы за астероид. Чужой корабль, надо же! Но зачем делать вид, что всю жизнь ты только и лазал по чужим кораблям? Только этим будто и занимался! Ну угадал один раз, бывает. Так и скажи, зачем же разводить демагогию?! Он, видите ли, против Бабича, против его участия. Почему? Якобы опасно. Опасно! Чтобы все лавры, значит, ему. Он один умный, остальные дураки. Хорошо еще, Монин мужик обстоятельный, на шантаж не поддавался. Объяснил новому, что есть что и кто есть кто. Требовать от него, от штурмана высшего класса Бабича, беспрекословного подчинения! Тоже начальник выискался! Это мы еще поглядим, кто кому будет подчиняться. Нас, видите ли, могут обстрелять противометеоритные устройства корабля! Но кто сказал, что есть такие устройства? Кто сказал, что корабль мертв? Кто сказал, наконец, что ему действительно миллиард лет?..

— Не распаляйтесь, — попросил Александр Синяев. — Думайте как угодно, а слушаться вам придется. Я назначен официально, приказом по звездолету. Монин подписал его при вас. Поберегите нервы. Когда мы доберемся до мсста, они еще пригодятся. На чужих кораблях бывает по-всякому.

— На чужих кораблях!.. — повторил человек за спиной Александра Синяева. — Но что вы можете о них знать? Ведь с ними до нас никто никогда не встречался! Никто! Мы первые! Первые! Неужели не понимаете?!

Катер лежал на месте, в самом начале пускового канала, словно торпеда, готовая к пуску. Ангар не был пока изолирован от внутренних помещений «Земляники», и в голове Александра Синяева шумели человеческие голоса.

Штурман Бабич, наконец, немного успокоился и покончил со своими застевками. Вакуумные присосы люка глухо чмокнули, отделив ангар от внутренних помещений. Шум голосов исчез. Далеко позади лязгали запоры, задраивались переборки, выравнивалось давление. Впереди открывался пусковой канал. Ангар, бывший только что одним из отсеков «Земляники», оказался теперь снаружи, по ту сторону толстой брони высшей защиты. Магниты мягко толкнули катер к выходу. Штурман Бабич заворочался, поудобнее устраиваясь в кресле и с вызовом глядя на затылок пилота, загораживающий ему пульт управления. «Первые! — думал он. — Самые первые! Тысяча километров для нас, сто лет прогресса для человечества. Куда тебе это понять!»

— Напрасно вы так себя настраиваете, — осторожно сказал Александр Синяев. — Сколько, по-вашему, во вселенной брошенных звездолетов?

— Ну и сколько же?..

— Очень много. Неимоверное количество.

— Потрясающе точная цифра! — воскликнул Бабич. — Плюс-минус бесконечность!..

— Цивилизации гибнут, корабли остаются, — спокойно продолжал Александр Синяев. — Если планета строит их всего тысячу, то среднее расстояние между звездолетами уже на порядок меньше расстояния между цивилизациями; если миллион — то на два порядка. Все они, как правило, давно пережили хозяев.

— Перестаньте, — поморщился сзади Бабич. — Теория и практика разные вещи. Что вы знаете? По-моему, ничего.

— Зачем знать? Все и так очевидно. Нельзя отрицать, что звездолетов во вселенной множество и в основном это пустые, брошенные машины...

— Посещать которые очень опасно, — подхватил Бабич.

— Именно по этой причине, — сказал Александр Синяев, — вы, видимо, и прихватили свою пушку?..

Бабич рефлекторно поправил на поясе пистолет, выданный Монинным под расписку, но не ответил. Возмущаться уже не было ни сил, ни желания. Подумал только, что пилот, очевидно, вдобавок злится на него из-за пистолета. Ничего, пусть позлится. Официально назначенный! Генерал без шпаги ты — вот кто. Человек с пустой кобурой...

— Вы хоть стрелять-то умеете? — поинтересовался Александр Синяев.

«Уж лучше тебя!» — подумал Бабич, но вслух ничего не сказал. Пилот на работе, не стоит его отвлекать. Потом, в чем-то он прав: побережем нервы. Взаимно. Пускай делает свое дело...

Пока что, правда, работали автоматы. Экраны все еще оставались слепыми. Катер, уже без ускорения, медленно шел на выход по невидимым рельсам магнитного поля. Александр Синяев чувствовал, как спереди надвигается выходное отверстие и как с такой же неотвратимостью их нагоняет бесплотная лапа толкателя.

Катер вырвался наружу.

Кругом был мрак, но глаза, привыкшие к темноте, уже различали мелкую звездную россыпь на экранах кабины. Почти во всю заднюю полусферу зияла продолговатая яма — черный силуэт «Земляники». Тень звездолета медленно сжималась к центру экрана.

Александр Синяев молча смотрел вперед. Там, на фоне плотного звездного поля, возникло круглое черное пятно. Тень «Земляники» потерялась за кормой. Тень чужого росла. Не в центре экрана, а чуть сбоку. Ничего, дело поправимое.

Александр Синяев ощутил спиной кресло. Катер сильно трянуло. Его магнитные искатели нащупали цель, и ракеты подправили курс. Тень чужого росла, переместившись в центр экрана. Катер мчался безмолвный, как магнитная торпеда в борт океанского лайнера.

— И почему молчат ваши метеоритные батареи?..

Александр Синяев не ответил. Он внимательно смотрел вперед, но все там было спокойно. Он физически ощущал, как катер обволакивает тормозным полем. Да, они были магнитной торпедой, только со знаком минус. Россыпь звезд на экранах крутнулась. Катер развернулся кормой вперед. Готовясь к встрече, умная машина заботилась о пассажирах.

И снова Александр Синяев ощутил свой вес. Его плотно вжимало в кресло. Тормозное поле почуяло массу чужого.

— А как мы попадем внутрь, по-вашему? — не надеясь на ответ, спросил Бабич.

— Через дверь, надо полагать, — сказал Александр Синяев. Черная тень чужого звездолета заслонила уже всю переднюю полусферу. Катер тормозил, приближаясь к цели.

— Вот так. А теперь так. Видите, как все просто? — произнес штурман Николай Бабич, очень довольный собой. — Эти штуки называются магнитные якоря. Теперь никуда он не денется. Но я, признаться, не понимаю, как вы можете кого-то учить, не зная таких элементарных вещей.

— Ну теперь-то я их уже знаю, — примирительно сказал Александр Синяев.

Облаченные в легкие скафандры, они стояли в центре плоской равнины, тускло сиявшей светом далеких звезд. Чужой звездолет был громаден. Рядом с ними чернел высокий силуэт десантного катера, окаймленный ходовыми огнями. Катер благодаря познаниям штурмана был сейчас надежно пришвартован к гладкому металлу. Люди стояли рядом с катером, прочно привязанные магнитными подошвами к поверхности чужого корабля. Судя по всему, он принадлежал древнейшей галактической культуре Маб из центральных областей Галактики. Если так, он пустовал уже много миллионов лет.

— Вы... ничего не почувствуете?.. — внезапно спросил Бабич. Александр Синяев понял. Он знал, о чем Бабич пытается сейчас думать: о том, как почетно первыми из людей ступить на борт чужого звездолета, построенного неизвестно когда; о том, что новый пилот оказался кругом посрамленным, особенно с этими магнитными якорями; о других столь же приятных вещах. Но ни о чем таком Бабич думать не мог, хотя и пытался: все его мысли тонули в беспричинном, казалось бы, страхе.

— Мне кажется, из какой-нибудь щели вот-вот полезут... чудовища, — тихо говорил Бабич. — Да, чудовища. Так почему-то мне представляется. Здесь живут чудовища, а не люди. Омерзительные, хищные, страшные. Всякая ерунда лезет в голову...

— Ничего, скоро пройдет, — успокоил штурмана Александр Синяев. Он-то хорошо знал — так, конечно, и будет, но теперь, после слов спутника, ему уже тоже слышались отголоски зова внутренней биосферы, ослабленного толстой броней корабля. — А вот щель бы и вправду хорошо отыскать. Впрочем, скорее она найдет нас сама.

Осторожно переставляя магнитные башмаки, он пошел прочь от стоящего вертикально катера. Бабич последовал за ним. Два ярких пятна бежали впереди: прожекторы катера указывали дорогу. Люди брели куда-то среди темноты и безмолвия...

— Где катер? — крикнул вдруг штурман Бабич. Александр Синяев тряхнул головой. Их окружала тьма. Исчезли ходовые

огни, обозначающие силуэт катера; бесчисленные звездочки Млечного Пути; их отражения в потускневшей от времени обшивке звездолета. Исчезло, казалось, все... Но нет — все оставалось на месте. Это люди перенесли в недра звездолета, построенного кораблями древнейшей галактической культуры.

Привыкнуть к гипершлюзованию невозможно. Александр Сияев отлично знал его механизм, тем не менее секунду растерянно озирался, не понимая, что произошло.

Глаза зажмурились от яркого белого света, но спустя мгновение снова открылись. Два человека стояли в тамбуре звездолета, и он принадлежал культуре Маб. Так гласила надпись на древнегалактическом языке, опоясывающая тамбур. Приводились и другие сведения, в том числе название корабля, но оно-то было совсем бесполезно: произношение затерялось в эпохах. Александр Сияев при всем желании не мог воспроизвести его вслух, хотя и знал уже, как оно записывается древними символами.

Штурман Бабич молчал, растерянно оглядывая стены. Тамбур был очень велик, он ничем не напоминал тесные шлюзы земных космолетов. Уже много миллионов лет здесь не ступала нога разумного существа. Поэтому следовало держаться настороже. Природа не любит пустоты, и сквозь массивные переборки до сознания доносились беззвучные вопли жизни, обреченной на бессрочное заключение.

— Вы ошиблись, — сказал Бабич. — Разве корабль мертв? Смотрите...

— Я не утверждал, что он мертв, — осторожно сказал Александр Сияев. — Звездолеты не умирают. Но экипаж ушел отсюда очень и очень давно.

Штурман Бабич смотрел на него с сомнением.

— Нас никто не встречает, — пояснил Александр Сияев. — Значит, встречать некому. И не глядите так. Очень многие памятники культуры Маб великолепно сохранились.

— Культуры Маб? Что вы хотите сказать?..

— Это написано здесь. — Александр Сияев показал на порывающий стены орнамент. — К тому же их корабли легко узнать по внешнему виду.

— Перестаньте! — поморщился Бабич. — Вы же ничего не знаете! Даже того, насколько я счастлив! Мы все-таки первые здесь, хоть вам и не хочется этого! А если у вас разыгралась фантазия, то скажите, куда девались все эти люди?..

Несколько секунд Александр Сияев молчал.

— Не люди. Разумные существа, так будет вернее.

— И почему же они погибли? Атомная война, как водится? Или даже взрыв Сверхновой?..

— Нет, — сказал Александр Сияев. — Естественное вымирание. Биологические формы не вечны. Их губят мутации. Сначала вы копируете эталон, потом копии. Как далеко вы уйдете за миллион поколений? Причем необязательно в сторону улучшения...

Черные тени кружили далеко в коридорах, выжидая. В тамбуре ничего не было, в тамбуре было светло и чисто. Мощный

поток сжатого воздуха ворвался сюда перед появлением людей и вынес коридорную печишь в другие помещения корабля.

— Ладно, — с подъемом сказал Бабич. — Извините, я был не прав. Вы здорово придумываете, мне нравится. Что будем делать?

— Смотря что вы хотите. Для вас лучше всего возвратиться на «Землянику». Сейчас же. В конце концов, это приказ Монины, вашего командира. Провести разведку — и тут же назад.

— Приказ, вот еще! А вы?

— Мне нужно в рубку.

— Нужно?.. — повторил Бабич. — Не возражаю. Значит, идем в рубку.

— Не торопитесь, — сказал Александр Синяев. — У нас ничего нет. Единственный транспорт — ноги, и кулаки вместо оружия. А до рубки километров десять, из них пять по оранжевому поясу. Остальное — по темным тоннелям.

Штурман Николай Бабич положил ладонь на выданный Мониным пистолет.

— Почему вы все время хотите меня напугать? — усмехнулся он, окончательно принимая правила новой игры. — Оранжевые — прекрасно! Темные тоннели — великолепно! А преисподней здесь нет, случайно?..

— Ну разница не такая большая, — рассеянно сказал Александр Синяев. Он внимательно смотрел на стену, у которой они стояли. Потом, найдя нужную точку, толкнул в нее кулаком.

Стена расступилась.

Мгновение спустя штурман Николай Бабич уже рвал из кобуры пистолет.

В трех шагах от людей, в нише, обнажившейся на месте пропавшей стены, стояло чудовище. Похожее на дракона или даже на гигантское насекомое — высоко над ядовито-зеленым цилиндрическим телом вздымались сочленения сильных ног, почти сложенных пополам. Их было шесть; они впились в гладкий металлический пол круглыми плоскими присосками. Чудовище протягивало к людям зубастую крокодилью пасть на длинной, вытянутой вдоль пола шее. Нет, не пасть — скорее широкую разинутую клешню. Седьмую конечность, выставленную вперед, как манипулятор подводного аппарата..

А голова была у него дальше, глазастая и безротая, нераздельно слитая с корпусом.

Пилот-инструктор Александр Синяев ждал. Прошло две секунды, чудовище не шелохнулось. Бабич справился наконец с кобурой... но тут же опустил пистолет.

— Механизм?.. — почти разочарованно выдохнул он.

Александр Синяев молча кивнул. Членистоногий механизм оставался недвижимым; значит, что-то в нем неисправно. Тогда человек шагнул вперед, обошел мертвый механизм, открыл багажник, извлек оттуда два тяжелых лучевых пистолета и протянул один Бабичу.

— Возьмите. А монинскую игрушку можете выбросить.

Потом человек опустил лучемет в свою пустую кобурку и достал из багажника инструменты.

— А теперь так, — сказал Александр Синяев. Могучая клення механизма плавно сомкнулась, его суставчатые ноги медленно распрямились, подняв цилиндрическое тело на высоту второго этажа, согнулись, опять выпрямились. Казалось, механическое чудовище разминается, делает приседания. Александр Синяев аккуратно уложил инструменты в багажник и вышел из ниши в просторный тамбур, вытирая перчатки платком. Механизм втянул манипулятор под корпус и, как большой дрессированный зверь, последовал за ним волнообразной походкой, попарно переставляя конечности.

Александр Синяев положил руку на плечо Бабича. Тот, во все глаза глядевший на механизм, который ожил вопреки всему, вздрогнул от этого прикосновения. Механизм остановился перед людьми, повернувшись к ним боком и подставляя спину, обтянутую гладкой зеленой пленкой.

Минуту они молча смотрели в глаза друг другу. Потом Александр Синяев отнял руку, шагнул к механизму, оперся на его вздыбленный сустав, оттолкнулся ногой от пола и взлетел, как в седло. Теплая зеленая поверхность прогнулась по форме тела. Механизм мелко вибрировал, готовый нести Александра Синяева куда угодно — хоть на край света.

Александр Синяев смотрел на Бабича, мысленно прощаясь с чем-то, так и не состоявшимся. Встреча с человечеством, внезапно реализованная, оказалась чересчур кратковременной. Что делать — такова жизнь.

— А я? — сказал наконец Бабич.

— Вы? Теперь я могу только советовать. Возвращайтесь на «Землянику».

— Без вас?

— Без меня. Я объясню, как вернуться к катеру.

— Вы считаете, это будет по-товарищески?

— По-товарищески? — повторил Александр Синяев. — Не знаю. Но иначе вы рискуете не вернуться совсем. Во всяком случае, Землю вы скорее всего потеряете. Потеряете навсегда.

Механизм под Александром Синяевым нетерпеливо перебирал длинными ногами, торопясь вырваться на свободу. Человек ждал. Ему вдруг стало мучительно от мысли снова остаться наедине со всем, что его ожидало. «По-товарищески»... Места на спине механизма было достаточно. Александр Синяев ждал решения Бабича.

Некоторое время тот стоял неподвижно. Два пути, и такие разные. Отказаться от Земли? Нет, никогда в жизни.

— Прощайте, — сказал Александр Синяев. И вдруг Бабич, перестав думать, неловко вспрыгнул на спину механизма позади Александра Синяева.

— Нет, — сказал он, — я с вами. Вы меня обманули, я человек, а не буриданов осел. Перед человеком только одна дорога...

Он замолчал. Механизм под ними пританцовывал от нетерпения.

— Ну что ж, — сказал Александр Синяев, обернувшись через плечо, — спасибо. — Он посмотрел на лучемер в руке Ба-

бича. — Пока можете спрятать. В коридорах он вам не понадобится.

— А потом? — спросил Бабич, убирая оружие в кобуру. Пистолет, выданный Мониным, сиротливо лежал возле стены.

— Я уже говорил. Экипаж покинул корабль, но жизнь осталась. Даже на древних парусниках жили тараканы, крысы и прочее. Микробы, бактерии... А здесь есть и оранжереи — но это не заповедник флоры и фауны минувших эпох. Здешняя жизнь миллиард лет развивалась свободно, без всяких помех. Биосфера — а здесь внутри целая биосфера, — отрезанная от космоса слоем брони, становится уродливой, хищной, недоброй. Эволюция на больших кораблях делает такие зигзаги, что встречаться с ее продуктами нежелательно. Обычно это страшная жизнь. Вы были правы — здесь живут чудовища, Николай.

Медленно разгоняясь, они вынеслись в ночь коридоров. Механизм, выставив уродливую клешню, набирал скорость, его корпус приподнялся до уровня сочленений, конечности мелькали все чаще. Но ход его оказался неожиданно плавным, будто он мчался над ровным асфальтом на воздушной или магнитной подушке...

Голова механизма испускала слабое сияние, и кое-что было видно в его неверном и призрачном свете. Вогнутый пол тоннеля был чистым и полированным, но стены и потолок усеивали пятна мохнатой растительности, свет иногда отражался в чьих-то кристаллических глазах, путался в сплетениях лап, играл на изогнутых челюстях... Механизм бежал все быстрее, из-под его ног то и дело шарахались жуткие черные тени, упругие паутинные сети с треском лопались под вытянутым во всю длину манипулятором, а мохнатые пятна, чередуясь на стенах, складывались в гипнотизирующий узор, манивший дальше, вперед.

Коридор был овальной в сечении трубой, он чуть заметно загибался вниз, повторяя внешний обвод борта. Что-то пищало, щелкало, шелестело жесткими крыльями, и черные тени бежали из-под ног механизма. В мохнатых наростах на стенах сверкали фасеточные глаза: казалось, вся местная живность следит за гонкой доселе невиданных чудищ.

Большая темная масса оторвалась от потолка далеко впереди и теперь медленно падала, блестя фосфорическими глазами, растопырив острые когти, целясь серповидными жвалами. Механизм, не снижая скорости, толкнул хищника манипулятором, как бейсбольной битой, потом, высоко подбросив одно из коленной, панес ему тяжелый удар суставом. Панцирь нападавшего треснул, фонтан вязкой жидкости обрушился на шлемы скафандров, но, когда она достигла пола, механизм был уже далеко от места стычки. Темноту озарили молнии — это Александр Синяев двумя точными выстрелами снял со стены еще двух таких же монстров, готовых к прыжку. В следующее мгновение их тела остались далеко позади. А впереди уже появилось светлое пятно — окончание коридора.

— Внимание! — крикнул Александр Синяев.

Пятно света росло стремительно. Коридор кончился, и механизм предупредительно встал на дыбы, упершись передней парой конечностей и распрямив их во всю длину. Его вытянутое туловище изогнулось: передняя половина поднялась почти вертикально. Если бы не это, люди, ничем не привязанные к корпусу, наверняка полетели бы через головы; сейчас инерция сильно прижала их к спине механизма. Потом он медленно сложил передние ноги, опустив брюхо почти до пола. Александр Синяев спрыгнул с его спины, за ним Бабич. Они стояли перед матовой стеной, перегородившей тоннель поперек.

— Дальше пойдем пешком. Безопаснее. И, повторяю, не бойтесь. Все, что может случиться, не стоит нашего страха.

Два человека и механизм шагнули вперед. Матовая стена на миг обрела прозрачность и тут же совсем исчезла.

Потолок ушел вверх, на недостижимую высоту, стал голубым небом, по которому плыли редкие белые облака. Желтое солнце висело низко над темневшим вдалеке лесом. Вместо звонкого металлического пола под ногами оказалась мягкая почва, поросшая зеленой травой. В двух десятках шагов высились плотной группой пузатые пупырчатые растения трехметрового роста. Вокруг было тихо, стекла скафандров моментально затянуло тончайшей пленкой тумана.

Бабич, ожидавший чего-то другого, расхохотался.

— Это что, огурцы? — сказал он, вытирая шлем рукавом и показывая на пузатые растения. — Их, что ли, бояться?! Но смотрите...

Ближний к ним «огурец» незаметно деформировался. Один из его пупырчатых выступов рос пульсирующими толчками, вытягиваясь в зеленое щупальце, беспшумно ползущее к людям. Щупальце погрузилось в траву; теперь только она выдавала его перемещение, ленивое и, казалось, вряд ли опасное.

Александр Синяев внимательно смотрел на приближающееся к ним тонкое зеленое щупальце. Оно уже выбралось на открытое место, но скорости не прибавило. Ничего похожего он никогда не встречал.

— Все-таки вы, вероятно, боитесь, — сказал Александр Синяев. — Они здесь больше ни на что не реагируют, только на страх. У них не бывает других эмоций.

— Боюсь? — повторил Бабич и снял ладонь с рукоятки лучемета. Зеленый побег наткнулся на одну из присосок механизма, отвернул почти под прямым углом, и его конец приблизился теперь к башмакам Бабича. — Бояться какой-то лозы? — Он отодвинул назад правую ногу, которой почти коснулось тонкое щупальце. — Пусть даже быстрорастущей. Да я... — И он презрительно пнул зеленый побег.

В следующее мгновение Александр Синяев резко толкнул его в плечо и сам бросился рядом, ничком на траву. Раздался оглушительный грохот; несколько секунд они лежали, как под артиллерийским обстрелом. Над их головами визжал воздух, что-то летало там, глухо вонзалось в землю. Грянуло еще несколько взрывов, воздух снова наполнился свистом... Когда наконец канонада утихла и они подняли головы, пузатых расте-

ний на месте не оказалось, а все вокруг усеивали овальные зеленые предметы, видимо, весьма твердые: корпус механизма был покрыт вмятинами.

— Ого! — изумился Бабич.

— Вот что значит поднять здесь меч, — объяснил Александр Синяев, показывая на один из твердых зеленых предметов. Это была миниатюрная копия материнского растения. Пупырышки на одном ее конце вытягивались, шевелились, нащупывали землю, цеплялись за нее, исчезали между ее влажными комьями. «Огурец» дернулся, встал вертикально, немного пошатался и начал очень медленно, но прямо на глазах раздуваться. То же происходило и с остальными — а их были сотни. — Понимаете? Щупальце работает как детонатор, растение взрывается, а его потомство использует добычу — нас, например, — вместо удобрений. Но пошли, пока урожай не созрел.

Они двинулись к неподвижной стене леса. Механизм, прикрывая их спереди, слегка прихрамывал. В чистом небе над ними плыли курчавые облака. Солнце поднималось над лесом. Густая трава пружинила под ногами. Лес приближался. Он напоминал здесь заросли травы, большой гигантизмом. Стебли ее были толщипой в два обхвата, высотой метров сорок. Вверх от них отходили длинные узкие листья. И цветы размером с цветочную клумбу.

И какие-то существа, величиной с большую овчарку и тоже мохнатые, копошились в этих цветах.

Они медленно приближались к зарослям.

— Да это же... насекомые! — воскликнул вдруг Бабич.

— Верно, — кивнул Александр Синяев. — Культура Маб расцвела в те времена, когда во всей вселенной не было ни одного позвоночного. Только членистоногие.

— Так, значит... они не были людьми?

— Конечно. Просто разумные существа.

Бабич с сомнением глядел на животное, которое возилось в покое на ромашку цветке.

— И... кто же они были? Муравьи, термиты? Или, быть может, пчелы?..

— Нет, — сказал Александр Синяев. — Пауки. Очень большие разумные пауки.

Некоторое время оба молчали. Так, молча, они вошли под тень гигантской ромашки. Насекомое скрылось из их глаз, но метровый в диаметре стебель дергался, выдавая движения того, кто пил нектар паверху.

— Это была древняя культура, — сказал Александр Синяев. — Очень древняя. Потом настала эра пресмыкающихся — змей и драконов...

— Во всей вселенной?

— Да. Но она быстро завершилась.

— А как же... — начал Бабич, но Александр Синяев прервал его:

— Тихо!

Лес ожил.

Александр Синяев тихо потянул из кобуры пистолет. А сверху,

грозно гудя, на них уже пикировало что-то большое, тигровой окраски, наставив челюсти и копьевидное жало.

Они выстрелили одновременно.

Два слепящих луча сошлись на полосатом теле, как прожекторы, отыскавшие в полуночном небе неприятельский самолет, и он, дымя, тяжело врезался в землю... Потом раздался другой, лязгнувший звук, и они одновременно оглянулись и увидели чью-то треугольную голову с выпученными фасеточными глазами и дергающимися жвалами, падающую на землю, и механизм, вновь раскрывающий клешню манипулятора. Он стоял над поверженным чудовищем в позе победителя.

— Ладно, — сказал Александр Синяев. — Пошли, чего стоять.

И они двинулись через лес...

...А спустя два с половиной часа выходили на открытое место с другой стороны, и стояли на новой границе леса, и удалялись от него, едва волоча ноги: позади, прикрывая их тыл, гордо шагал механизм-победитель. Бабич поддерживал Александра Синяева, потому что нога у того была повреждена в одной из многочисленных схваток, и они снова стояли у матовой стены, на этот раз темной, и вновь она расступалась, и они уже снова восседали на спине у своего механизма, и он плавно нес их по изогнутому тоннелю, и они уже не обращали внимания на бросающиеся прочь жуткие тени, потому что бег поглощал все. А еще через несколько минут перед ними возник тупик, но стена в его глубине уже расступалась, давая дорогу, и они, не снижая скорости, влетели в рубку.

Бабич первым прыгнул со спины механизма и помог спуститься Александру Синяеву. Лицо его, обращенное вверх, за стеклом скафандра откровенно светилось радостью.

— Это было великолепно, — произнес он. — Вам станет смешно, но я кажусь себе ясновидцем. Ведь я все это предвидел!..

Оказавшись внизу, Александр Синяев открыл багажник, достал оттуда пушистую щетку и принялся за скафандр.

— Что вы имеете в виду?

— Свою вахту, — объяснил Бабич. — Монин прав, выходить в пространство было рискованно. Но я почувствовал; что-то произойдет. Даже не так. Я понял, что если не выведу звездолет из подпространства, то не случится событие, которое могло бы произойти.

— Любопытно, — сказал Александр Синяев. Он уже очистил скафандр и передал щетку Бабичу. Тот продолжал:

— Мы оказались недалеко от планеты, но я не смотрел на нее. Я все время наблюдал. Что-то должно было произойти. Я совершенно не удивился, когда увидел вашу капсулу. Я просто понял, что предчувствие не обмануло меня, будни кончились и началось приключение.

— Значит, вы все-таки любите приключения? — рассеянно спросил Александр Синяев, укладывая щетку на место. Невидимые лапы захватов приподняли неподвижный уже механизм и спрятали в стену. Даже сейчас, в сложенном состоянии, рубка корабля Маб была почти такой же просторной, как там-

бур. Александр Синяев скользнул взглядом по стене, скрывшей механизм от их глаз, повернулся и зашагал к пульту управления. Бабич догнал его.

— Кто же их не любит? — сказал он. — Поймите, я десять лет был штурманом дальнего следования. В детстве такая работа казалась мне чуть ли не верхом романтики. Я ошибался. Теперь я иногда завидую ученым из группы Толейко. Они где-то высаживаются, что-то исследуют. Хотя и это рутинная, все планеты похожи. Но мы — просто извозчики. Космос, как вы знаете, пуст. А появление вашей капсулы приоткрывало дверь в новые, захватывающие миры.

— Почему же пуст? — начал Александр Синяев, но Бабич прервал его.

— Подождите. Ведь вы... Сначала я вам не поверил — ни единому слову. Версия об аварии — это для Толейко. Плюс ваша капсула — люди таких не делают. Потом, я просматривал справочник, — он говорил торопливо, будто боялся, что не успеет. — Я отыскал вашу фамилию. Двое, муж и жена, пропали без вести очень много лет назад. При невыясненных обстоятельствах. Это случилось слишком давно. Следовательно...

Их взгляды встретились через двойное стекло шлемов. Бабич запнулся, но продолжал:

— Потом я забыл это чувство. Мне стало обидно, что вы не захотели меня взять. Но теперь оно вернулось. Я не знаю, кто вы такой. Я не знаю, откуда вы появились. Из будущего, из параллельного мира, откуда-нибудь еще. В любом случае я счастлив, что дверь приоткрылась. И если бы я мог хоть раз взглянуть туда, где я вас подобрал...

— Бросьте, Николай, — сказал Александр Синяев. — Вы сами знаете, там никого не было. Главное — ваше предчувствие. Из будущего поступает непрерывный поток информации, но немногие, и очень редко, могут его принимать...

— Родина творчества — будущее, — процитировал Бабич.

Оттуда доносится ветер богов слова... Это Велимир Хлебников, русский поэт двадцатого века...

Некоторое время они шагали молча, пока не остановились около пульта управления. Бабич рассматривал его с восхищением. В нем проснулся профессионал.

— Как все сложно! — воскликнул он наконец.

— Наоборот. Их космонавты предпочитали максимально простые решения.

— И вы знаете, как им пользоваться?

— Мне известны далеко не все функции этого многоцелевого устройства, — признался Александр Синяев. — Но кое-что я умею. Что вас конкретно интересует?

Угадать ответ не представляло труда.

— Ну, видимо, навигационные задачи. Я же все-таки штурман...

— Нет ничего проще, — сказал Александр Синяев.

Он коснулся крохотной сферы, приклеенной к лицевой стене над сиреневой полосой привода экстренной связи. Стена вместе с пультом немедленно отодвинулась от людей, пол ушел из-

под ног, и помещение рубки приняло форму громадного шара. Они находились на равном удалении от всех стен, висели в воздухе, хотя у Александра Синяева оставалось четкое ощущение, что они стоят на полу, привязанные к нему магнитными подошвами. Стены рубки окутал мрак. Предмет, к которому прикоснулся Александр Синяев, раздулся, став глобусом метрового диаметра. Он лежал в воздухе перед ними, в геометрическом центре помещения. От него отделилась короткая сверкающая игла.

— Вы рисуете здесь какой-нибудь звездный пейзаж...

Александр Синяев прошелся иглой по поверхности глобуса. На стенах рубки, против точек, к которым он прикасался, загорались звезды. Он ограничился сотней покрупнее и кое-где пририсовал пятнышки туманностей. Бабич молча следил за этими манипуляциями.

— Я набрал небо района, куда мы собираемся переместиться, — объяснил Александр Синяев. — Теперь следует сделать так.

Он ударил по глобусу ребром ладони, активируя двигательную систему. Рука отскочила, как от мяча, а глобус уже слабо пульсировал, и светлые точки на его поверхности медленно гасли. И так же медленно тускнел рисунок созвездий на черных стенах рубки.

— Вот и все, — сказал Александр Синяев. — Как видите, очень просто.

— Где мы теперь находимся?

— На прежнем месте. В двух мегаметрах от «Земляники».

Бабич выглядел разочарованным.

— Почему?

— Такого неба нет, — объяснил Александр Синяев. — По крайней мере, на Млечном Пути.

Бабич молчал. В его глазах была просьба. Отказать было невозможно. Александр Синяев передал ему иглу.

— Тренируйтесь. Может быть, пригодится.

Раз четыре Бабич ткнул глобус, регулируя силу нажима. После удара шар каждый раз начинал пульсировать, и небо над ними гасло — жуткое, дикое небо с одной заблудшей звездой.

Потом Бабич начал старательно выкалывать звездный небосвод. Александр Синяев сразу его узнал. Это было то самое небо — разумеется, слегка искаженное.

Бабич ударил по шару, тот запульсировал, и звезды на стенах рубки снова медленно погасли.

Бабич посмотрел вопросительно.

— Что я сделал неправильно?

— Небо, — объяснил Александр Синяев. Все было естественно.

Бабич был там всего один раз, очень недолго, и неправильно передал рисунок созвездия Четырех Воинов. Кроме того, у него дрожала рука, и некоторые звезды получились переменными.

— Попробуйте еще, — предложил Александр Синяев. Бабич быстро заработал иглой. Когда он дошел до Четырех Воинов, Александр Синяев остановил его:

— А как же все-таки ваши товарищи? Как руководство?..
Баби́ч отрицательно покачал головой. Тогда Александр Синяев молча скорректировал его руку, пририсовал сверху диск Дилавэра и ударил по шару ребром ладони.

Глава 4. МЕСТО РАБОТЫ

Глобус не шелохнулся. Звезды стали ярче. Кроме тех, которые были на стенах рубки, засветились мириады более слабых. Под ногами вспыхнул ослепительный диск Лагора, и крошечное пятнышко Дилавэра приобрело голубоватый оттенок.

Баби́ч оглядывал стены рубки, превратившиеся в окна обзора.

— А можно приблизиться к планете?

— Конечно.

Александр Синяев наметил окружность вокруг пятна Дилавэра. Удар — и оно вросло в раздвинутые границы.

Баби́ч взял иглу из рук Александра Синяева. Планета падала к ним, как купол парашютиста. Потом остановилась, закрыв небосвод, превратилась в пятнистую крышу. Облака громоздились над ними, как опрокинутые торосы. На дне прозрачных провалов синело зеркало океана.

Александр Синяев отобрал у Баби́ча сверкающую иглу и вложил ее на место, в висящий перед ними глобус. Он немедленно съежился, и рубка приняла первоначальный вид.

— Вы хотели приключений, — напомнил Александр Синяев. — Тогда поторопимся.

Они влетели на стартовую палубу. Десантные диски культуры Ма́б стояли рядами, как тарелки серебряного сервиза.

— Скафандры, — скомандовал Александр Синяев. — Больше они не понадобятся.

Они одновременно сорвали шлемы, и Баби́ч закашлялся в душном воздухе звездолета. Александр Синяев надел кобуру и бросил скомканный скафандр в угол. Баби́ч поступил так же.

Они лежали внутри диска, разделенные прозрачной перегородкой. Звездолет растворялся на фоне неба, прячась в защитном поле. Они стартовали без шума и перегрузок, и Александр Синяев закладывал крутое пике, уводя диск в облака.

Пике завершилось. Диск, как беззвучный призрак, мчался уже вверх, по восходящей ветви параболы, почти отвесно. Облака остались позади и в густой черноте на курсе блеснуло сооружение станции. Она вырастала, темнея причальной трубой. Сбоку шевельнулись стволы лазерных батарей. Не для салюта, но все равно. Они проспали, слишком поздно пришли в движение.

Дело было сделано. Диск швартовался, а люди уже покидали эллинг, стараясь не греметь по металлу. Вскоре далеко впереди послышался звук, которого ждал Александр Синяев. Он потянул Баби́ча в ближайшую нишу, под прикрытие тени.

Мимо прогрохотало — будто по коридору пробежало растя-

пудовое метров на шесть десятиноее чудовище, обутое в подкованные сапоги. Пять солдат — скоро появятся и отставшие.

Они не заставили ждать. Еще один десятиногий отряд прогромыхал в темноте, торопясь к причалу.

— Пошли, — скомандовал Александр Синяев, и они понеслись по звонкому полу, повторяя повороты тоннелей. Путь преградила стена. Александр Синяев нащупал рукоять лучемета и рванул дверь.

Их оглушил хохот. Прошло всего несколько часов, как человека вывели из аудитории, и сейчас здесь была перемена. Веселье шло полным ходом, сквозь сигаретный дым на классной доске просвечивали круглый контур корабля Маб и подробная схема атаки из-за угла, и опять на пороге стояли двое, грозя лучеметами.

И вновь никто не обратил на это никакого внимания. Всем было не до людей.

— Встать! — гаркнул Александр Синяев. — Смир-р-рно!

Это на них подействовало. Они, офицеры, знали, что командовать здесь может лишь генерал, и безропотно поднялись: встали все сразу, единой массой, еще сотрясающейся от смеха, но уже меняющей смех на страх под квадратными дулами лучевых пистолетов... Люди медленно шли вдоль стены, но никто уже не смотрел на них. Все выполняли приказ и стояли по стойке «смирно». А люди были уже вне поля зрения, они обогнули зал, их спины уперлись в стену — там, где был потайной люк. Не глядя, Александр Синяев сунул руку в замочную скважину. Внутри щелкнуло, люк повернулся, как турникет. Александр Синяев втолкнул в отверстие Бабица, окинул взглядом аудиторию и последовал за своим спутником.

За время отсутствия Александра Синяева здесь тоже не произошло существенных перемен. В большом квадратном окне светилась имитация городского пейзажа, кушетка была аккуратно застелена, дверь во внутренние отсеки плотно прикрыта, а Квилла и Дзанг, два робота-универсала с планеты Пьерн, похожие в профиль на карликовых тираннозавров, увлеченно играли в шахматы за низеньким столиком в углу. Человек сам когда-то обучил их этой игре, но вскоре стал для них слишком слабым противником.

Кроме них, в комнате присутствовал фантом. Сегодня он был Посланником Круга: сидел в кресле за рабочим столом, неестественно прямой и недвижимый, как изваяние.

Николай Бабиц, увидев роботов и фантом — а тот только что материализовался, — остановился в нерешительности. Александр Синяев понял его реакцию. Роботы слишком напоминали доисторических ящеров; Посланник был гуманоидом, но, конечно, не человеком, он принадлежал к другой расе. Если, разумеется, можно характеризовать так фантом. Он мог принять любую внешность, но сейчас она была как у его партнеров с Кюсса в часы умственного труда. Щуплое тельце, неестественно длинные руки и ноги, низкий лоб, голый череп,

персть на лице и руках — его вполне можно было принять, например, за дьявола.

Впрочем, какое-то время назад именно такая внешность представлялась Александру Синяеву верхом совершенства. Чтобы осознать себя человеком, необходимо хотя бы немного пожить среди настоящих людей. Или, допустим, на Дилавэре...

Александр Синяев обошел Баби́ча и сел напротив Посланника.

— Откуда ты и с какими вестями? — церемонно спросил человек.

Квилла и Дзанг настороженно и одновременно повернули лица. Но, узнав голос Александра Синяева, вновь занялись шахматами. Глаза Посланника неторопливо открылись: черные, пронзительные глаза существа, привыкшего повелевать. Фантом всегда был таким во время сеанса связи.

— Я с вестями от Круга, — нараспев произнес он, не меняя позы. — И вести мои дурные. — Его взор, наткнувшись на непроницаемый взгляд человека, плавно обошел помещение и остановился на неподвижной фигуре Баби́ча. — Кто он и что он знает? Почему он здесь, куда проникают только изображения? Кто позволил тебе замкнуть Круг на аборигене?

— Это не абориген, Посланник, — твердо сказал человек. — Это мой соплеменник. Мы с ним одной крови. Я был приговорен и казнен, он спас меня от мучительной смерти. Лишь чрезвычайные обстоятельства заставили меня привести его. Сейчас он нуждается в отдыхе.

— Наша родина Круг, — нараспев произнес фантом. — Другого отечества нет. Но ты прав, пускай пока отдохнет. Не стоит ему слышать то, о чем мы здесь говорим.

— Не в этом дело, Посланник. Ведь он все равно ничего бы не понял.

— А если бы он запомнил? — возразил фантом. — Откуда нам знать, какая у него память? Пусть отдыхает.

Возразить было нечего: логика Круга абсолютна. Александр Синяев встал и подошел к Баби́чу. Разговор шел в ускоренном темпе, и Баби́ч воспринял его так: Синяев скользнул к столу, они со странным существом, которое почему-то казалось бесплотным, обменялись непонятными репликами, и все закончилось.

— За мной, Николай. Вам пора отдохнуть.

Они вышли в смежную комнату.

Соседняя комната была на вид точно такой же, но в ее стенах прятались мощные установки гипнообучения. Александр Синяев помог Баби́чу застелить постель, показал, где что.

— Ничего не бойтесь. Я все объясню потом. Сейчас ложитесь и ни о чем не думайте. Когда проснетесь, вы будете знать гораздо больше, чем теперь. Спокойной ночи.

Он ободряюще улыбнулся и вышел. Роботы невозмутимо продолжали партию. Посланник ждал человека. Его глаза смотрели равнодушно и повелительно.

— Раскрой уши и память, — произнес он нараспев. — Внемли и повинуйся.

И человек приготовился слушать.

Новости были действительно неприятные. Во-первых, станция охвачена боевой тревогой. Весь наличный состав мобилизован на розыски оборотней-диверсантов, которые атаковали ее некоторое время назад, перебили половину команды и скрылись с десятком заложников. И хотя после корректировки эта информация превратилась в невинное сообщение о возвращении Александра Синяева, объективно она существовала: коррекция не распространилась на персонал станции. Во-вторых, пост у Хребта Исполинов раскрыт, в ближайшие часы можно ожидать штурма. А главное — Круг отзывал человека.

План Круга менялся. Предписывалось собрать и упаковать имущество — все имущество — и провести его полную эвакуацию. Дальнейшие инструкции будут сообщены позже, в надлежащем месте и в надлежащее время.

Причина всей этой поспешности была проста: дальнейшее Внедрение на планету потеряло целесообразность.

— Но я работал исключительно с техникой Маб, — сказал человек. — Какое дело мне до Внедрения?

— На каждом круге два направления, — произнес фантом. — Ты работал с техникой: ты вернул в строй и заселил космическую станцию, ты починил машину для предсказаний в Талассе. Но одновременно ты представлял здесь Круг; Круг замыкался на Дилавэре, и планета была одной из его бесчисленных точек. Теперь она перестала быть ею; решено отсюда уйти.

— Все точки Круга равны, — сказал человек, внутренне закипая. — Но обижаться на фантом бессмысленно — сейчас он не личность, а всего лишь посредник. Что толку злиться на телефон? Каждое следствие имеет массу причин, Посланник. Где они, эти причины?

— Во-первых, тебя раскрыли... — начал перечислять фантом.

— Но об этом никто не знает! — возразил человек.

— Об этом знаю я, — величаво произнес фантом. — Следовательно, многие в Круге. Раскрыт пост у Хребта Исполинов, и в Круге об этом знают все. Но план изменен задолго до рождения этой информации. Таласское предсказание признаю достоверным; нашествие неминуемо.

— Но я знал об этом всегда, Посланник. Именно поэтому я готовлю Дилавэр к самозащите.

— Твоя миссия признана нецелесообразной, — продолжал фантом. — Ни один из близких миров Круга не способен оказать помощь. Опыт Круга гласит, что противиться нашествию невозможно. Оно неотвратимо. Никто не пойдет на бессмысленные расходы ради планеты, уже не входящей в Круг.

— Я потратил несколько лет на подготовку местного населения, — возразил человек, хотя понимал, что дискуссия бесполезна. — Нам поможет наследие Маб. Я почти закончил цикл обучения.

— Мощь десанта из прошлого безгранична, никто не справится с ней. И теперь ты раскрыт, ты приговорен и казнен. — Человеку показалось, что на тонких губах фантома мелькнула презрительная усмешка. — Так что Круг замкнут. Помни —

разорвать его не дано. Вошедший в Круг раздвигает его пределы, но не выходит из них. Лишь план Круга служит ему маяком.

«Но каждая экспедиция имеет еще сверхзадачу — истинную цель, не внесенную ни в один план», — вспомнил вдруг человек. Повелительные глаза Посланника закрылись. Но он не исчез, оставался в кресле, по-прежнему прямой и неподвижный, как изваяние. Следовательно, сеанс не был закончен. Фантом снова открыл глаза. Да, сеанс продолжался.

— Круг должен знать о твоём контакте, — властно произнес он, по-прежнему не меняя позы. — Главное — координаты. Круг всегда интересовала родина твоих предков.

— Что я могу рассказать? — спросил человек. — Я почти ничего не знаю, Посланник.

— Ты был спасен от мучительной гибели, — произнес фантом. — Значит, ты был участником встречи. Следовательно, ты знаешь все. Раскрой память и развяжи язык. Когда информация становится объективной, Круг расширяется.

— Мне нечего рассказать, Посланник. Меня подобрал их корабль. Потом он последовал дальше, я вернулся сюда. Встреча состоялась здесь, близ Дилавэра.

— И это все, что может заинтересовать Круг? Вся объективная информация?..

— Нет, — сказал человек. — Я пригнал звездолет.

— Чей?

— Маб, большого тоннажа.

Квилла и Дзанг, повернувшись, синхронно приоткрыли зубастые пасти, а в равнодушных глазах фантома появился вопрос, настолько понятный, что информация перешла в объективную форму еще до произнесения вслух.

— Корабль Роботов?..

— Нет, грузо-пассажирский лайнер, — сказал человек. — Но большого тоннажа, с оранжереей.

Последовала пауза. Шахматисты устремлённо усмехнулись и вернулись к любимому делу. Глаза фантома вновь стали холодными и повелительными.

— С оранжереей, — нараспев повторил он. — Включение техники прошлого лишь укрепляет Круг. Но как среагирует Дилавэр?

— Я спрятал корабль в маскировочном поле, — объяснил человек. — Правда, диск стоит здесь, в эллинге.

Последовала долгая пауза.

— Хорошо, — произнес фантом. — Законы стареют, Круг не стоит на месте. Но тот, кого ты привел? Что знает он о родине твоих предков?

— Вряд ли что-то существенное. Переход от одних координат к другим слишком сложен. Даже Круг не знает Галактики, что же может один человек?.. Если больше вопросов нет, я бы хотел отдохнуть.

— Хорошо, — произнес фантом. — Твоя информация будет проверена. И не забудь про Хребет Исполинов. Я приду и буду держать Мост. Наша родина Круг, и нет иного отечества.

Отвечать на традиционную формулу человек не стал, да это

от него и не требовалось. Фантом закрыл глаза, стал полупрозрачным, исчез совершенно. Тогда человек подошел к кушетке и лег не раздеваясь. Игроки продолжали переставлять фигуры, окружающее их мало заботило. Свет в комнате погас, кушетка заколебалась, воздух наполнили тихие колыбельные звуки. Но человек уже не слышал их — он заснул тотчас, лишь только голова его коснулась подушки. Заснул, стараясь не думать про завтрашний день.

День предстоял тяжелый.

В первом приближении станция представляла собой длинный толстый цилиндр, половину сердцевины которого — от центра до одного из торцов — занимала группа внедрения. Аборигены никогда не догадывались, кто живет под ними, и считали себя единственными обитателями и хозяевами станции. Кроме человека, внутренним люком никто никогда не пользовался — фантому не нужен люк. А человека на станции по ряду причин считали за своего. Так было до вчерашнего дня.

Сейчас все стояли снаружи, на тесной площадке на своем торце станции. Она, если не считать внутреннего люка, служила единственной коммуникацией, связывающей станцию с внешним миром. Здесь располагались шлюз, наблюдательный пост, антенны дальней космической связи. Никто из аборигенов не подозревал о существовании этой площадки. Столь непростую иллюзию поддерживал фантом — вернее, его партнеры на Кнессе. Они заставляли аборигенов считать, что диаметр половины станции меньше, чем в действительности, — ровно на поперечник сердцевины.

Сейчас станцию и предгорья Хребта Исполинов связывала топкая, почти невидимая нить, оканчивающаяся в руках фантома. Он был в форме Держателя Моста и походил на трехметрового геркулеса. Надо было действовать. Дзанг взялся трехпальцами ладонями за страховочное кольцо, оттолкнулся коньком от края площадки и помчался вниз, стремительно уменьшаясь. Его примеру последовал Квилла. Александр Синяев еще раз объяснил Бабичу, как пользоваться переправой, и тот тоже исчез внизу.

Когда все они растаяли в облаках, человек остался один на один с Держателем. Они поговорили о всякой всячине: человек рассказал о своих приключениях. Сеанс был не скоро, и информация никак не могла перейти в объективную форму. На добродушном лице гиганта появилась улыбка. Он любил, когда с ним разговаривают как с личностью, а не посредником.

Человек попросил его сделать себе оболочку, хотя это и так входило в обязанности Держателя Моста. Фантом заулыбался еще шире и облил человека силовым полем. Александр Синяев взялся обеими руками за нить, оттолкнулся правой ногой от края площадки. Облака сначала не приближались, были снежной равниной, сверкающей и неровной. Человека надежно прикрывало силовое поле, фантом держал его за сотни ки-

лометров. Человек летел в огне, как болид, тормозясь в атмосфере. Все заволочла мутная слякоть, потом воздух вновь стал прозрачным. Человек летел параллельно далекой земле, незаметно снижаясь. Над его головой скользили крупные облака.

Он опять его упустил — этот еще никем не пойманный миг, когда атмосфера становится небом.

Он опаздывал. Он мчался над скалами на высоте каких-нибудь десяти-пятнадцати метров, но с тех пор, как Дзаг пролетел в этом районе, прошло уже несколько минут. Станция совершала полный оборот вокруг планеты за три часа с небольшим; сутки планеты почти равнялись земным. Если бы человек задержался еще на минуту, он бы не успел перемахнуть через Хребет Исполинов и приземлился бы в горах, в сотне километров от места своего назначения.

Каким-то чудом он миновал последние скалы и очутился над ущельем, далекое дно которого зеленело сквозь синеву. Позади него нить легла на одну из вершин, связь с Держателем оборвалась, человек ощутил бешеный напор ветра, но продолжал движение по инерции к утесу поста, расположенному на другом берегу ущелья. Его белый зуб вырастал над горизонтом. Человек пролетал сейчас над городом, вернее, небольшим селением, похожим отсюда на рассыпанную кучку детских кубиков. Именно отсюда шли те, кто хотел уничтожить пост. Если бы обитатели селения посмотрели сейчас вверх, они бы увидели человека. Но он летел уже медленно, без огня, его приняли бы просто за птицу.

Местность внизу опять начала подниматься. Человек миновал перелески, альпийские луга, добрался до кромки снегов. Внизу брели какие-то люди, направляясь к утесу. Он вырастал впереди, как средневековый замок.

На краю обрыва стоял Квилла и улыбался. Он протянул трехпалую руку, и человек ухватился за нее. Она была холодной, бескровной, чужой. Человеку снова стало мучительно.

Квилла втащил его на обрыв, как перышко. Некоторое время они плечо к плечу стояли над пропастью. Нить оседала. Квилла словно чего-то ждал.

— Твой соплеменник, — сказал он. — Он что, остался на станции?..

Глава 5. ОБРАЗОВАНИЕ

Он лежал в глубоком сугробе на сверкающем снежном склоне. Он был штурманом дальнего следования и только вчера покинул борт своего корабля. Иногда падают с самолета и остаются в живых. Но он не падал с самолета. Просто когда он летел над заснеженным склоном следом за чудовищами, похожими на людей, ему вдруг показалось, что он видит это во сне, и он отпустил страховочное кольцо. Но не проснулся, а упал вниз, как камень.

Его защитила плотная прозрачная оболочка, в которой он опускался сквозь атмосферу. Сейчас ее не было, под одежду проникал холод.

Николай Бабич встал и отряхнулся. Он упал приблизительно в километре от нижней кромки снегов. Склон здесь был пологий, но немного выше задирался неприступными скалами. Внизу зеленела долина, иногда сквозь туманную дымку там блестели стекла в окнах домов. Он снова посмотрел вверх. Утесы высились над ним, как дворцы великанов, приближение к которым запрещено. Долина лежала в нескольких часах ходьбы. Постояв немного, он двинулся вниз.

Все мешалось в его мозгу, когда он брел вниз по нетронутomu белому снегу. Тоска по необычайному, накопившаяся за десять лет нудной работы с вычислительными машинами в штурманской «Земляники». Странная уверенность, что необходимо немедленно вернуться в пространство. Крик обзорных локомоторов, взявших цель. Причудливая маленькая ракета, непохожая на спасательную капсулу, уходящая на последнем дыхании прочь от далекой планеты. Александр Синяев, человек загадочный; великолепно разбирающийся в технике давно исчезнувшего народа. Черный оазис, чужой корабль, безмолвная переправа. Отремонтированный механизм, гонка по ночным коридорам, схватки с обитателями оранжерей. Сладкое чувство свободы. Возвращение к Дилавэру, прорыв сквозь испуганную толпу. Бесплотное существо переменной формы, люди с мордами ящеров, долгий сон, во время которого Бабич узнал язык и многое другое. Наконец, последний разговор с Синяевым на этом языке, когда они шли по внутренним переходам станции, чтобы через несколько минут спуститься сквозь атмосферу.

— Вы их не бойтесь, они не кусаются, — сказал тогда Синяев, указывая на спину одного из трусивших впереди чудовищ. Чудовища эти были ростом с человека, но сходство здесь не заканчивалось. Они очень напоминали людей, только в маскаранных костюмах. Их спины были сплошь усеяны какими-то чешуйками, пластинками, костистыми гребешками, вдобавок спина переходила в нелепый толстый хвост, волочившийся по полу. Ноги заканчивались у них большими овальными копытами, которые звонко шлепали при ходьбе. Руки были трехпалые, пальцы кончались страшными большими когтями. Лица представляли собой оскаленные маски, казавшиеся выполненными из живого металла. А повадки у них были вполне человеческие.

— Да я и не боюсь, они симпатичные, — сказал Николай Бабич. — Я к ним уже немного привык. Чего их бояться?..

— Это Квилла и Дзанг. — продолжал Синяев, убыстряя шаг, чтобы не отстать от чудовищ. — Они роботы, искусственные разумные существа, сделанные по образу и подобию своих творцов с планеты Пьерн. Очень древняя культура, цивилизация второго поколения. В Галактике таких мало. Возможно, она вообще уникальна.

Он сделал паузу, потому что бесплотное существо, выглядевшее на этот раз трехметровым атлетом с могучими мускулами, но перемещавшееся странной дергающейся походкой, исчезло в одной из боковых дверей. Чудовища и люди остановились, но существо тут же вернулось с большим мотком тол-

стой белой веревки через плечо, и отряд продолжил прерванное движение. Синяев снова заговорил:

— Вы привыкнете и к фантому. Он тоже робот, хотя и нематериален в том смысле, как вы это понимаете. Он не имеет постоянной формы, и при каждом изменении внешности у него целиком меняется все: и память, и программа, согласно которой он действует. Однако сменных программ у него не так много. А поведение Квиллы или Дзанга диктует одна-единственная — та, что вложена при создании. Она, конечно, не слишком жесткая, Квилла достаточно пластичен в отношениях со средой и другими разумными существами. Тем не менее это всего-навсего программа. Пусть она известна не всем, но она есть, она объективно существует. Так уж устроены роботы.

— Какого дьявола вы, земной человек, делаете в этой компании? И вообще как вы в нее затесались? — сказал Николай Бабич.

Синяев ответил не сразу, и некоторое время они молча шли по бесконечному коридору, замыкая карнавальную процессию. Гулкое эхо шагов уже тогда делало происходящее похожим на странный сон. Или даже на новую запись фантоматографа.

— Это старая история, — сказал наконец Синяев. — Она началась задолго до нашего с вами рождения. Случилось так, что корабль, на котором летели мои будущие родители, попал в аварию. Взрыв инвертора, как обычно.

— Все-таки инвертора?

— Да. Их вынесло на другой край Галактики, очень далеко от солнечной системы. Они не были космонавтами и не знали никаких координат: ни Земли, ни места катастрофы, ни района, где очутились. Звездных карт при них не было. Да и вообще ничего не было, кроме аварийной капсулы. Положение казалось вполне безнадежным. Но их спасли.

— Каким образом?

— Неподалеку случайно оказался один звездолет, — объяснил Синяев.

— Вот, вот. Об этом я и говорил. Одна случайность, вторая...

— Это был корабль, принадлежавший Кругу, — продолжал Синяев. — Удача получилась взаимной, Кругу повезло тоже. Ведь разумных существ, похожих на нас с вами, не так много в Галактике. Во всяком случае, Круг пока не включает миров, заселенных ими.

— А Земля?

— По-видимому, она пока еще тоже вне Круга.

— Пока?

— Разумеется, — сказал Синяев. — Круг постоянно расширяется. Но космическая активность Земли, вероятно, не так высока. Она пересеклась с Кругом только в тот раз, чисто случайно.

— Опять случайно! Кстати, что такое этот ваш Круг? — поинтересовался Николай Бабич. — Объясните же наконец. Объединение цивилизаций вроде ефремовского Великого Кольца? Или какая-нибудь развитая сверхцивилизация?

Синяев отрицательно покачал головой.

— Нет. Круг — это надцивилизация, самая могуществен-

ная в Галактике. Сверхцивилизаций и объединений не существует.

— Пускай надцивилизация, — охотно согласился Николай Бабич. — Разве дело в названии? Где она расположена?

— Думаете, я смогу ответить на этот вопрос? Где располагается космос? Откуда идет реликтовое излучение? Куда расширяется вселенная?..

— Вы хотите сказать...

— Да, — кивнул Синяев. — Круг не имеет какой-то определенной дислокации. Все точки Круга равны. У него нет ни центра, ни периферии. Он как бы растворен в цивилизациях Галактики и не может без них существовать. И далеко не каждая цивилизация подозревает о его существовании.

— А какой тогда смысл вы вкладываете в выражение «корабль, принадлежащий Кругу»?

— Самый обычный. Если я, например, возьму где-нибудь корабль и куда-нибудь полечу — это и будет корабль Круга. «Земляника», когда вы меня спасли, превратилась в звездолет Круга. Когда мы шли к кораблю Маб, наш катер был катером Круга. А потом сам корабль Маб стал кораблем Круга, и вы входили в его экипаж.

— Вот как?

— Да. Если даже вы когда-нибудь вернетесь на Землю, вы уже никогда не выйдете за пределы Круга.

— Вы думаете, вам удастся заставить меня поступать вразрез моим убеждениям?

— При чем здесь я? — сказал Синяев. — И никто не собирается вас заставлять. Все гораздо проще. На каждом круге два направления. Вы всегда будете делать только свое, нужное вам. Но одновременно это будет полезно Кругу. Круг достаточно велик для такого пересечения интересов.

— Ну это мы еще поглядим, насколько он у вас велик, — сказал Николай Бабич. — Неужели он присутствует действительно на всех планетах Млечного Пути?

— Нет, конечно. В основном Круг интересуют миры, ведущие активную космическую деятельность. Или миры, приступающие к ней. Чаще всего включение планеты в Круг происходит стихийно, но не всегда. Дилавэр, например, очень долго находился под наблюдением. Без Круга космическая эра началась бы здесь еще очень и очень не скоро. Прогрессу в этой области весьма помогло спасение моих родителей. Вы сами видели, что здешние жители напоминают землян. Они почти как люди. Поэтому спасение моих предков обернулось для Круга большой удачей.

— И что же? — спросил Николай Бабич, хотя разговор перестал ему нравиться. — Дело успешно закончилось?

— Нет, операция началась сравнительно недавно, — объяснил Синяев. — Должен был родиться, я, должен был вырасти и окрепнуть, пройти необходимую подготовку. Дилавэр — очень ценная планета. Миллиард лет назад здесь была крупная база цивилизации Маб. Двойного назначения: и наземная и космическая. Но она была заброшена. Космическую станцию, правда, частично восстанавливали до нас, а вот на по-

верхности пришлось поработать мне. Ни мать, ни отец, естественно, не были специалистами по технике Маб. А специалистов, похожих, скажем, на Квиллу, вряд ли кто-нибудь пустил на поверхность.

— Я опять не понимаю, — пожаловался Николай Бабич. — Вы говорите, вас готовили. Вас готовили специалисты Круга. Но где это происходило? Ведь у Круга, как вы говорите, нет собственных планет?..

— Точно. Меня готовили на Кноссе. Там, откуда фантом. И готовили меня местные эксперты по технике Маб, не имеющие к Кругу никакого отношения. Так, во всяком случае, они думали... Именно кносский корабль спас в свое время моих родителей.

— А где они сейчас, ваши отец и мать?

— Их давно нет в живых, — сказал, помолчав, Синяев.

— И вы пикогда не были на Земле?

— Нет.

— И никогда не видели других земель?

— Никогда.

— И так легко ушли с «Земляники»?

— Почему же легко? — сказал Синяев. — Но что делать, здесь я нужнее. Так я считал. И люди здесь, в общем, ничем не хуже. Но теперь... Вы же знаете, планете угрожает опасность.

— И что вы будете делать?

— Скорее всего ничего.

— Почему?

— Вероятно, борьба бесполезна. Поэтому рекомендовано отсюда уйти.

— Рекомендовано?

— Да. А что вам не нравится?

— Мне нравится все. Только...

— Почему вы замолчали? Говорите.

— Только там, в оранжереях, — сказал Николай Бабич, — я вам завидовал. Я думал... Думал, что вы самый свободный человек во вселенной...

Здесь их разговор прервался, потому что они вышли за двери шлюза. Крыша над площадкой — если она была — оставалась невидимой, и казалось, что они стоят в пустоте, лицом к лицу с космосом, только непонятно, чем дышат. Под ними громоздилась планета, задрапированная облаками. На площадке уже стояли оба зубастых страшилища и бесплотное существо, похожее сейчас на древнегреческого титана. Потом оно раскрутило над головой лассо, сделанное из толстой белой веревки, и метнуло его в направлении облаков. Конец веревки скоро скрылся из виду, и сама она, уменьшаясь в диаметре, стала наконец тоньше самой тонкой научьей нити. Одно из страшилищ пристегнуло к паутинке несколько одинаковых овальных колец. Вокруг него возникла прозрачная серебристая оболочка, похожая на пузырь воздуха вокруг водяного паука. Не выпускающая кольца из трехпалых ладоней, оно оттолкнулось ногой от края площадки и исчезло впису. За ним последовало второе страшилище. Потом Синяев рассказал Николаю Бабичу, как пользоваться переправой, и он тоже полетел вниз. А по-

том, уже под облаками, ему вдруг показалось, что это сон.

Он остановился, любуясь ландшафтом. Безмолвные снеговые пики парили в воздухе над горизонтом. Между ними и Николаем Бабичем синела яма ущелья. Сквозь толстый воздушный слой оттуда просвечивала зелень.

Край снежного щита был теперь совсем близко. Поверхность снега здесь обледенела, кое-где он подтаял до камня. Николай Бабич глубоко вдохнул морозного воздуха и вдруг увидел людей.

Их было человек десять, они поднимались навстречу ему из долины. Склон здесь был кругой, они шли, сильно наклоняясь вперед, и их лиц пока не было видно. За плечами у них вышались тяжелые вещевые мешки. На шее у самого первого висел предмет, похожий на автомат.

Группа людей приближалась. Они еще не видели Николая Бабича. Они смотрели себе под ноги, чтобы не оступиться в горах булыжников, оставленных подтаившим краем ледника.

Они шли извивающейся в вертикальной плоскости змейкой по берегу ручья, вытекавшего из-под ледника. Приблизившись к краю снежного щита, они остановились, их строй распался, они встали полукругом и теперь совещались, как им идти дальше.

Они показывали друг другу на скалы. Николая Бабича они пока не замечали, потому что он стоял неподвижно. Все они были облачены в одинаковую одежду: обтягивающие брюки темного цвета и светлые куртки с капюшонами. Их глаза скрывались за черными очками. На груди у вожака болталось оружие, но не автомат, а что-то вроде укороченного ружья. Такие же ружья-обрезы свисали с плеч остальных. Некоторые держали в руках предметы, похожие на ледорубы.

Когда они наконец заметили Николая Бабича, ему показалось, что это получилось у них одновременно. Не было такого, чтобы один из них увидел его, закричал, и глаза всех остальных повернулись к нему. Нет, сейчас они смотрели на него, перестав разглядывать утесы, будто уже давно знали о его присутствии, а теперь просто решили все вопросы, связанные с подъемом, и перешли ко второму пункту повестки дня.

Они разглядывали Николая Бабича сквозь черные очки, приветливо махали руками — он на это ответил, — а когда он сделал движение, чтобы спуститься, кто-то из них громко крикнул на своем мелодичном языке, который Николай Бабич выучил сегодня во сне:

— Оставайся на месте, приятель. Мы сами к тебе поднимемся.

Вереница вооруженных людей пробралась между массивными валунами и вышла на открытое место. Здесь они снова рассыпались в полукруг и остановились, глядя на Николая Бабича. Их было восемь. Они одновременно сняли черные очки — видимо, в знак приветствия — и молча стояли, разглядывая его, как заморское диво. Некоторые что-то жевали. Лица у них были вполне человеческие, восточного типа, темные глаза присторженно смотрели на Николая Бабича. Но гу-

бы уже расплывались в улыбках. Видимо, это был очень приветливый, добродушный народ. Однако первое слово принадлежало вожаку.

— Долго шел? — спросил он певуче, выплюнув жвачку в снег. — Пять часов? Или больше?

— Семь, — наугад ответил Николай Бабич, так как даже не знал, о чем идет речь. Вожак задумчиво пошевелил толстыми губами. Лицо у него было смуглое, загорелое, плоское. Глаза, привыкшие к черным очкам, смотрели на мир узкими горизонтальными щелками. Единственный в группе, он был без головного убора. Он долго шевелил губами, обдумывая слова Николая Бабича, подсчитывая что-то в уме.

— Семь часов, — повторил он наконец. — Через перевал всегда долго. А почему ты свернул с дороги?..

Николай Бабич колебался, не зная, как правильнее ответить. Его выручил низенький плотный человек с круглым гладким лицом:

— Наверное, захотелось побродить по чистому снегу. Когда я жил в Мильдсе, мне постоянно этого хотелось. Ведь в городе настоящего снега нет, даже зимой. Там его месят ногами и лопатами, посыпают солью, и он превращается в слякоть. Верно я говорю?

— Верно, — подтвердил Николай Бабич, удивляясь, что его до сих пор не опознали по произношению.

— Ну ладно, — проговорил вожак, прикрыв глаза-щелки. — В городе сейчас делать нечего. Пойдем лучше с нами, приятель. Пойдешь?

Николай Бабич развел руками. Однако некому было правильно истолковать этот жест. Уговаривать его никто не стал.

— Тогда становись, — сказал вожак. Все опять выстроились в колонну. Николай Бабич находился где-то в ее конце, за темнолицым мужчиной, которого звали Старк. Они двинулись вверх по следам Николая Бабича. Бывший горожанин замыкал шествие. Они шли тесно один к другому, ступая след в след, и Николай Бабич слышал позади себя дыхание бывшего горожанина.

— Снег здесь глубокий, — говорил тот. — Когда пойдешь через перевал в следующий раз, бери немного южнее. И падень горные башмаки, чтобы ноги не отморозить.

— А куда мы сейчас направляемся?..

— За вражескими лазутчиками, куда же еще, — сказал бывший горожанин из-за его спины. — Они живут воп в тех скалах. Там у них база, такое гнездо вроде осиногое. Они живут там и готовят нашествие. Но сегодня мы им покажем.

— Если, конечно, найдем, — сказал темнолицый. Он покинул строй и шагнул сейчас рядом с Николаем Бабичем, самостоятельно пробивая дорогу в глубоком снегу. — Если там действительно кто-то есть. Если все это не дезинформация.

— О ком идет речь? — спросил Николай Бабич. Ему так хорошо было идти с этими добродушными людьми в одной цепочке, по белому снегу, что он уже окончательный забыл, на какой планете находится. А теперь они заговорили о каких-то вражеских лазутчиках.

— Ты откуда свалился, приятель? — спросил темнолицый

Старк. — Или ты не читаешь газет? Ведь штаб самообороны работает у вас в Мильдсе, а не в нашей глуши.

— Он просто попутал, — объяснил бывший горожанин. — Конечно, он знает все об этом утесе и о вражеских лазутчиках.

— Почему ты, Лотто, всегда во все вмешиваешься? — с раздражением сказал темнолицый Старк. — Я не понимаю таких шуток. Если он действительно все знает, то почему же он отрицает это?..

— Я болел, — сказал Николай Бабич неожиданно для себя самого. — Я очень долго болел и лежал в госпитале. Мне не давали читать газет, совсем ничего не давали. Я вышел оттуда только вчера.

— Вот как? — бывший горожанин Лотто легонько хлопнул Николая Бабича по плечу. — Выходит, ты не знаешь даже про таласское предсказание?

— Нет, ничего не знаю.

— Тогда слушай. Два года назад таласский оракул впервые в своей истории согласился отвечать на вопрос о будущем нашей планеты. Раньше на такие вопросы он заявлял, что ответ зависит только от нас. Все, мол, в ваших руках. Но два года назад он сделал следующее предсказание: «Если не помешаете, — это у него стандартное начало, — то через два года небо расколется и прольется металлическим градом. Станут градины яйцами, и выдупятся из них железные пауки. Пауки подрастут, размножатся, разбегутся по всей планете и сотрут все с ее лица. Потом на развалинах вашей цивилизации они что-то построят, но вас к тому времени не останется...» Вот такой прогноз. Как обычно, без комментариев.

— Все точно, слово в слово, — подтвердил темнолицый Старк. — И два года уже на исходе.

— Фантазия у вашего оракула могучая, — сказал Николай Бабич. — А какая доля его предсказаний исполняется?

— Сто процентов, — спокойно ответил темнолицый Старк. — Все предсказания, которые он делает. Если, конечно, никто ничего не предпринимает. Он неспроста начинает свои ответы с этой вот фразы: «Если не помешаете». Например, он предсказывает засуху и неурожай. Поля начинают усиленно поливать и урожай снимают рекордный. Он предсказывает землетрясение и большие жертвы. Все уходит из района землетрясения — и жертв нет. А вообще его предсказания всегда сбываются.

— Поэтому нашествие произойдет буквально на днях, — подхватил Лотто. — Это естественно — ведь срок, указанный в прорицании, приближается. И Огненных Птиц сейчас видят куда чаще, чем раньше.

— А кто они такие, эти Огненные Птицы?

— Вражеские лазутчики. Они летают над нами, высматривают наши слабые места. Но мы начеку, народ вооружен, мы готовы к нашествию.

— Никогда не видел ни одной Огненной Птицы, — сказал Старк. — Я, конечно, верю в предсказание таласского оракула и всюду хожу с ружьем, но Огненных Птиц не встречал.

— А я видел, — сказал Лотто. — Целых четыре раза.

— Треплешься. Ничего ты не видел.

— Видел, — настаивал Лотто. — Совсем недалеко отсюда. Над долиной.

— А какие они, эти Огненные Птицы? Действительно похожи на птиц?

— Нет, конечно. Говорят, это просто летящий огонь в небе. Говорят, похоже на падающую звезду.

— Только покрупнее и гораздо медленней, — подхватил Лотто. — Потом они садятся на скалы, превращаются в людей и начинают высматривать наши слабости. По радио передавали, что на космической станции вчера или позавчера арестовали еще одного вражеского лазутчика. Неясно, как он туда пробрался. Его уже давно выследили, а вчера наконец арестовали. И сразу же казнили. Даже допрашивать не стали, по моему.

— Какой смысл? — сказал Старк. — Ведь они оборотни. Из них все равно ничего не вытянешь, даже насосом. Это ужасные существа, человеческие чувства им недоступны. Ни страх, ни совесть. Даже боль на них не действует.

— А почему вы называете их оборотнями? — насторожился Николай Бабич.

— Оборотни и есть, — объяснил Старк. — Они же могут превратиться в кого угодно. Хочешь — в человека, а хочешь — в железного паука. Но мы им зададим, этим оборотням. Если поймает, конечно.

— Все-таки их жалко, — сказал Лотто. — Я понимаю, что они не люди и что у них нехорошие цели, но все-таки мне их жалко. Ничего не могу с собой поделать. Конечно, это чувство надо в себе убить, потому что уж они-то нас не жалеют. Это будет страшное нашествие, но мы постоянно за свою планету. На станции они появляются довольно часто. Они действительно в случае чего легко станут железными пауками, как сказано в прорицании. По радио передавали, что сегодня они даже пытались захватить космическую станцию.

Темнолицый Старк заинтересованно повернул голову.

— Что ты говоришь? Я этого не слышал. Когда это передавали?

— Перед самым нашим уходом. Они пытались захватить станцию, но неудачно. Им удалось скрыться, но ракета, на которой они прибыли, обезврежена, она находится под охраной. Сейчас их разыскивают. Деваться им особенно некуда. Скоро их изловят, а там и казнят...

Внезапно движение впереди замедлилось. Люди останавливались, окружая что-то кольцом. Все молчали. Николай Бабич протиснулся вперед. Остальные молча стояли, окружив глубокую яму, вырытую кем-то в снегу. Они стояли, сняв темные очки, в упор глядя на Николая Бабича. Расступались, давая ему дорогу. В их глазах появилось новое, строгое выражение, и руки легли на стволы свисавших с плеч ружей.

Николай Бабич понял, почему они остановились. Отсюда начинались его следы. Яму вырыл он сам, когда упал вниз, как самолет с поврежденными крыльями.

— Его душа отстала от тела, — медленно произнес фантом. Он был уже в обычной для себя форме Ассистента, неотличимый по виду от человека, похожий на отражение в зеркале. — Но ее инерция незначительна. Скоро догонит.

Сказал — и тут же покинул помещение.

Бабич лежал на кушетке, все еще без чувств. Иначе действительно было нельзя. Уходить следовало быстро, а его организм не привык к большим ускорениям и не вынес бы их в другом состоянии. Сейчас он медленно возвращался к жизни. На его бледном лице проступил слабый румянец, задержались мускулы век. Наконец он открыл глаза.

Видимо, он не сразу понял, где находится. Его взгляд был бессмысленным, как у новорожденного детеныша. Прошло какое-то время, прежде чем он заметил того, кто сидел рядом с его кушеткой.

— Доброе утро, — ласково сказал Александр Синяев. — Как спалось?

Бабич молча сел на кушетке, свесил ноги на пол.

— Как вам спалось? — повторил Александр Синяев.

Бабич долго молчал, что-то припоминая.

— Так это был сон? — спросил он наконец.

— Возможно. Но я не знаю, что вам снилось.

— Разговоры о нашествии, — сказал Бабич, опять помолчав. — База вражеских лазутчиков на утесе. Предсказание таласского оракула. Сугробы, обвалы, люди с обрезками на плечах. И — темнота.

— Нет, это не сон. Видимо, так оно и происходило.

— Значит, это правда? — Бабич попытался подняться с кушетки, но координация ему изменила, и он опять сел. — Планете действительно угрожает нашествие?..

— Безусловно.

— И вы... — сказал Бабич. Глаза их встретились. — Вы и ваш Круг... Вы действительно подготавливаете эту акцию?..

Александр Синяев рассмеялся; это прозвучало искусственно.

— Конечно, нет. Но так многие думают. При чем здесь Круг?..

Бабич снова попытался подняться, на сей раз успешно. Александр Синяев сидел в кресле рядом с кушеткой, а Бабич встал над ним во весь рост, и его глаза были как серый лед. Это что-то напоминало.

Почему-то вспомнился другой человек, бывший отцом Александра Синяева, и женщина, которая учила его языку и рассказывала о родине.

— Вы лжете, — очень спокойно сказал Бабич.

— Зачем же мне лгать? — возразил Александр Синяев. — Впрочем, судите сами. Разве я похож на космического агрессора?..

— Сейчас нет, — спокойно сказал Бабич. — А ваши друзья похожи. И я не очень хорошо знаю, на что вы будете походить в следующее мгновение.

— Мои друзья? — Александр Синяев опять рассмеялся, теперь уже от души. Он поднялся из кресла и хлопнул Бабича по плечу.

— Вам, Николай, лучше бы никогда не покидать штурманской рубки. Лишние впечатления вам вредны. Пойдемте.

Они вышли в коридор и свернули в демонстрационную. Здесь было бы просторно, если бы все помещение не занимала объемная карта Галактики. Впрочем, это было только изображение, оно ничему не мешало. Они прошли сквозь карту к противоположной стене. Александр Синяев взял с подставки световую указку. Ее тонкий луч пронизывал Млечный Путь, как простое облако дыма.

— Смотрите. — Александр Синяев указал на короткую цепочку зеленых огней в средних широтах Галактики, где уже отчетливо просматривалось чередование пустот и звездных скоплений. — Эти звезды. Чем, по-вашему, они замечательны?..

— Они лежат на одной прямой линии. Но я не понимаю...

— А что вы скажете об этой звезде?

Луч указки уперся в слабый красный огонек.

— Она — на той же прямой, — сказал Бабич. — Но...

— Красной точкой отмечено местоположение Лагора, — объяснил Александр Синяев.

Теперь Бабич смотрел на карту другим, профессиональным взглядом. Он был опытным штурманом, и пространственное изображение было у него неплохо поставлено.

— Лагор? — повторил он. — Похоже. А что означают зеленые огни?

— Это маршрут Корабля Роботов, — объяснил Александр Синяев.

Реакция Бабича была неожиданной.

— Корабль Роботов? Я слышал об этом. Роботы, которые завоевывают вселенную. Но я думал, это легенда. Я даже не знаю ее происхождения.

— Происхождение? — сказал Александр Синяев. — Можно себе представить. Видимо, один из земных звездолетов наткнулся на систему, где они уже побывали. При виде планет-двойняшек такая легенда возникает совершенно произвольно.

— Значит, это все-таки правда, — задумчиво проговорил Бабич. — И они в самом деле завоевывают вселенную. Я считал, что это обычная выдумка. А при чем здесь вы и ваш Круг?..

— Роботы ничего не завоевывают. Они работают по программе. Но программа устарела на много эпох. Ее авторы были, возможно, гораздо умнее нас. Тем не менее она устарела.

— И они действительно ни на что не обращают внимания?..

— Да. — Александр Синяев выключил световую указку. — Если хотите, я вам все расскажу. Пойдемте.

Они прошли сквозь карту Галактики, вышли в коридор и вернулись в первую комнату. Бабич устроился в кресле; Александр Синяев сел на кушетку и начал рассказ.

— Это случилось очень давно. Видимо, когда-то цивилизация Маб направила к звездам отряд роботов для реконструкции планет. В роботов вложили программу — преобразовать

пустынные миры, делать их пригодными для заселения. Но когда роботы получили задание, взрыв скопления сверхновых в созвездии Ориона еще не произошел, и жизнь на периферии Млечного Пути еще не вступила в третью стадию. Видимо, поэтому программу можно было толковать по-другому — роботы должны переделывать все планеты, которые встретятся.

Бабич внимательно слушал.. Александр Синяев продолжал:

— Есть вещи, которые не стареют, но догмы, созданные разумными существами, к ним не относятся. Всему свое время. Распоряжения, сделанные в прошлом, постепенно устаревают. Когда-то программа была естественной — в Галактике не было разумной жизни. Теперь положение изменилось, и старая программа стала бессмысленной и опасной.

— Так неужели весь миллиард лет...

— Нет. Действительно, роботы вышли в путь миллиард лет назад, но никто не знает, где они пропадали. Вероятно, попали в «черную дыру» или в какую-нибудь другую область сжатого времени. Как бы то ни было, миллиард лет они бездействовали. Но недавно экспедиция одного из миров Круга...

— Все-таки Круга?..

— Да, Круга, — повторил Александр Синяев. — Что вы ко мне пристали? Почему вы так говорите? Кто дал вам право так говорить? Почему я до сих пор не сказал о Земле ни одного плохого слова?..

— Так то Земля, — сказал Бабич. — Но извините меня, и не хотел вас обидеть. Продолжайте.

— Недавно одна экспедиция побывала в системе, которую считали безжизненной. Представьте всеобщее удивление, когда выяснилось, что все пятнадцать планет были окутаны кислородными атмосферами, покрыты одинаковыми морями и лесами.

— И даже форма континентов была одинаковой?

— Почти, — сказал Александр Синяев. — Конечно, небольшие отличия есть, они неизбежны. Результаты осмотра соседних систем оказались также неутешительными. Всего обнаружили около полусотни планет, похожих как капли воды. На некоторых из них раньше была жизнь.

— Разумная? — быстро спросил Бабич.

— К счастью, нет, — сказал Александр Синяев. — По роботам это было бы безразлично. Они по-другому запрограммированы. Они снимают с планеты поверхностный слой и все создают заново. Жизнь на этих планетах не успела дорасти до высшей стадии. И теперь уже никогда не дорастет.

— Роботы, — медленно повторил Бабич. — А почему мне говорили о пауках?

— Даже человек строит роботов по своему образу и подобию, — объяснил Александр Синяев.

Минуту Бабич размышлял.

— Это зеленые звезды, которые вы показывали?

— Да. Оказалось, они лежат на одной прямой. Она как копье, нацеленное в Лагор. Это стало известно несколько лет

пазад, я уже работал здесь. Но Корабль Роботов так и не появился.

— Почему?

— Неизвестно. Конечно, кое-какие предположения возникли. Ведь Лагор лежит на этой прямой, но в другом рукаве Галактики. Корабль Роботов не появился — следовательно, он и не должен был переходить в нашу ветвь. Так кто-то решил, в результате я остался на Дилавэре.

— И это все?

— Да. Потом было таласское предсказание.

Бабич прикрыл глаза. Александру Синяеву показалось, что у него возникла какая-то мысль. Но Бабич ее не высказал.

— Почему же вы считаете, что нашествие неминуемо? Только из-за прогноза оракула?

— Да, — сказал Александр Синяев. — Эта машина — наследство цивилизации Маб. Она работает очень хорошо, хотя никто не знает, как она действует. Каким-то образом воспринимает информацию из будущего. Как некоторые люди. Как вы во время своей вахты.

— Почему вы убеждены в ее происхождении? — помолчав, спросил Бабич. — Разве вы видели ее вблизи?

— Я ее ремонтировал, — объяснил Александр Синяев. — Храм Неба в Талассе — самая большая из известных баз Маб в этой части Галактики. Конечно, реставрировано не все. Не все еще в моих силах. А когда я узнал о назначении одного сооружения, мне раскотелось его чинить.

— Что же это было?

— Дуэльный зал, — сказал Александр Синяев. — Там дрались гладиаторы. Вооруженные всеми научными достижениями. Он мне часто мерещится по ночам.

Бабич ничего не сказал. Александр Синяев продолжал:

— У них был культ развлечений. Развлекаться они любили, и делали это своеобразно. Например, такая жестокая забава. Два космолета шли друг на друга лоб в лоб. Экипаж, который первый не выдерживал и отворачивал, проигрывал, его ждал всеобщий позор. В любом случае выигрывал второй. На пультах их кораблей были даже специальные приспособления для таких... игр.

— Что значит «в любом случае»?

— Второй мог и не отворачивать, — объяснил Александр Синяев. — Тогда дуэль все равно завершалась тараном. И не смотрите так. Это не я придумал. И, кстати, не Круг. У них была недоступная нам мораль, но наука инвариантна. Станцию, на борту которой мы находимся, построили тоже они. Если не считать «Гномов», собственных космолетов у Дилавэра пока нет. Почти вся техника, которую имеют аборигены, осталась от Маб. Они даже не знают, как устроены многие механизмы, которые у них есть.

— Но умеют ими пользоваться?

— Да.

— Разве это возможно?

— Да, их научили.

— Кто же это сделал?

Александр Синяев не стал отвечать. Впрочем, все было ясно

без слов. Люди долго молчали. Бабич размышлял об услышанном, Александр Синяев ждал дальнейших вопросов. Торопиться им было совсем некуда.

— И вы считаете, что роботы могут разрушить постройки, возведенные их хозяевами?..

— Что здесь удивительного? — сказал Александр Синяев. — На то они и роботы. Но главное не в постройках. Есть еще население, и мне становится скверно, когда я о нем думаю. Это добрые отважные люди — я привык считать их людьми, — они будут сражаться, но воевать они не умеют. И вряд ли удастся помочь им. Я один, и я плохо знаю противника. И у меня нет ничего — только мозг и голые руки...

— А ваш Круг?

— Круг ни при чем. К сожалению, Круг против обороны Дилавра.

— Почему?

— Считает ее бессмысленной.

— И как вы поступите?

— Не знаю.

— Хорошие ребята сидят в вашем Круге, — сказал Бабич. — Целая планета под угрозой гибели, а они — в кусты...

В комнату тихо вошел фантом, все еще в форме Ассистента. Он молчал, прислушиваясь к разговору. Но Сеанс был не скоро, и все, что сейчас говорилось, для Круга было закрыто. Бабич не знал этого и в смущении замолчал.

— Круг здесь ни при чем, — повторил Александр Синяев. В его голове опять чередой промелькнули образы. Высокий седой человек — отец. Красивая молодая женщина — мать. И картины, навеянные их рассказами. — Это мое дело, и я буду делать его один.

— Один? Почему? И неужели бы вам помешала помощь? Ведь у других разумных существ, вероятно, есть самые чудесные качества.

— Вполне возможно. Но и у человека их не так мало.

Бабич не стал требовать уточнений, и Александр Синяев повернулся к Ассистенту. Раз он пришел — значит, у него было что сообщить.

— Какие новости? Где Квилла?

— Они с Дзангом еще внизу. Готовят имущество к эвакуации и возводят перекрытие против бомбежек.

— Правильно, — сказал человек. — Что еще?

Фантом молчал. На лице у него что-то задергалось.

— Что у тебя еще? — повторил человек. — Говори. Я же вижу, что-то срочное.

— На станции тревога, командир, — сказал фантом. — Они обнаружили звездолет.

Через секунду все трое уже бежали к обсерватории. За стеной коридора царил паника, и человеку казалось, что он слышит топот сапог в тоннелях на верхних ярусах.

— Сейчас мы его увидим, — сказал Николай Бабич.

Это наверняка был Корабль Роботов. Два года кончались. Из-за возни с Хребтом Исполинов человек совершенно не был

готов к приему гостей. И роботы оставались внизу. И очень плохо, что аборигены заметили звездолет первыми. Они многого не понимали и могли наделать глупостей.

Они остановились у люка обсерватории.

— А вдруг это корабль, на котором мы прилетели? — сказал Николай Бабич.

Это было невероятно, и Александр Синяев не стал отвечать. Друг за другом они вошли внутрь отсека. Здесь было темно. Люди опустились в мягкие кресла, фантом остался стоять. Стены стали прозрачными, открыли облачный щит Дилавэра.

— Я ничего не вижу, — сказал Николай Бабич.

Александр Синяев тоже пока не видел того, что хотел. Он слишком долго пробыл под атмосферой. Бабичу не хватало тренировки. Зрение фантома вообще нигуда не годилось.

Александр Синяев включил локаторы поиска.

— Они напоминали пауков, — неожиданно сказал Николай Бабич. — Откуда же здесь такие кресла? Разве они могли знать, кто будет сидеть в них через миллиард лет?..

— Я притащил мебель из верхних ярусов, — объяснил Александр Синяев.

Локаторы зазвенели. На стенах ничто не изменилось. Конечно, локаторы не видели звезд и Лагора, но память поста держала в себе их расположение. В пустоте среди звезд загорелась новая яркая точка. Все увидели ее одновременно.

— Наконец-то, — сказал Николай Бабич.

Александр Синяев привычным движением включил трансфокатор. Яркая точка росла, выхваченная из звездного фона. У нее появились размеры и форма.

— Мне кажется, я где-то уже видел этот корабль, — сказал Николай Бабич.

Александр Синяев молчал. Яркая точка росла, превращаясь в звездолет дальнего следования.

— Это «Земляника», — сказал Николай Бабич.

Аудитория была безлюдна. Они только что вошли сюда через потайной люк, но предосторожности оказались излишними. Занятия давно кончились, и здесь никого не было. Станция была охвачена боевой тревогой. Они вышли в лабиринт коридоров.

— Нужно торопиться, — сказал Александр Синяев. — Иначе вашим коллегам придется несладко.

За поворотом загромыhalo. Они укрылись в боковом переходе. Мимо пронеслась группа солдат и офицеров с атомными карабинами наперевес. Некоторых человек помнил в лицо.

— Куда они все бегут? — спросил Николай Бабич.

— К абордажным ракетам, — объяснил Александр Синяев. Он уже слышал, что творится на посадочных палубах. — Через двадцать минут первые ракеты подойдут к «Землянике».

Он замолчал. Они снова быстро шагали по металлическому полу.

— И что дальше?

— Для «Земляники» это будет конец, — объяснил Александр Синяев. — Эти ракеты служили народу Маб для аварийно-спасательных работ. Они предназначены для случаев, когда

некогда открывать люк или когда его вообще невозможно открыть. Такая ракета присасывается к звездолету — у нее есть специальная присоска, — проламывает борт и выпускает экипаж внутрь. Если бы они атаковали так настоящий Корабль Роботов, то их шансы были бы невелики. Корабль их так просто не подпустил бы. Но я не думаю, что ваш командир способен ударить из лазеров по приближающимся ракетам.

— Да, Монин до этого не додумается. Тогда что же делать?..

Они уже приблизились к посадочным палубам, и не надо было напрягать слух, чтобы слышать, что там творится. Группы вооруженных солдат и офицеров обгоняли людей все чаще, и время от времени приходилось прятаться в боковых галереях.

— Самое верное было бы радировать на корабль, — сказал Александр Синяев. — Но...

— Вы правы, этот вариант не для Монина. Монин мужик обстоятельный, начнет выяснять, в чем дело. А времени на объяснения нет.

— В принципе можно было бы проникнуть в одну из ракет, — сказал Александр Синяев. — Но это тоже бесполезно. Даже если нам повезет и мы окажемся на ракете, которая первой возьмет «Землянику» на бордаж. Нам не выстоять против толпы.

— Что же нам остается? Ждать, когда они погибнут?..

— Нам остается наш аппарат, — сказал Александр Синяев. — Тот, на котором мы прибыли.

Они вышли в овальную дверь.

— Надеется, они сняли охрану?

Александр Синяев кивнул.

— Вполне возможно.

Они опять находились в эллинге, в тени входного тамбура. Десантный диск, на котором они прилетели, серебряным блюдцем лежал в центре помещения. Охраны действительно почти не было. Два вооруженных стражника играли в карты на полу рядом с диском. Больше никого не было видно.

— Нет, охрана на месте, — сказал Николай Бабич, переходя на шепот. — Как же туда пробраться?..

Александр Синяев посмотрел на Ассистента. В его лице что-то задрожало, сместилось и вернулось на прежнее место.

— Необходим отвлекающий маневр, — сказал Александр Синяев. — Как в прошлом году. Ты меня понял?..

В лице фантома опять что-то задергалось.

— Да, командир, — сказал он.

Два стражника сидели, скрестив ноги, на полу рядом с десантным диском. Из-за диска слышался громкий шорох. Первый насторожился.

— Пойди посмотри, что там такое, — сказал он товарищу. — Впрочем, пойдем вместе.

Они встали. Первый с наслаждением потянулся. Его спина затекла от долгого сидения на полу. Он посмотрел на пару тяжелых атомных карабинов, прислоненных к серебристому борту диска.

— Наверное, крысы или другая мелкая живность, — сказал он, вслушиваясь в непрекращающийся шорох. — Пойдем взглянем.

Они медленным шагом направились в обход диска.

— Интересно, взорвали уже этот вражеский звездолет? — сказал второй.

— Не завидую тем, кто на нем прилетел, — сказал первый. — Все равно, пауки они или люди. Ведь этот инструктор Ксандр, которого недавно казнили, прекрасно натренировал абордажные экипажи. Он хорошо разбирался в этих делах, куда лучше любого офицера. Те разбираются только в выпивке. Жаль, что он оказался вражеским лазутчиком.

— Что это там такое?.. — спросил второй.

Они застыли на месте, вслушиваясь в шорох, несущийся к ним из-под отдаленной стены эллинга. Там лежал сумрак, слившийся чуть заметными разноцветными линиями.

— Или мне это мерещится?..

— Тише, — перебил его первый.

Разноцветные линии расплывались, поглощая мрак, становясь извивающимися полосами. Живая струящаяся картина была погружена в медленно разгоравшееся у стены эллинга зеленоватое свечение.

— Это Хозяйка, — взволнованно прошептал второй.

— Тише, — повторил первый.

Поперек горизонтальных змеящихся линий возникли вертикальные полосы. Они кружились на месте, вытесняя одна другую, складываясь в мгновенные исчезающие образы. Потом пляска полос прекратилась, остались лишь призрачное свечение и грациозный девичий силуэт на фоне дальней стены.

— Это Хозяйка станции, — взволнованно повторил второй, боясь спугнуть видение. — Мне рассказывал о ней Рутс. Правда, тогда я ему не поверил...

Они стояли затрав дыхание и смотрели на прекрасную длинноволосую девушку, начинавшую плавный тапек в плотном зеленом воздухе.

— Говорят, это к счастью, — прошептал второй. — Только молчи. Если узнает начальство, у тебя отберут жетон.

Они стояли как зачарованные, глядя на прекрасный тапек Хозяйки станции, не веря своей удаче, когда внезапный тонот взорвал тишину позади них. Они обернулись — никого. Они еще раз обернулись. Свечение гасло, видение медленно таяло.

И тогда они испугались.

Глава 7. ЭКЗАМЕН

Александр Спичев видел, как фантом бесформенной тенью скользнул к выходу. Свое дело он сделал, и за него можно было не беспокоиться. А люди, уже неуязвимые, лежали внутри диска, разделенные прозрачным стеклом.

— Тревога! — заорал один из стражников. — Оборотни на станции!..

Створки люка перед диском бесшумно распахнулись и вновь сдвинулись за его кормой. Станция таяла позади, теряясь в сверкающих облаках. Стенки диска были прозрачны, сквозь них люди видели небо.

— Мы стартовали раньше всех, — сказал Александр Синяев. — И у нас преимущество в скорости.

Он замолчал, выискивая силуэт «Земляники». Но Бабич первый заметил впереди удлиненную точку.

— По-моему, это она.

Оставалось подправить курс. Борт корабля надвигался, как стена поперек неба. Они замедлили ход, влетели в причальный тоннель и вышли внутри ангара.

— Интересно, кто сейчас вахтенный? — начал Бабич, но Александр Синяев оборвал его:

— Разговаривать некогда. Они появятся с минуты на минуту. Бегите в рубку и уведите «Землянику» отсюда. Куда угодно, лишь бы подальше от Лагора.

— А вы?..

— Еще одно. Исправьте мою ошибку. Уничтожьте звездные карты. Сделайте так, чтобы сюда невозможно было вернуться. Вы сами видите, здесь опасно. И... в чем-то вы были правы. Не надо, чтобы Круг знал о Земле. Все, прощайте.

Бабич стоял рядом с диском растерянный, не понимая происходящего.

— А как же вы?..

— Я остаюсь. Прощайте.

Александр Синяев лег на свое место.

— Стойте! — крикнул Бабич. — Я не успел вам сказать. Когда мы смотрели карту... Возможно, я ошибаюсь. Но черный оазис лежит между Лагором и зелеными звездами. Проверьте это. Вы меня поняли?..

Александр Синяев наклонил голову в знак благодарности. Люк захлопнулся. В следующее мгновение «Земляника» затерялась среди неподвижных звезд.

Человек остановился на полдороге, балансируя в слабой гравитации Дилавэра. Он ждал, настроив органы чувств. Но несколько минут ничто вокруг него не менялось.

Потом от цилиндра станции над облаками планеты отделились блестящие точки. Как новорожденные мальки, они плотной стайкой неслись к человеку, увеличивались, вырастали в акул. Они надвигались, но он мысленным зрением видел сбоку их продолговатые силуэты.

Позади было пока тихо. Николай Бабич не успел еще добраться до рубки. Будет очень досадно, если там кто-нибудь окажется.

Человек приготовился к обороне.

Абордажные ракеты приближались. При желании человек мог уничтожить их, но время у него пока было. К тому же те, кто находился в ракетах, не нападали. Они защищались. Не их вина, что они искали врагов среди друзей. По-другому они не умели.

Они приближались, уже заметив диск, замедляя движение. Видимо, они поняли, что звездолет охраняется, но не стали искать обход. Они были отчаянными ребятами и сейчас шли в атаку, хотя их никто никогда не учил, как бороться с такими машинами, как десантное блюдо Маб. Но они атаковали его так, как человек учил их атаковать Корабль Роботов.

Теперь из центра мшшени он наблюдал, насколько хорошо они усвоили его уроки.

Ракеты, выстроившись вогнутой полусферой, окружали десантный диск, отрезая пути к отступлению. Человек насчитал около двадцати абордажных судов. Медлить было нельзя. Он сделал мысленное усилие и вытолкнул из контейнеров заряд металлической пыли. Под действием магнитных полей она заклубилась, копируя очертания диска. Одновременно человек сделал свой аппарат невидимым, сместился на десять километров в сторону и продолжал наблюдение.

Какое-то мгновение картина оставалась неподвижной — хищные тени абордажных ракет, нацеленные на серебряную тарелку. Но внезапно они, как пиявки, одновременно устремились к центру. Носы абордажных ракет раскрывались глубокими воронками. Казалось, пустоту вот-вот огласит их жадное чавканье.

Они прошли сквозь облако пыли, почти не замедлив скорости. Две или три столкнулись. Человек удивился, что всего две или три. Конечно, ничего страшного с ними не произошло, они лишь на секунду потеряли управление и целую секунду барахтались в пустоте рядом с металлическим призраком, но уже через секунду отступили для новой атаки.

Они вновь замерли, рассыпавшись полусферой. Вероятно, командиры судов совещались, как им теперь действовать. Это продолжалось недолго, потом ракеты сбились в плотную группу и двинулись к «Землянике», набирая скорость, обходя диск стороной. Человеку стало приятно, что они так быстро приняли правильное решение.

Но медлить было нельзя. Диск вновь стал видимым, серебристым. Человек легко обошел стаю ракет и остановился у них на пути, ожидая, что они будут делать.

Он смотрел на приближающиеся суденышки — они были как звездочки на фоне густой черноты, но внезапно по всему небосводу замерцали новые светлые вспышки, у него зарябило в глазах, и, почти теряя сознание, он развернул диск. «Земляника» стартовала. Пустота вокруг нее бурлила, как кипящая жидкость. Самого звездолета уже не было видно — лишь белое пузырящееся пятно, похожее на буран вокруг погружающейся субмарины. Но это длилось недолго.

Строй атакующих нарушился. Без специальной экранировки свертывание пространства действует на нетренированный организм, как удар по голове тяжелым предметом. Но это не смертельно — потом все возвращается к норме.

Время уходило. Набирая скорость, диск двинулся по широкой дуге, направляясь к точке пространства, где был скрыт звездолет цивилизации Маб.

Выход из защитного поля напоминает рассвет. Корабль медленно выступает из мрака и секунду остается зыбким, переальным, полупрозрачным, чтобы уже в следующий миг стать самим собой — сплошной гигантской глыбой, вылитой из металла.

И он появился над облачными торосами — древний звездолет, созданный гением давно исчезнувшего народа. Диск, как спутник, наизывал витки на его шлифованную обшивку. Значит, вот где задержался Корабль Роботов. Черный оазис действительно лежал на его маршруте, и человек, конечно, должен был понять это сам, еще на борту «Земляники». Но там, в оазисе, он в первый момент решил, что закрывающая звезды машина и есть Корабль Роботов. Это его отвлекло, поэтому он ничего и не понял...

Диск, как беззвучный призрак, скользил над дневной стороной громадной сферы, отражаясь в ее полированном зеркале. Однообразие усыпляло, но человеку было нехорошо. Его одолевало предчувствия. Два года кончались, и он устал ждать. Роботы Маб были его врагами, но он не испытывал к ним ненависти. В чем-то они были даже похожи. Они делали свое дело, он делал свое. Вернее, готовился к этому. Он ненавидел роботов не больше, чем тех, кто из-за таласского предсказания готов был потушить все звезды на небе. И те и другие не были виновны ни в чем...

Но кто же тогда виноват? Цивилизация Маб? Ее инженеры, вложившие в роботов неправильную программу? Но разве можно отвечать за что-то через миллиард лет после гибели последних представителей своего вида?..

Однообразие усыпляло — человек уже много часов подряд не смыкал глаз, и когда внизу что-то мелькнуло, не успел сразу затормозить. Ему пришлось возвращаться по оборванной траектории.

Под ним в центре зеркальной равнины возвышался катер с «Земляники», похожий на памятник. Памятник чему?.. Диск нырнул вниз. Приземление оказалось точным, они провалились сразу на стартовую палубу. Корабль выпустил диск, потому что это была его собственность, он его узнал. Оказавшись в освещенной рубке, Александр Синяев подумал, что торопиться не обязательно — звездолет не даст атакующим приблизиться, даже если наблюдатели станции успеют его заметить. Но и тянуть ни к чему.

Человек не удивился, опять увидев «Землянику». Она висела в прежней точке оазиса, где они с Бабицем ее оставили сутки назад, будто никуда и не отлучалась. Правда, и его звездолет вернулся туда, где был обнаружен. Все повторялось, возвращалось на круги своя.

Кроме «Земляники», в небе ничего не было. Но ученые звездолета уже работали на планетах. Они знали сейчас больше, чем Александр Синяев.

Вскоре диск опять лежал в ангаре «Земляники», бок о бок с «Гномом», на котором человека казнили. Торопясь, он выскочил в коридор. У входа в ангар стоял его коллега Василий с приятелем. Они беседовали о чем-то значительном. Узнав Александра Синяева, они одновременно разошлись.

Александр Синяев вежливо поздоровался.

— Это опять вы? — сказал Василий, заглядывая ему в глаза. — Мы думали, вы погибли. Ведь корабль, на который вы высаживались, куда-то исчез.

— Наоборот, — возразил человек — Это вы куда-то пропали.

Уходя от ангара, он услышал, как Василий сказал приятно:

— Это Синяев, о котором я говорил. Он лучший пилот из всех, кого я знаю. Он ответил на все вопросы.

Александр Синяев не спорил. Он уже бежал по магнитной дорожке, как бегун-марафонец. Зрителей не было. Звездолет казался необитаемым. Александр Синяев оставил позади ряд пустых пассажирских кают, миновал плотно закрытую дверь кают-компания.

В рубке был один Бабич.

— Они уже были здесь, — сказал он. — Они сделали свое дело.

Мозг Александра Синяева оставался ясным.

— На всех планетах?

— Да. Планетологи еще там. Сначала никто не поверил. Но они передали снимки.

— А роботы? Их кто-нибудь видел?

— Действующих — нет. Нашли одного, попавшего под обвал.

Цейтнот. Александр Синяев окинул взглядом прозрачные стены рубки. Нет, отсюда ничего не увидишь. И ничего не сделаешь.

Он повернулся к выходу.

— Вы куда? Я с вами.

Александр Синяев не стал отговаривать Бабича.

Они бежали по коридору, мимо приоткрытой двери кают-компания. Тетка Синяева Монин и поэт Константин Космопроходческий разговаривали за пустым обеденным столом.

— В природе существует все, — говорил Монин, вытирая пот курчавым париком... — Но чтобы планеты были так похожи, вплоть до формы материков...

— Это рифмованные планеты, — объяснил авангардист. — Творец создавал их, словно поэму.

Их лица отгородила стена коридора.

У входа в ангар вместо пилотов-десантников стояли рыжий медроботник Дорошенко и один из подчиненных Анатолия Толейко.

— К счастью, я взял свои камеры, — говорил планетолог. — Они очень тяжелые. У меня все болит, но снимки получились отличные. Вероятно, это автомат с корабля, на котором погибли Бабич и этот новый. Кстати, вы слышали, что корабль возвратился? Вдруг их удастся спасти?..

— Не думаю, — возразил Дорошенко. — Кислород в их костюмах кончился несколько часов назад. Сколько же они могут не дышать?..

Они загоразивали проход.

— Позвольте, — сказал Николай Бабич. Не успев удивиться, они посторонились. Бабич и Александр Синяев снова вышли в ангар.

После светлых помещений «Земляники» десантная палуба звездолета Маб казалась мрачной. Но Бабич, по-видимому, этого не замечал. Он был настроен оптимистично.

— Конечно, меня тоже удивило появление «Земляники» возле Лагора, — говорил он. — Но потом я понял, что Монин решил все-таки поискать ваших товарищей. Оказалось, я почти угадал. Монина подбил на это Толейко.

— Каких товарищей?

— Ваших, — объяснил Бабич. — Тех, кто потерпел аварию вместе с вами.

— Какую аварию?

— Ну когда у вас полетел инвертор, — сказал Бабич не моргнув глазом. — Уже забыли?..

— Скажите лучше, как вам удалось так быстро уйти от Лагора?

— Монин стартовал сам, — сказал Бабич. — Он прослушал эфир, но ничего не обнаружил. Он торопился назад — ведь он ушел без предупреждения. Если бы он задержался, планетологи сошли бы с ума.

— Они еще на планетах?

— Да, возвратилась всего одна группа. Те, которые нашли поврежденного робота.

Александр Синяев уже ни в чем не сомневался. Он знал, что они опоздали. Роботы уже закончили перестройку оазиса и унеслись к Лагору. Возможно, как раз сейчас абордажные экипажи идут в последнюю отчаянную атаку, а Дзанг вызывает подкрепления. Но просить у Круга?.. Александр Синяев знал, что они не успеют.

А они уже стояли на полу перед пультом, пол загораживал половину неба, и только купол над головами оставался полупрозрачным. Их окружал небосвод, усеянный алмазной пылью. Планеты-близнецы шли по орбитам, замыкая витки вокруг угасшего солнца. Черный силуэт «Земляники» казался продолговатой ямой, вырытой кем-то в небе.

— Пусто — сказал Бабич.

Александр Синяев тоже ничего не видел. Но это не значило, что его нет поблизости. Корабль Роботов легко мог затеряться в необъятном небе, к тому же он наверняка был в защитном поле. Оставался единственный шанс.

— Вы убеждены, что Корабль Роботов — единственное наследство цивилизации Маб? — спросил вдруг Бабич. — А если ваш Круг тоже запущен оттуда?..

Александр Синяев не ответил. Он коснулся узкой сиреневой полосы под шаром датчика навигационных задач. Из пульта, как лунный луч, выдвинулся хрустальный стержень и задрожал.

«Если только они не ушли, — думал Александр Синяев, глядя на его затухающие колебания. — Если не успели подготовиться к старту. Пусть они еще здесь, в черном оазисе...»

Он был готов отдать все, чтобы это оказалось так. Но у него не было почти ничего — только две человеческие жизни.

Он взялся за лунный луч.

Это устройство предназначалось его создателями для связи со своими кораблями во время аварии или при других экстренных обстоятельствах. Любой звездолет Маб в радиусе до светового года обязан был немедленно откликнуться, услышав этот сигнал.

Александр Синяев взялся за лунный луч и осторожным движением потянул его на себя. Прошла минута, прежде чем он отозвался — коротким судорожным толчком — и снова замер в ладони Александра Синяева. Человек посмотрел вверх.

Они с Бабичем увидели его одновременно. Они находились в звездной пустыне, вдалеке от спиральных ветвей Галактики, поблизости не было ярких звезд — только угасшее солнце со своими планетами, и лишь мелкая светящаяся пыль лежала на стенах рубки. Часть неба заслонял продолговатый силуэт «Земляники», и совсем рядом с ней свет умер, утонув в круглом провале, похожем на глаз скелета.

Корабль Роботов откликнулся на сигнал. Выйдя из защитного поля, он мертвым пятном лежал на теплом звездном сиянии.

Корабль Роботов ждал. Чудовищный пережиток прошлого, рожденный на рассвете вселенной, он привык к одиночеству. Чередовались геологические периоды, облака сгущались в планеты, гасли и возникали солнца — и все это время он был один, выполняя миссию, для которой был создан. Он был одинок, и некому было подтвердить реальность его существования. Сейчас, вероятно, впервые за свою жизнь — он очнулся, услышав призыв подобного себе исполина, и ждал, что за этим последует. Нужно было спешить, пока ему не надоело ожидание.

Он был неуязвим. Защищенный непобедимой броней, он прожил во враждебном окружении миллиард лет, и слепые силы стихий не могли повредить ему. Оружие, придуманное людьми, также было бессильно. Его могло сокрушить лишь лобовое столкновение с большим астероидом — с телом, равным ему по размерам и массе. И то бы он увернулся.

Нужно было спешить, но человек колебался, стоя на полу перед пультом управления. «Включение техники прошлого лишь укрепляет Круг...» Пока что человек не знал всех функций пульта, но когда-нибудь он мог разобраться в этом. Вероятно, отсюда можно командовать роботами, и тогда с их помощью удастся сделать много хороших дел.

— Не смотрите на меня так, — сказал Бабич. — Ведь я ничего не умею. Придумайте что-нибудь.

И еще «Земляника». Звездолет Монины находился рядом, слишком близко к середине отрезка, соединяющего корабли Маб. Даже если вахтенные успели заметить появление нового гиганта, они не могли догадаться, какой опасностью это грозит. Во всей бесконечной вселенной этого не знал пока никто.

Никто, кроме одного человека.

Александр Синяев вновь прикоснулся к сиреневой полосе привода экстренной связи, и перед ним задрожал новый

хрустальный стержень — абсолютная копия первого. Теперь все было готово.

Корабль Роботов ждал. Безмолвный и недвижимый, он висел посреди черной бездны, опутанный звездной паутиной, — двойник человека, его дополнение, его враг из другого времени. Ареной им было небо, человек первый вызвал противника за канаты, и промахиваться было нельзя.

Человек изогнул стержни и сомкнул их сверкающие концы. Теперь звездолеты Маб были связаны неразрывным кольцом, слиты в единое целое.

Круг замкнут.

Нет — круг разорван...

Корабль Роботов дрогнул и начал увеличиваться. Его черная тень расширялась, съедая небо. Заглянувший в зеркало монстр, переживший свою эпоху, он приближался, словно подтягиваясь на невидимом тросе.

Завороженный, человек следил, как он надвигается, уже заслоняя полнеба. Минута, и две гигатонные глыбы сойдутся в томительной вспышке — древние рыцари, закованные в доспехи, два мира, две искусственные планеты, гиганты, вскормленные одной чудовищной матерью. Пустоту сотрясет взрыв, и еще долго после тарана будет буйствовать воздух отскоков, выталкивая во мрак обломки самых совершенных вещей, которые видела вселенная.

Бабич куда-то его тащил. Десантные диски стояли, готовые к старту. Бабич втолкнул его внутрь, и бросился рядом, на свое место. Миг — и они вынеслись в темноту. Но это было не главное.

Это было теперь безразлично. На весах лежал Дилавэр, и приговор был подписан. Все равно, где находиться при взрыве — рядом с бомбой или внутри. Ничто не уйдет от осколков, и даже «Землянику» не спасет ее совершенная метеоритная защита. Из трех звездолетов, встретившихся в черном оазисе, не выживет ни один, и поэтому обречены даже ученые, ждущие на планетах.

Но это было не главное.

Разделенные прозрачным стеклом, в оцепенении они смотрели, как два бронированных гладиатора сходятся в центре арены. Их черные силуэты загораживали вселенную. Но когда они сблизились почти вплотную, один из них дрогнул, затрепетал, и сквозь него проступили звезды.

Корабль Роботов стартовал к Дилавэру.

Поздно — круг замкнут; узлы нерасторжимы. Прошло мгновение, и второй звездолет последовал за собратом, растаяв в звездном свечении. Зачерненная опрокинутая восьмерка символом бесконечности еще стояла в глазах, но они навсегда исчезли, нырнув в ничто.

Они вернутся одновременно, в одной точке пространства, их тела сольются в одно, атомам станет тесно, энергия вырвется на свободу, и на короткое время рядом с Лагором загорится новое солнце. И в мире станет светлее.

Юрий ПЕРЕСУНЬКО

ЖАРКОЕ ЛЕТО

Повесть

XIV

Когда «Крым» ошвартовался у ялтинского пирса, Федотов даже не сошел на берег. В последнее время он что-то совсем расклеился. По-видимому, от жары и нервотрепки подскочило давление, и он старался как можно меньше выходить из каюты, где можно было хоть чем-то дышать. Единственно, что он сделал, так это попросил второго механика, который собирался что-то купить в Ялте для жены, посмотреть в киосках значки городов.

Окончание. Начало в предыдущем выпуске.

— Небось для Андрюшки Стилитоса? — улынувшись, спросил тот.

— Для него, — кивнул помполит.

Про дружбу Федотова с бывшими советскими мальчишками, которые из-за дурости родителей оказались далеко от Родины, в греческом порту Пирей, знала вся команда. Год назад произошла их первая встреча, а вот поди ж ты, не забывает про этих босоногих сорванцов Вилен Александрович, к каждому приходу в Пирей накупает русских книжек, открыток, значков, а порой и рубашку какую-никакую купит, а то и ботинки для Стилитоса или туфельки для Лены Чалукиди. Глядя на него, и другие моряки стали привозить ребятишкам то игры какие, а то и просто кулек конфет.

...В тот раз они, как обычно, ошвартовались в Пирее, был полдень, и команда выехала на пляж. Здесь-то они и увидели группу босоногих ребятишек, державшихся в стороне от других детей и говоривших то по-русски, то по-гречески. Федотов, который тоже решил поплескаться в теплых водах Эгейского моря, первым обратил внимание на этих ребят, подсел к ним, разговорился. Оказалась обычная печальная история. Их родители выехали из СССР в Грецию к своим родственникам. Из писем, что получали они до отъезда из России, жизнь в Пирее казалась им райской благодатью, а когда приехали, то... Всем ребятам пришлось идти в первый класс, так как они не знали греческого. Наиболее бойкий и разговорчивый мальчишка из этой группы, Андрей Стилитос, сказал, что он вообще не ходит в школу, потому что надо помогать отцу и матери содержать семью. Была среди них и хрупкая черноволосая девочка — Лена Чалукиди. Оказалось, что отец у нее — рабочий в каком-то дорожном строительстве, мать же — прядильщица на ткацкой фабрике. Они почти не бывают дома, но все равно на жизнь не хватает, и поэтому детям приходится работать тоже. братья — чистильщики обуви, Лена же ведет домашнее хозяйство. «А что у них было в России?» — спросил тогда кто-то из матросов. «Двухэтажный дом, — ответила Лена. — А здесь малюсенькая квартирка без удобств, за которую они платят 750 драхм в месяц. Отец же получает 120 драхм в неделю, а мать — 75».

Федотов уже подходил к своей каюте, как вдруг увидел Голобородько и Таню Быкову, официантку, которые, видимо, дожидались его. За последние дни на «Крыме» случилось столько всего, что почти от каждого обращения к нему кого-либо из членов команды помполит ждал очередной неприятности. Точно так же и сейчас, увидев насупившегося электромеханика, который первым принес весть о контрабанде на судне, и не менее поную Танюшку Быкову, Федотов сразу насторожился.

Голобородько откашлялся, словно перед выступлением на собрании, и, когда Федотов поравнялся с ними, сказал хрипло:

— Вы не примете нас, Вилен Александрович?

— Что, решили наконец-то меня на свадьбу пригласить? — попытался пошутить Федотов.

— Куда там на свадьбу, — безнадежно махнул рукой электромеханик. Потом вдруг неожиданно насупился, дернул за руку Таню: — Вот списываться с судна решила.

— Чего так? — удивился Федотов. — Вроде бы на таком прекрасном счету — и вдруг списываться?.. А ну давайте-ка по-толкуем.

Федотов достал из холодильника «дежурную» бутылку «Нарзана», разлил воду по высоким, узорчатым бокалам, повернулся к Быковой:

— Ну что там у тебя случилось?

Таня уныло посмотрела на помполита, потом на Николая, сказала тихо:

— Не буду я с ней больше работать. Ни за что!

— С кем «с ней»? — не понял Федотов.

— Ну-у, с директором нашим...

— Что так? — насторожился при упоминании о Лисицкой Вилен Александрович. И тут же добавил на всякий случай: — Ирина Михайловна прекрасный человек, отзывчивая...

— Это она с вами отзывчива, — буркнул Голобородько. — А послушали бы, как она с официантками. — Он замолчал, хмуро посмотрел на помполита, добавил: — Да чего я, собственно говоря, о ней пекусь, если какой-то Жмых, только потому что он на саксофоне играет...

— Как тебе не стыдно! — вскинулась на него Таня, и ее лицо залилось краской. — Наслушался всяких сплетен!..

— Тихо, тихо вы, — остановил молодых Федотов. — Успеете еще и после свадьбы поскандальить. Давайте-ка лучше по порядку насчет Лисицкой.

Насупившийся Голобородько кивнул на Быкову:

— Пусть лучше она, а то опять скажет, что не в свое дело суюсь.

— Ну, голуби... — Федотов осуждающе покачал головой. — Трудно же вам придется в жизни, если будете так по всяким пустякам цапаться. Таня, что случилось?

— Трудно с ней очень работать, просто невозможно, — тихо сказала Таня. — Думаете, мне хочется с судна уходить? — Она всхлипнула, ладошкой вытерла выступившую слезинку и вдруг добазила с неожиданно появившейся решимостью: — А с этой хамкой я больше работать не буду! Другие девочки, если у них гордости и самолюбия нет, пускай работают, а я не буду. Ведь вы не знаете, какая она! С начальством так прямо «тю-тю-тю», с пассажирами нас учит пониже раскланиваться, а сама с нами...

Федотов слушал сбивчивый рассказ официантки и не верил своим ушам. Неужели права майор Гридунова, и он что-то просмотрел? Впрочем, все это еще надо проверить. Таня возбуждена, запальчива, вот и...

— Раньше-то она еще как-то сдерживалась, помягче была, — слезно отвечая на его вопросы, говорила Таня, — а в последнее время постоянные оскорбления. У ней только киоскер наш, Зиночка, в хорошеньких ходит. Да если бы только это. Вот скажите: кто ей давал право говорить, что у нас совесть нечиста? Да ей ли об этом говорить?!

Быкова, словно споткнувшись, неожиданно замолчала, шмыгнула носом, виновато опустила голову, добавила тихо:

— Может, какая из девочек и купит где-нибудь лишнюю ко-сичку или очки там в подарок, так это же... — Она опять за-

молчала, дрожащей рукой взяла бокал, отпила глоток воды.

Внимательно слушавший Федотов дождался, когда она поставит бокал на столик, спросил:

— Таня, а почему ты так сказала: «Ей ли об этом говорить?»

Девушка бросила короткий взгляд на Николая, потупилась, виновато пожала плечами.

— Да я не знаю... Может, и не было ничего?

— Чего ты мямлишь? — оборвал ее Голобородько. Он резко повернулся к Федотову. — Когда мы предпоследний круиз делали, то она на столе у Лисицкой советские деньги видела.

— И не деньги, а только десятку, — вскинулась Таня.

— Пусть десятку, — нехотя согласился Николай. — Все равно не положено. Она должна была сдать эти деньги...

— Стоп! — резче, чем обычно, остановил электромеханика помполит. — Ну-ка, Татьяна, рассказывай.

— Ну в прошлый рейс это было. Вышли мы тогда из Одессы, пришли в Латакию. Как раз мое дежурство. Пассажиры готовились к поездке в Крак-де-Шевалье, в ресторане никого не было, ну и Ирина Михайловна сказала, чтобы мы помогли по кухне. Повар, мол, заболел, и девочки не справлялись. Вот. Ну я работала на кухне, как вдруг мне передали, что меня вызывает к себе Лисицкая. Я пошла тут же. Пришла к ней в кабинет — закрыто. Тогда я пошла в ее каюту. Смотрю, ключ торчит из двери. Ну я стукнула для порядка и тут же вошла. А Ирина Михайловна стоит ко мне спиной и что-то у стола делает. Я остановилась у порога, говорю: «Можно?», а она вдруг как вскинется, обернулась этак резко ко мне и как закричит: «Какого черта?»

— Что, прямо вот такими словами? — прервал ее Федотов.

— Ну конечно. Я сначала опешила и говорю: «Так вы же меня вызывали». Тогда она резко вся изменилась и говорит: «Извини, Танечка, нервы, совсем забыла. Мы сейчас сойдем на берег, надо фруктов закупить, а повар заболел, так что подбери, пожалуйста, еще двух девочек — поможете мне. А сейчас ступай, ждите меня у трапа». И повернулась ко мне спиной. Так вот, когда она поворачивалась, я и увидела десятирублевую бумажку. Понимаете, у нее на столе что-то лежало накрытое газетой, а чуть-чуть в стороне лежала эта десятирублевка. Ну-у, словно выпала из общей кучи.

— Почему же вы сразу не сообщили?!

Таня поникла головой, долго молчала, теребя пояс, затем медленно подняла глаза, сказала тихо:

— Опорочить человека легче всего, Вилен Александрович, а вот отмыться от этого трудно. — Она замолчала, исподлобья посмотрела на примолкшего Николая, сказала: — Вот Коля знает ту историю, могу и вам рассказать. Кажется, это был мой второй или третий рейс. Мы тогда уже из Одессы вышли, таможенный досмотр прошли, я смену свою сдала, пришла в каюту, стала раздеваться, смотрю, а у меня в джинсах семнадцать рублей советских денег. Вы не представляете, как я испугалась. Сжала их в кулак и не знаю, что делать. Лена Елкина, моя напарница, спала уже. Ну сунула я их под лифчик — и на палубу. Иду, а сама аж трясусь вся и думаю: не дай бог остановит кто.

Выскочила на палубу, к поручням подбежала, оглянулась по сторонам — и за борт их.

Таня улыбнулась, заулыбались и Федотов с Николаем.

— Дуреха, — впервые за все время сказал Николай. — Могла же их официально сдать, а по приходе в Одессу их бы тебе возвратили.

— Конечно, — согласилась Таня. — Только в тот момент я об этом не думала. А представьте, что Елкина не спала бы и увидела у меня эти деньги?..

— Да, у Ленки, конечно, язычок... — согласился Николай.

— Вот именно, — кивнула Таня. — Так вот я себя и вспомнила, когда увидела на столе Ирины Михайловны эту десятку.

— М-да. — Федотов медленно поднялся с кресла, подошел к иллюминатору, долго смотрел на Ялту, которая огромной подковой вписалась между гор и ласковым, спокойным морем. Это сообщение Быковой заставляло по-новому посмотреть на Лисицкую. Десятирублевка, конечно, могла быть и случайностью, но почему именно в тот самый рейс? Наконец он отошел от иллюминатора, сел на стул против Быковой, спросил:

— Ты сказала, что у Ирины Михайловны Зина Полещук в любимчиках ходит? А почему, не знаешь?

Девушка пожала плечами.

— Да как вам сказать: не в любимчиках, нет. Просто у них дела какие-то совместные, что ли? Не знаю. — Она замолчала, посмотрела на Николая, спросила: — Помнишь, она на дне рождения у меня плакала?

Голобородько молча кивнул кудлатой головой.

Федотов, внимательно слушавший Таню, спросил осторожно:

— А почему, собственно, она плакала?

— Да понимаете, я вроде поняла, что тяготится Зина этой дружбой. У меня день рождения был, ну-у пригласила я девочек наших. Зина была. И вот кто-то и говорит, давайте, мол, за наш коллектив выпьем, разлили вино по рюмкам, поднялись было чокаться, и вдруг Зина как расплачется, поставила свою рюмку на стол и убежала на кухню. Ну вышла я к ней, а она вся в слезах, успокоиться не может. Я и спрашиваю: чего ты, мол? А она говорит, что, наверное, спишется с судна, не может у нас больше работать.

— А ты не спросила, отчего это она вдруг?

— Да нет, — виновато пожала плечами девушка. — Я тогда подумала, что она, наверное, выпила лишнего, вот и ударилась в истерику. Да к тому же у нее и с женихом что-то не клеилось. В общем, не знаю.

— Ну что ж, спасибо и на этом.

Когда Таня и Николай ушли, Вилен Александрович достал из сейфа «скорошиватель», в котором хранились жалобы пассажиров. Заявление, которое он искал, было подшито в середине папки, и на нем стояло число почти годичной давности. В верхнем левом углу его рукой было написано: «Разобраться не удалось. З. Полещук с аппендицитом увезли в больницу».

Тогда, после операции аппендицита, Лисицкая настояла, чтобы Зину Полещук опять направили на «Крым», и Федотов за сутолокой повседневных дел как-то забыл про это заявление двух пассажиров, которые пришли к нему с жалобой на киоскера.

Собственно говоря, это даже была не жалоба, а, по-видимому, серьезный сигнал, который следовало бы тогда же и проверить. Федотов взял с тумбочки очки, аккуратно надел их, присел на стул.

Заявление было коротким и лаконичным. Муж и жена Суренковы писали о том, что когда подошли к судовому киоску, чтобы купить фломастеры для девочки, то в это время в киоск вошла молодая женщина с саквояжем в руках, и киоскер, даже не извинившись перед покупателями, стала заниматься с ней. Женщина достала из саквояжа какой-то радиоприемник и отдала его киоскеру, а та, положила перед ней несколько замшевых женских костюмов, которые неизвестная стала тут же складывать в саквояж. Когда она ушла, то супруги Суренковы попросили показать им такой же костюм, на что киоскер грубо ответила, что в продаже их давно нет, а эти просто хранились у нее. Когда Суренковы сказали ей, что это не соответствует правилам торговли, она накричала на них и сказала, что та женщина — директор ресторана и она вольна делать все, что ей нужно. После чего закрыла киоск.

Федотов дочитал заявление-жалобу до конца, снял очки, задумался. В голове как-то не вязалось это хамское поведение с кротостью почти безвольной Зины Полещук, которая третий год плавала на «Крыме». И вот эта непонятная истерика Зины, о которой рассказала Таня Быкова...

Он вышел из каюты, спустился к трапу, около которого маячила фигура вахтенного, попросил его разыскать Ирину Михайловну.

— Так она ж только что на берег сошла, сказала, что срочно позвонить матери надо. Думаю, раньше чем часа через два ее не будет, — ответил вахтенный.

— Жаль. — Федотов кивнул и медленно пошел вдоль борта, касаясь рукой теплых деревянных поручней. Это его немного успокоило, и он постарался связать воедино жалобу супругов Суренковых с тем, что слышал от Быковой. Мелькнула страшная мысль: «Неужто Лисицкая заставляет Зину припрятывать для нее наиболее ценные и дефицитные вещи?» Об этом не хотелось даже думать. Чем же тогда объяснить эту истерику киоскера и ее желание списаться с судна? Надо было срочно поговорить с девушкой, вызвать ее на откровенный разговор.

Маленький судовой магазин был открыт. Полещук, подперев голову рукой, скучала в одиночестве. Увидев помполита, она вскочила со стула, засуетилась, сказала певуче:

— Вот, никого нет, Вилен Александрович. Хоть киоск закрывай. Не выручка — слезы одни.

— М-да... — замаялся Федотов, не зная, как начать этот разговор, сказал негромко: — В общем-то, Зина, я не за покупками пришел. Поговорить надо. — Он достал из нагрудного кармашка сложенный вчетверо листок бумаги, развернул его, положил перед оцепеневшей девушкой, которая успела выхватить глазами слова: «...просим принять соответствующие меры к киоскеру, которая...» Дальше она не читала, прошептала еле слышно:

— Сейчас. Я только киоск закрою.

Федотов, заметивший ее испуг, сказал:

— Да, я тоже думаю, что лучше в другом месте поговорить.

Давайте пройдем на верхнюю палубу. Там сейчас никого нет.

На верхней палубе действительно было до непривычного пустынно, тихо, и даже в маленьком круглом бассейничке «лягушатнике» не плескались дети. Вилен Александрович провел совсем сникшую Зину Полещук под тент, жестом пригласил сесть.

— Зина, вы мне в дочери годитесь, так что давайте договоримся говорить только правду. Как видите, я уже в возрасте, скоро дедушкой, наверное, буду, а старость, как известно, добросердечна и душой отходчива. Так что поверьте: зла я вам не желаю, ну а если и были у вас какие огрехи в прошлом — постараясь их исправить. Главное — чтобы не рос этот снежный ком, который может привести к чему угодно. Хорошо?

Полещук понуро кивнула головой.

— Ну вот и прекрасно, — сказал Вилен Александрович и спросил: — Зина, почему вы хотите списаться с судна?

Девушка еще ниже опустила голову, и Федотов увидел, как по ее лицу скатились две слезинки.

— Я не хочу, не хочу уходить отсюда, — сквозь слезы заговорила Зина. — Но и не могу, понимаете, не могу здесь больше работать. Я ненавижу ее!

— Кого?

— Лисицкую! Это она... она... — Зина запнулась, словно испугавшись чего-то, и, по-детски всхлипывая, заплакала, закрыв мокрое от слез лицо руками.

Федотов дал ей выплакаться, достал платок, вытер им заплаканное лицо девушки.

— Успокойтесь, Зина. И давайте по порядку. Поверьте, я вам только добра желаю.

Зина глубоко вздохнула, подняла на помполита все еще мокрые, со смазанной краской глаза.

— Ну это еще в том году было, — начала она. — Пришли мы в Ниццу, и я вместе со всеми поехала на экскурсию в Монте-Карло. Ну хожу, глазею, в диковинку все, а тут подходит ко мне Ирина Михайловна и говорит: «Тожe небось хочешь так пожить?» Ну я сдуру и говорю: «Ага. Только где ж столько денег-то взять?» А она мне: «Эх ты, дурочка, да ты же на золотом дне сидишь. Вот, скажем, получила ты за свой товар валюту, так ты, дуреха, не беги ее сразу же в кассу ресторана сдавать, а придержи немного и поменяй в порту доллары на турецкие лиры. Доллар-то, он по официальному курсу дороже турецкой лиры стоит. Вот ты и заработаешь на одном только долларе до четырех турецких лир. А уж после этого и сдавай выручку».

— И вы... пошли на это? — невольно вырвалось у Федотова.

Зина промолчала, тыльной стороной ладони вытерла лицо, после чего сказала:

— Я даже сама не знаю, как все получилось. Поверьте. Я словно во сне была. Ирина Михайловна пришла ко мне в ларек, спросила, сколько выручки, затем сказала, чтобы я достала ее из сейфа, и мы, забрав всю валюту, сошли на берег. Там она повела меня в какой-то маленький банк и быстро поменяла доллары на лиры.

— И она что, весь этот «навар» отдала вам?

— Да нет, что вы! Пятьдесят процентов она взяла себе.

— Та-ак. — Федотов смотрел на Зину и не мог поверить сказанному. Если все это действительно так, тогда и та десятка, которую видела Таня Быкова, не могла быть случайной. Промелькнула мысль о контрабандном золоте, что ждало своего хозяина в лючке ходовой рубки, но Федотов отбросил ее как слишком кощунственную и спросил: — А что это за история с радиоприемником и замшевыми костюмами?

Над Ялтой висело палящее летнее солнце, а Федотова бил нервный озноб от услышанного. Было стыдно за себя, за то, что не смог разобраться в Лисицкой, которая все эти годы делала свое черное дело, толкая на путь преступления таких вот безвольных, сопливых девчонок, и при этом наживалась сама. Он вспомнил кладовщика ресторана Дубцова, который вдруг ни с того ни с сего списался с «Крыма» и перешел на другое судно. Может быть, и он тоже?.. Об этом не хотелось даже думать.

— ...Ну вот, — продолжала рассказывать Зина, — получила я тогда в Одессе два транзисторных приемника ВЭФ и продала их за валюту в рейсе. Сдала, значит, эту валюту в кассу, а в это время, я уже не помню где, Лисицкая закупила партию женских костюмов под замшу. Часть этих костюмов была реализована, а четырнадцать штук оставлены у меня в ларьке. Она попросила припрятать их для нее, объяснив тем, что по приходу судна в Одессу и после таможенного досмотра она взамен этих костюмов принесет мне два точно таких же транзисторных приемника, которые я продала в рейсе. Ну я сначала отказываться стала, тогда она мне пригрозила, что сообщит кому следует о том, что я вовремя не сдаю выручку, а меняю доллары на турецкие лиры. Ну я испугалась, конечно, просила ее не сообщать об этом, вот и согласилась. — Зина замолчала, посмотрела на помполита, спросила тихо: — Вилен Александрович, а что мне за все это будет?

— Не знаю, Зина. — Федотов посмотрел на залитую солнцем Ялту, далекие горы Ай-Петри, повернулся к ней. — Одно могу сказать, оба мы с тобой виноваты. Я — потому что посмотрел все это, а ты... Ты виновата в том, что не смогла вовремя поставить на место обнаглевшую директрису. Конечно, ты временно будешь отстранена от заграничных рейсов, ну а что еще — в Одессе решат. А пока работай спокойно и... и постарайся держаться с Лисицкой, как прежде. Хорошо?

— Ладно.

— Вот и отлично. И еще один вопрос: ты, случаем, не знаешь, почему списался с судна Дубцов?

— Слышала, — пожала плечами Зина, — а точно не знаю. Вы спросите лучше у Паренкова, грузчика нашего, он что-то говорил об этом.

Ирина Михайловна мерила шагами полупустой зал переговорного пункта и с нетерпением ждала, когда ей дадут Одессу. Наконец одуревшая от многодневной духоты и беспрестанных звонков телефонистка, словно робот, произнесла долгожданное: «Одесса. Третья кабина», и Лисицкая рванулась туда. Не в си-

лах сдержаться, она рывком схватила телефонную трубку и, даже не сказав матери «здравствуй», спросила на выдохе:

— Ну что?

— Ириша, здравствуй, — раздался в трубке голос Софии Яновны. — Все в порядке, доченька. Я была у тети, подарочек забрала. Тебя когда ждать-то?

Ирина Михайловна что-то говорила в трубку, а на сердце медленно отпускали тиски, нещадно давившие все это время. Значит, Монгол не успел... Ну что же, держись теперь, Валя...

XV

Милиционер ввел Рыбника. Отсидевший более суток в камере, он осунулся еще больше, стало отчетным лицо. По-видимому, эту ночь он совсем не спал. Бессмысленный взгляд время от времени пробуждался, и тогда начинали воровато бегать глаза.

Не поднимая головы от разложенных на столе бумаг, Нина Степановна кивнула Рыбнику, указывая на стул. Он осторожно присел на краешек, положил руки на край стола. Ногти на грязных пальцах были обкусаны. Минут пять в кабинете было тихо. Не выдержав молчания, он начал ерзать на стуле. Зашевелились его пухлые, покрытые рыжим волосом пальцы.

— Зачем вы пытались оклеветать Сербину? — спросила Гридунова.

— Я... Это она мне дала валюту.

— Ладно. Ну а где вы достали кожаный пиджак, который продали ей?

— В комиссионке, — не понимая, куда клонит Гридунова, быстро ответил он.

— Когда?

— Когда?.. Ну-у... с месяц назад.

— Проверим. — Нина Степановна достала телефонный справочник, набрала нужный номер. — Магазины? Вас беспокоит старший инспектор ОБХСС Гридунова. К вам поступал на комиссию с месяц назад новый пиджак из черной лайки? Не было такого? Ну спасибо. — Нина Степановна медленно положила трубку на аппарат, выжидающе посмотрела на Рыбника. — Что скажете, Эдуард Самуилович?

Сжавшийся на стуле Рыбник закусил губу, ладонью вытер выступившую на лбу испарину.

— Я не помню, где его купил.

Он молча опустил голову.

— Волнуетесь? — участливо спросила Гридунова.

Рыбник судорожно сглотнул, молча кивнул головой.

— Бойтесь, что я узнаю про Лисицкую? — четко разделяя слова, спросила Нина Степановна.

— Нет, нет! — По его лицу прошла судорога. — Нет. Она здесь ни при чем.

— Это она вам расписала курс валюты?

— Нет, — заторопился Рыбник. — Я нашел... Вместе с кошельком.

— Не понимаю, почему вы ее покрываете? — пожав плечами, сказала Нина Степановна. — Вы знаете, что вам грозит лишение свободы?

— Н-нет, — заикаясь, ответил Рыбник и, судорожно сглотнув, добавил: — Я готов понести наказание, только Ирину не трогайте.

Нина Степановна откинулась на спинку стула, внимательно посмотрела на Рыбника. Начинаящий лысеть, рыхлый, с обкусанными ногтями на грязных пальцах, он теперь выглядел в несколько ином свете. То, что он не покажет на Лисицкую, было совершенно ясно без слов, требовался другой подход. Даже если выбить его доводы и лазейки, он наглухо закроется и будет твердить одно: «Я готов понести наказание».

— Вы ее любите?

Рыбник вскинул глаза. Словно не понимая вопроса, замигал рыжими ресницами.

— Люблю?.. Да. Очень.

— Вы из-за нее с женой развелись?

Он молча кивнул.

— М-да... Эдуард Самуилович, а все-таки скажите, зачем вы пытались оклеветать Сербину?

Рыбник неожиданно вскинулся, его глаза загорелись сухим блеском. Он судорожно сжал пальцы в кулак.

— Я ненавижу! Ненавижу ее. Их всех! Это они... отрывают Ирину от меня. Они таскают ее с собой по ресторанам. Я проследил. Я все выследил.

— Но ведь Сербина давно отошла от Лисицкой.

— Ну и что?! Все равно.

— Эдуард Самуилович, а у Ирины Михайловны есть еще подруги? Ну-у, наподобие Сербиной, — осторожно спросила Гридунова.

— Есть?.. — Рыбник криво усмехнулся. — Табуном вьются вокруг нее. Одной достань то, другой это.

— Вы бы не могли назвать их?

— С радостью. — Он в возбуждении закусил губу, его глаза мстительно блеснули. — Лариса Миляева, Альбина... как ее...

— А блондинок среди них нет, лет тридцати?

— Блондинок?.. — Рыбник задумался, покачал головой. — Вроде бы нет. Лариска одна. Но ей до тридцати еще далеко.

В тех же стоптанных туфлях и стареньком платье Лариса постучалась в дверь комнаты, куда ее попросил прийти следователь Лукьянов, который вел дело Корякина. Вчера вечером он позвонил ей домой и, сказав, что требуется ее подпись под протоколом, попросил быть в десять утра. Успокоившаяся за последнее время, Лариса все же сочла нужным размочалить прическу и вытащить на свет божий спасшее ее в прошлый раз тряпье.

Следователь положил на стол протокол ее первого допроса, на котором действительно не было подписи, сказал, чтобы она внимательно прочла его и расписалась, и вышел из кабинета, оставив дверь приоткрытой.

...Гридунова подвела Рыбника к двери. Он остоленело остановился при виде склонившейся над протоколом Миляевой.

— Что, вам знакома эта девушка? — спросила тихо.

— Знакома?.. Стервы кусок. Чего это она так вырядилась? — удивился Рыбник. — Прямо-таки сирота казанская.

«Растяна... Обвести вокруг пальца. — Нина Степановна сморщилась, как от зубной боли. — Как же это я?..» — Спросила для успокоения совести:

— А что обычно она выглядит иначе?

— О чем вы говорите! — возмутился Рыбник. — Она же парикмахер. На ней всегда прекрасная укладка. А с заграничными шмотками она, по-моему, даже ночью не расстается.

— Ясно. Ну, спасибо, Эдуард Самуилович. Вас сейчас проведут ко мне в кабинет, обождите меня там.

В это время Миляева дочитала протокол, виновато улыбаясь, спросила появившегося на пороге следователя:

— Где расписаться?

— Вот здесь.

Тихо вошла Гридунова, кивнув Лукьянову, села напротив Миляевой, внимательно осмотрела ее. «Ишь ты! — удивилась она. — Хоть мордашка и приятная, но интеллект... Интересно, куда бы тебя отнес Ломброзо? Явно-о, явно недоразвитый тип. А как провела! Ишь ты! Интересно, кто же за твоей спиной стоит, девочка?»

Почувствовав на себе взгляд, Лариса подняла голову, улыбнулась искательно.

— Здравствуйте. — Она развела руками. — Вот... Опять меня вызвали. — Помолчав, добавила: — Парень тот напутал что-то, а меня...

«Ишь ты! Пастушка-простушка... Парень напутал...»

Нина Степановна взяла протокол, пробежав глазами титульный лист, спросила:

— Вы же парикмахер, Лариса?

— Да. — Обрадовавшись перемене разговора, Миляева закивала головой. — Меня даже на дом приглашают.

— Почему же вы ходите в таком виде?

Миляева сжалась, в ее глазах промелькнул страх.

— Я... Понимаете... ребенок маленький. Сережа. Для себя времени не хватает...

— Нехорошо, нехорошо, — дружески пожурила ее Гридунова. — Одеваться надо получше. Поди, не бедно живем, а?

— Да-да, конечно, — закивала головой Лариса. — Только кооператив... Вы знаете, все деньги и силы высосал. А мужа нет, алименты маленькие...

— Давно разошлись?

— Год уже.

— Пил?

— Как вам сказать, — пухлая губка Ларисы едва заметно дрогнула. — Не очень. Как все.

— Разлюбили?

— Н-нет, — ее голос стал глухим. — Не знаю.

— Бывает...

— У вас мальчик? — спросил Лукьянов.

— Да. Сережа. — Миляева повернулась к следователю, ее лицо оживилось. — Знаете, смысленный такой.

— Муж навещает?

— Да. Конфеты приносит. В позапрошлую неделю торт купил. Ленинградский.

— А вы не думаете опять сойтись? — спросила Гридунова.

— Сойтись? — Ларисины глаза радостно блеснули, потом вдруг потухли, она склонилась над столом, сказала едва слышно: — Если прости.

— Ну ладно, Лариса. Не будем вас больше мучить. А с мужем сойдитесь. Раз к сыну ходит, значит, и вас любит.

XVI

Парфенов был дома, когда в дверь позвонили.

— Мам, — кликнул он. — Пойди посмотри, кого там принесло.

Шаркая подошвами стареньких, сбитых тапок, мать вышла в прихожую, спросила:

— Кого надо?

— Водопроводчик это. — Жэковский слесарь, приглашенный оперативниками на случай взламывания двери, от волнения забыл, что говорить дальше. — Эта... на этаже воды утечка, ходим вот, проверяем.

— Ходим... То вас не дозовешься, то «ходим»... — недовольно пробурчала мать Николая и загремела дверным засовом.

Парфенов вдруг увидел, как в тесную прихожую быстро вошли какие-то неизвестные.

Парфенов, обычно туго соображавший, на этот раз сориентировался мгновенно: подскочил к двери, захлопнул ее, подпер стулом. Со стороны прихожки на дверь тут же навалились, кто-то сказал властным, спокойным голосом:

— Откройте, Парфенов.

Слышно было, как тихо заплакала мать.

Николай рванулся к серванту, сдвинул его, схватил запыленный бумажный пакет, метнулся от серванта к балкону. В это время дверь с треском распахнулась, наперерез ему бросился кто-то, схватил за ворот рубашки. Оскалившись, Парфенов замахнулся на оперативника и вдруг охнул, хватая ртом воздух.

— Вот так-то, парень. Спокойней будешь, — сквозь какую-то пелену тумана услышал он. К горлу подкатила тошнота, и Николай почувствовал, как у него из рук кто-то берет плотный бумажный пакет.

Очнувшись, Николай разглядел участкового, который о чем-то расспрашивал плачущую мать, мнувшегося у двери жэковского слесаря. Трое людей в штатском были ему неизвестны.

— Зачем же ты так? — спросил его высокий, складный капитан милиции.

— Чего? — не понял Николай

— Неучтиво с гостями себя ведешь. Руками машешь. Меня вот хотел ударить.

Парфенов насупился, опустил голову.

— Фамилия, имя, отчество?

— Парфенов Николай Петрович, — ответил он глухо.

— Василий! — Капитан повернулся к молодому белобрысому парню. — Приглашая понятых, объясни им все и начинай заполнять протокол.

Белобрысый Василий согласно кивнул, пригласил к столу слесаря и неизвестно откуда появившуюся техника-смотрителя.

— Что в этом пакете? — кивнув на бумажный кулек, спросил капитан.

— Деньги.

— Сколько?

Николай еще ниже опустил голову, исподлобья зыркнул на мать, которая, раскрыв рот, смотрела на объемистый сверток.

— Хорошо, можете не отвечать. — Нестеренко неожиданно перешел на «вы», и от этого Николаю стало еще тоскливей. — Понятые, пересчитайте, пожалуйста, деньги.

Слесарь осторожно подошел к столу, тщательно вытерев руки о куртку, развернул сверток. Рассыпавшись, деньги завалили полстола.

— Надо же!.. — горячо выдохнула техник-смотритель.

Мать, увидев такое богатство, с укором посмотрела на сына, прошептала едва слышно:

— Доигрался Колюшка...

Денег оказалось шесть тысяч сто двадцать пять рублей. Разложенные по купюрам, они напоминали игрушечную крепость, которая могла рассыпаться от одного движения руки.

Капитан спрашивал о чем-то Николая, тот отвечал автоматически, ничего не помня. Когда понятые ушли, капитан спросил, в упор разглядывая Парфенова:

— За что вы убили Часовщикова? Ради этих денег?

Николай ошалело посмотрел на него, перевел бессмысленный взгляд на деньги и тут вдруг перед ним со всей наготой открылся весь ужас его положения. Ведь это на его машине было совершено убийство! Значит, они вышли на него через машину. Вероятно, кто-то видел, как они въезжали той ночью в карьер. А Монгол?.. Если бы они взяли Монгола, то наверняка уже сказали бы про него. Значит, не взяли. А убийство совершено на его машине. Значит... значит, убийца, выходит, он?!

От этой мысли Парфенову стало жарко, и он, торопясь, как бы кто не опередил его, заговорил:

— Нет. Нет! Я не убивал. Я даже не знал об этом. Это Монгол. Это он, он убил старика! Я испугался. Очень. И мы отвезли его в карьер.

— Какой монгол? — не понял в первую секунду Нестеренко, совершенно забыв с этим убийством про ориентировку, полученную несколько дней назад.

— Ну как же? — торопливо глотая слова, пытался объяснить свою непричастность к убийству Парфенов. — Монгол. Он из колонии рванул недавно.

— Постой, постой, — остановил его капитан. — Ты имеешь в виду Валентина Приходько?

— Ну да! — обрадованно закивал головой Николай. — Это он. Он старика убил. И все деньги его забрал, и золото, которое продал ему.

— Та-ак. — Нестеренко внимательно посмотрел на Парфенова. — А где сейчас находится Монгол?

— Ну я его ствез к Ирининой тетке, а вообще-то он у нее на даче скрывался.

— У кого «у нее»?

— Ну у Лисицкой. Ирины. Сама-то она сейчас в рейсе.

Нина Степановна вкратце изложила Ермилову суть предварительного допроса Парфенова, ожидающе посмотрела на полковника. Изучив за двадцать лет совместной работы характер и привычки Гридуновой, Артем Осипович не спешил навязывать собственные выводы и поэтому спросил хмуро:

— Так что же будем делать?

— Здравый смысл подсказывает немедленно арестовать Лисицкую и произвести обыск на ее квартире.

— Значит, надо заготовить постановление, утром взять санкцию у прокурора и сделать у нее обыск. И если показания Сербинной, Рыбника и Парфенова подтвердятся — немедленно арестовать.

Нина Степановна исподлобья посмотрела на Ермилова.

— А если не подтвердятся? Если у нее на квартире окажутся только вещи, разрешенные таможенными правилами, тогда что? Ничем не подтвержденные показания Сербинной и Парфенова? Да она просто скажет, что это наговор, и все. Монголато мы не взяли: на даче Лисицкой его не оказалось.

— Группа захвата выехала в Слободку, по адресу ее тетки, — внутренне соглашаясь с доводами Гридуновой, буркнул Ермилов. — Скоро должны дать о себе знать.

— Не думаю, что они застанут его там, — задумчиво сказала Нина Степановна. — Поселок маленький, все у всех на виду. Участковый с пеленок каждого жителя в лицо знает. Не скрываться же он туда поехал.

— А зачем?

— Не знаю. Судя по рассказу Парфенова, Монгол и Лисицкая — давнишние компаньоны. Может быть, там, у тетки, припрятано что-то?

— Почему же она сама не съездила к своей тетке, а направила Приходько?

— Парфенов говорит, что этот разговор был накануне ее ухода в рейс.

— Согласен, — кивнул полковник. — Но рейс-то короткий, а отсюда непонятна эта спешка с риском быть опознанным, — словно вбивая гвозди, отчеканил Ермилов. — Вот над чем надо подумать. И не кажется ли вам странным стечение обстоятельств: контрабанда на «Крыме», вездесущая Лисицкая, работающая на этом судне, убийство Часовщикова, которого Парфенов привез к Монголу по указанию все той же Лисицкой! Что это: звенья одной и той же цепи?

Нина Степановна задумчиво покачала головой:

— По нашим данным Акула — это блондинка тридцати—тридцати пяти лет. Лисицкая же сорокалетняя брюнетка.

Ермилов помолчал, подумал немного и сказал:

— Достаньте в отделе кадров пароходства образец ее почерка и отдайте на почерковедческую экспертизу те два клочка бумаги с расписанным валютным курсом, что изъяты у Рыбника.

Около четырех утра оперативная группа, выехавшая в Слободку, сообщила, что Приходько там нет и, по словам Елизаветы Яновны, родной тетки Ирины Михайловны Лисицкой, ни-

кого посторонних у нее за последний месяц не было. Однако она же сообщила, что «намедни» приезжала мать Ирины — Софья Яновна, «побыла трошки и укатила».

Прикорнувшая было у себя в кабинете на диванчике Гридунова как должное восприняла эту новость, ополоснула лицо теплой водой из-под крана и прошла в кабинет начальника уголовного розыска, где уже собрались Ермилов, Пашко, Нестеренко и вызванный среди ночи следователь.

Собравшиеся высказывались один за другим, а Нина Степановна, взяв со стола чистый лист бумаги, рисовала на нем кружочки, треугольники, проставляла в них надписи: «Крым», Акула, «Советская Прибалтика», Монгол, Парфенов, Рыбник, Лисицкая — и все это соединяла стрелками. Начальник уголовного розыска, сидевший рядом с Гридуновой и искоса наблюдавший за тем, как росла вся эта громоздкая схема, наконец не выдержал, спросил:

— А у вас есть какое-нибудь предложение, Нина Степановна?

Гридунова оторвалась от своего занятия, окинула усталым взглядом собравшихся, сказала:

— Есть одна задумка, товарищ полковник. Однако рискованно, и поэтому необходимо согласие руководства.

— Что именно?

— Вероятно, эта поездка Монгола в Слободку сорвалась. Почему я так думаю? Да потому, что следом за ним туда поспешила мать Лисицкой. И уехала, как сказала ее сестра, довольная, «побыв трошки». Зачем, спрашивается, ей туда ни за что ни про что мотаться? Значит, имела какой-то интерес, возможно, идущий вразрез с интересом Монгола. Если мы допустим, что он остался, как говорится, на бобах и убрался с дачи, сменив свое логово, значит, он обязательно должен появиться у самой Лисицкой или у Парфенова. Ему деваться некуда. Арестованный же как соучастник убийства, Парфенов готов сделать все, чтобы хоть как-то смягчить свою вину, и, думаю, согласится помочь в любой игре с Монголом и со своей хозяйкой.

XVII

Вася Жмых играл. Он играл красиво, самозабвенно, и его блестящий саксофон, словно слившись со своим хозяином, то вдруг замирал на месте, то описывал круг, и Вася, залитый разноцветной подсветкой прожекторов, был похож на волшебника-мага, которому неизвестно кем поверена тайна этих чарующих звуков. То была какая-то очень старая мелодия или, возможно, импровизация, которая будила что-то давным-давно забытое и в то же время вечное, как сама жизнь.

Старший оперативной группы капитан Воробьев, пристроившийся с бокалом коктейля недалеко от стойки бара, слушал соло на саксофоне, и в груди росло непроизвольное доброе чувство к человеку, который мог дарить людям такую радость. Поймав себя на этой мысли, он чертыхнулся и резко крутанул головой. Вместо того чтобы делать дело, не хватало еще расслабиться и проворонить изъятие контрабандного золота из лючка.

А преступник находился где-то рядом, на этом же судне, возможно даже, слушал сейчас в ресторане Васьну игру. А возможно, им был и сам Василий Жмых, саксофонист экстра-класса, «36 лет, беспартийный, разведенный», как было записано в анкете. Или, может быть, вон та белокурая, высокая официантка, что обслуживала соседний столик? Или?.. От всех этих «или» голова шла кругом, и Воробьев порой замечал, что в своих прикидках он двигается по какому-то замкнутому кругу, вырваться из которого не было сил.

Еще в Одессе Федотов поручился за штурманов, механиков и матросов, и Воробьев все время занимался только обслуживающей частью команды «Крыма». Этот вариант сразу же поставил вопрос, о котором в управлении при разработке операции раньше не подумал, — о количестве преступников, замешанных в этой контрабанде. Если, скажем, допустить вариант электромеханика, рулевого или даже просто вахтенного матроса, который может свободно находиться в ходовой рубке и не вызывать при этом подозрения, то вариант «обслуги» предполагал наличие не менее чем двух преступников, один из которых должен был закладывать в лючок контрабанду, а второй при этом наблюдать, как бы не появился в рубке посторонний. «Если это исключить, — рассуждал Воробьев, — то преступник или преступница должны обладать неслыханной дерзостью, что мало вероятно, так как имело при этом высокую степень риска. Значит, двое?.. Обе женщины? Это опять-таки мало походило на правду. Выходит, наличие хотя бы одного мужчины обязательно. Но кто этот мужчина? Бармен, шеф-повар, подсобный рабочий на кухне, кто-то из оркестрантов?»

Об Акуле он почти не думал: по всему выходило, что она была лишь передаточным звеном. Фоторобот ничего не дал, да Воробьев не очень-то и надеялся на него. Фоторобот был составлен по описанию задержанных, которые раз, максимум — два, видели эту мифическую преступницу. Правда, после сегодняшнего доклада Федотова у Воробьева появились кое-какие соображения. Он, например, заставил себя по-иному смотреть на обворожительную Ирину Михайловну и начал сопоставлять факты, на которые прежде не обращал внимания. И один из них это то, что Лисицкая не так уж редко бывала в ходовой рубке, предлагая вахтенным то чашку кофе, то минеральную воду. Пустые чашечки она забирала обычно сама.

Продумывая факты, которые ему выложил Федотов, он все больше и больше приходил к мысли, что в падении Лисицкой есть нечто закономерное. Особенно поразил факт, который Вилен Александрович услышал от складского грузчика ресторана и пересказал Воробьеву.

Есть на Кипре уникальнейший памятник средневековья — портовый город Фамагуста, который поражает великолепными памятниками архитектуры, поднимающимися над маленькими домиками под красной черепицей, узкими кривыми улочками и мощными крепостными стенами. Когда «Крым» заходит в Фамагусту и пассажиры выезжают на берег, чтобы полюбоваться замком Кастелло, с которым связана легенда об Отелло и Дездемоне, Ирина Михайловна тоже не сидит без дела: в Фамагусте она обычно закупает напитки, которые славятся по всему

Средиземноморью. Стоимость тары входит здесь в стоимость напитков, и поэтому Лисицкая не приходила собранную по ее приказу пустую тару. Затем она самолично сдавала тару шипшандлеру фирмы. Воробьев поначалу не понял, зачем это делается, однако Федотов объяснил, что на Фамагусте нет собственной стекольной промышленности и фирме, торгующей напитками, выгодно, чтобы покупатели обратно сдавали бутылки.

Ларчик, как говорится, открывался просто.

Правда, эта почти патологическая всеядность Лисицкой заставляла задуматься: а совместимы ли найденная в лючке ходовой рубки контрабанда и афера со стеклотарой в Фамагусте? И не собьется ли он, капитан Воробьев, в своем поиске, полностью переключившись на Лисицкую? Однако это был пока что единственный вариант, и, значит, требовалось выявить ближайшее окружение Лисицкой.

Как оказалось, наиболее близким к ней из мужчин был саксофонист Василий Жмых. Пытаясь проверить свое мнение об этом «великовозрастном мальчике в коротких штанишках», как мысленно охарактеризовал его Воробьев, он через первого помощника капитана узнал, что полгода назад бармен Веселовский избил в Одессе саксофониста. Оказывается, Вася в одном из рейсов незаконно прикупил королевского мохера и перед таможенным досмотром сунул его в сумку Веселовского. Чисто случайно этот мохер обнаружен не был. Когда бармен собрался домой и увидел, чем набита сумка, он с испуга или со злости выбросил мохер в иллюминатор. Кинувшийся к нему Вася тут же получил пару хороших свингов, которыми неплохо владел увлекавшийся боксом бармен. Федотов узнал об этом спустя несколько месяцев, совершенно случайно, и только просьба Веселовского оставить Жмыха на борту не позволила ему списать на берег перепугавшегося саксофониста.

Итак, в активе на данный момент были двое: Ирина Михайловна Лисицкая, уличенная в махинациях, и Василий Жмых, склонный, судя по рассказанному случаю, к маленькой, но контрабанде.

«Кто? — задавал себе вопрос Воробьев. — Жмых? Маловероятно. Трусоват, да и кость не по зубам. Лисицкая? Но слишком уж по-мужски спрятано золото. Значит, должен быть кто-то еще. Кто?»

А Вася Жмых играл. Красиво и самозабвенно, как только может играть человек, которому музыка заменяет все.

XVIII

Миляева, которую полчаса назад привезли из парикмахерской в управление, сидела в пустом кабинете и ждала своей участи. Она еще не знала, откуда ждать беды, но сердцем почувствовала: ее час пробил. В голове лихорадочно пронеслись обрывки мыслей. Подспудно она понимала, что надо бы успокоиться, но не могла заставить себя сделать это.

Дверь неожиданно открылась, и в комнату вошли следователь, который опрашивал ее по делу Корякина, Гридунова и

еще четыре женщины. Три из них показались знакомыми, и Лариса, обливаясь потом, начала лихорадочно вспоминать, где же она их видела. «Опознание? Да, да, опознание. Боже мой!.. — Она почувствовала, как в голове разливается горячий туман. — Неужели опять? А она не готова. Эта кофточка, взбитая прическа. Такая же, как тогда, зимой!..»

Откуда-то издали донесся голос следователя. Кажется, он сказал, что сейчас будет проводиться опознание, и напомнил, как себя вести. Лариса сжалась, почувствовала, как из-под ног начинает уходить пол. Стало трудно дышать. Путаясь в застужках, начала расстегивать кофточку. Увидела, как Лукьянов снял телефонную трубку, сказал: «Введите». Со страхом уставилась на дверь. Два конвоира ввели похудевшего Корякина. Лариса почувствовала, что сейчас потеряет сознание. В голове молнией пронеслось: «Сережка! Сиротой останется». Что-то сказал следователь. Лариса сквозь обволакивающий туман увидела, как Корякин сделал шаг, еще один, пробежал глазами по одному лицу, второму, остановился на Ларисе, нерешительно улыбнулся, отяг обжег всех глазами, сказал:

— Вот... Вот эта девушка. Вторая справа. Это она была с подругой и продала мне валюту.

— А вы знаете, Лариса, повстречай я вас на улице в таком шикарном виде — не узнала бы. Ну, будет слезы лить. — Нина Степановна налила в стакан воды. — Выпейте. Полегчает.

Лариса дрожащей рукой взяла стакан, лягнула зубами о стекло.

— Ну, я буду вас опрашивать или сами чистосердечное признание напишете? — спросила Гридунова.

— Я... я не смогу сейчас, — глотая слезы, выговорила Лариса. — Я п-плакать буду.

— Хорошо. Оставим это на потом, а сейчас скажите мне: вы сами придумали этот маскарад с переодеванием?

— Нет. Что вы? — испугалась Миляева. — Это Ирина.

— Лисицкая?

— Да.

Нина Степановна внимательно посмотрела на нее, сказала:

— Вы извините меня, Лариса, я хочу вам только добра, но вы, мягко говоря, пешка в чьих-то руках, и вас использовали в своих целях. Давайте договоримся говорить только правду.

Размазывая по щеке черные от краски слезы, Лариса согласнов кивнула.

— Вы когда-нибудь перекупали или продавали валюту?

— Нет. Нет-нет. Ирина мне не доверяла этого.

— А Рыбник?

— Да, Эдик торговал. Но он тоже не сам. Ирина обычно посылала его и писала на бумажке, что сколько стоит.

— Откуда у нее валюта?

— Ну, она же в загранку ходит. В каком-то порту, кажется, в Греции, магазинчик хитрый есть, там с удовольствием принимают наши червонцы. А если не нужен товар — это Ирина раз спяну мне говорила, — так предложат в обмен доллары. Они там почти один к одному с нашими деньгами дают.

— А Лисицкая, значит, уже перепродает валюту в десятикратном размере?

— Да, — утвердительно кивнула Миляева. — Товар-то труднее спрятать.

— Лариса, а вы всех «деловых» знакомых Лисицкой знаете?

— Вроде бы.

— А вот эту блондинку не припомните? — Нина Степановна достала фоторобот Акулы и положила его на стол.

Миляева долго рассматривала фоторобот, потом виновато пожала плечами, сказала, словно оправдываясь:

— Н-нет, не помню. — Она протянула фоторобот Гридуновой, но в последний момент задержалась на нем, добавила неуверенно: — Знаете, чем-то это лицо на Ирину похоже. Есть что-то общее. Но вот прическа... Понимаете, ко мне иногда приходят женщины, ну-у лет под сорок пять и просят покрасить их и сделать такую прическу, чтобы моложе выглядеть, так вот и здесь примерно такое же. Будто это Ирина, но лет десять назад. А впрочем?... Нет, не знаю.

— Ну хорошо, Лариса, спасибо. А теперь расскажите, как познакомилась с Лисицкой, как попали под ее влияние, в общем — обо всем.

Лариса шмыгнула носом, размазала краску по лицу.

— Однажды мне позвонила подруга и попросила, чтобы я одной женщине сделала «химию» на дому. Я хороший мастер, и меня иногда просят об этом. Ну я, конечно, согласилась, и мы поехали к ней. Потом, когда я сделала Ирине прическу, она пригласила нас в ресторан. Ну я согласилась, конечно.

— Она вас расспрашивала об отношениях с мужем, о семейных делах?

— Да. А он тогда как раз выпивал, и я была на него здорово зла. Ну Ирина успокаивать меня стала, говорила, чтобы я плюнула на мужа. Заказала еще коньяку, потом мы вино, кажется, пили, а потом к нам подсади два шикарно одетых парня.

— Это были знакомые Лисицкой?

— Да. Но об этом я узнала позже, а тогда она даже виду не подавала, что знает их.

— Как звали парней?

— Одного Монгол. Это кличка такая. А второй — Колька Парфенов.

«Монгол! Так неужели Лисицкая — это все-таки Акула? Но ведь та блондинка чуть более тридцати лет. А предположение Миляевой по поводу фоторобота?... Надо будет срочно сделать эксперимент»;

Нина Степановна лихорадочно выстраивала эту новую версию, а Лариса продолжала рассказывать:

— Ну вот. А потом Ирина и говорит: проучи, мол, своего мужа, пусть поволнуется. И позвала всю компанию к себе домой. Я и поехала. — Лариса замолчала, начала крутить пуговицу на кофточке. — Ну... мы еще пили, а потом... потом я ничего не помню.

— Ну, а что все-таки было дальше?

Лариса замаялась, шмыгнула носом.

— Ну через день, кажется, мне на работу позвонила Ирина

и опять пригласила в ресторан. Когда я пришла, за столиком сидели еще две девушки. Я их не знала. Ирина заказала несколько бутылок вина, закуски. Правда, сама она почти не пила. Когда я была уже здорово выпивши, она и говорит: «Кадрим вон тех парней». Девчонки эти согласно кивнули, а я и спрашиваю: «Зачем? Мне дома надо быть в одиннадцать». Тогда она сказала, что ничего страшного не произойдет, если я вернусь и в пять утра. Я отказываться стала, тогда она позвонила куда-то, и через полчаса приехал Монгол. У него... — Лариса замолчала, хрустнула пальцами, — у него с собой были фотографии, где... я совсем голая и пьяная.

— Скажите, Лариса, при вас Лисицкая ходила в парике? — неожиданно спросила Гридунова.

— Нет.

— Вы точно это помните?

— Конечно. Никогда она не надевала парик. Да и зачем он ей — у нее такие шикарные волосы.

— М-да. Простите, что перебила. Так она что, шантажировала вас?

— Да, — уныло кивнула Лариса. — А Монгол угрожал. Говорил, что ему ничего не стоит послать эти фотографии моему мужу на работу. А если я буду послушной, то у меня будет много денег. Тогда я плакать стала. А Ирина меня успокаивала и все время говорила, чтобы я не была душой. Ну я и согласилась...

Миляева говорила еще и еще, и перед Гридуновой в подробностях рисовалась картина человеческого падения: недалекая молодая женщина, продавшая за деньги свою честь, совесть. Развод с мужем. Всплески стыда, которые заглушались водкой, и пошло-поехало...

После допроса Миляевой Гридунова опустилась в единственное мягкое кресло, которое стояло в углу кабинета, и, прокрутив магнитофонную ленту, включила «воспроизведение».

«А вот эту блондинку не припомните?» — раздался из динамика приглушенный голос Гридуновой.

«Нет, не помню. — Прошло несколько секунд, и Нина Степановна почти наяву увидела, как в последний момент Лариса цепко ухватила взглядом фоторобот, добавила неуверенно: — Знаете, чем-то это лицо на Ирину похоже. Есть что-то общее. Но вот прическа...»

Нина Степановна прослушала пленку до конца, выключила магнитофон и, устало поднявшись с кресла, позвонила в лабораторию. То, что она узнала, даже не удивило ее: официальный и рыночный валютный курс, расписанный на клочках бумаги, изъятых у Рыбника, при сравнительной экспертизе оказался идентичен почерку Ирины Михайловны Лисицкой.

ХІХ

Около восьми вечера на столе дежурного по управлению звонил городской телефон. Успевший сомлеть от вечерней духоты лейтенант снял трубку, спросил недовольно:

— Дежурный слушает.

Говорил какой-то Парфенов. Его взволнованный голос сбивался, он глотал слова, недоговаривал окончания.

— Спокойней можете? — попросил дежурный, вытирая платком взмокший лоб.

Телефонная трубка приглушенно забулькала, потом послышались членораздельные слова:

— Понимаете, Монгол позвонил только что! Сказал, чтобы я подъезжал к ресторану в Аркадию. Разговор, мол, есть.

— Какой, к черту, монгол! — вспылил было лейтенант, но тут до его сознания дошла кличка Монгол, на которую его ориентировали перед заступлением на дежурство, и он, спохватившись, как бы тот, неизвестный, не бросил трубку, затропился: — Постой. Это Парфенов?

— Да, да, Парфенов. Я звонил майору Гридуновой, но ее уже нет. Срочно передайте ей, что только что звонил Монгол...

— Обождите, Парфенов, — вспомнив инструкцию, перебил Николая дежурный, — я сейчас соединю вас с капитаном Нестеренко, и вы ему все доложите. Соединяю. — И он мгновенно переключился на номер оперативной группы управления.

Внимательно выслушав Парфенова, Нестеренко прижал головой к плечу телефонную трубку, сделал знак насторожившимся оперативникам, чтобы приготовились к выезду, и только после этого сказал:

— Вот что, Парфенов. Идите в ресторан и постарайтесь вести себя так, чтобы комар носа не подточил. Мы выезжаем.

Он положил трубку на рычажки, пошевелил прямыми костистыми плечами, пробуя, удобно ли затянута кобура под мышкой, взял со спинки стула пиджак, накинул его на себя, затем снял трубку внутренней связи, спросил:

— Дежурный?

— Слушаю.

— Говорит Нестеренко. Срочно разыщи полковника Ермилова и майора Гридунову. Скажешь им, что Монгол вышел на Парфенова и назначил ему встречу в Аркадии. Я с группой на выезде.

Колька-Утюг, по паспорту Парфенов, покрутившись около ресторана, прошел в зал, зыркнул глазами по публике и присел на краешек стула у свободного столика. Монгола не было. Стараясь подавить в себе нахлынувшую волну страха, он торопливо заказал бутылку водки. Официантка было заартачилась, ссылаясь на то, что сейчас дают «только по сто граммчиков на брата», однако он уговорил ее, и она поставила на стол графинчик, намекнув при этом, что «здесь без шоколадки не обойтись».

Стараясь не волноваться, Парфенов дрожащей рукой налил полный фужер водки и выпил. Затем подцепил на вилку кусок ветчины, медленно задвигал челюстями.

Нестеренко, прибывший в ресторан за полчаса до прихода Парфенова, сидел от него за несколько столиков и видел, как дрожат руки у парня. Водка должна была снять с него это дикое напряжение. Однако здесь была и другая опасность — как бы не упился.

На эстраде заиграл оркестр. Над пятачком, оставленным для танцев, зажглись разноцветные фонари. Парфенов наблюдал за успевшей «набраться» публикой. Вот к соседнему столику подошел наполовину лысый мужчина с огромным животом, выпирающим из-под узкого ремня, пьяно расшаркался перед молодой красивой женщиной.

— Разрешите? — выгнув бровь дугой, пригласил он.

— Нет.

— Почему?

Женщина вполоборота повернулась к нему, сказала сквозь зубы:

— Потому что ненавижу пьяных!

Лысый хотел было что-то ответить на это, но, увидев приподнявшегося плечистого парня лет двадцати пяти, обидчиво поджал губы и отошел, пробурчав что-то себе под нос.

Монгола все не было. Парфенов, успевший захмелеть от выпитого, воровато оглянулся по сторонам, налил себе еще, залпом выпил. Хмель как-то разом ударил в голову, и теперь он уже не боялся ни Монгола, ни предстоящего ареста — ничего.

Оркестр закончил играть танго, кто-то захопал. Толкаясь и вытирая платками вспотевшие лица, начали расходиться танцующие. Осоловевший Парфенов проводил глазами симпатичную девчонку в фирменных джинсах, перевел взгляд на входную дверь и невольно сжался, увидев в проеме Гридунову и рослого парня в штатском, который стоял рядом с ней.

«Неужели Монгола уже взяли?» — мелькнула мысль. И хотя он все время с нетерпением ждал этого момента, но сейчас, увидев женщину, которая допрашивала его, почему-то сжался, захотелось выскочить на улицу и хватануть раскрытым ртом морской, наполненный вечерней теплотой воздух. «Ну вот и все, — тоскливо екнуло под ложечкой. — Отыгрался дед на скрипке». Парфенов отвернулся, схватил с тарелки поджаренного цыпленка и стал жадно, со злостью рвать зубами мясо.

— Закосел, что ли? — безразлично спросила проходившая мимо официантка. — На-ка, утрись. — И она кинула ему белую накрахмаленную салфетку.

— Без тебя знаю. — Он бросил выглоданного цыпленка на стол, встал пошатываясь.

Глядя прямо перед собой, он прошагал мимо отвернувшейся Гридуновой, зашел в туалет. Вскоре возле него появился высокий парень, который стоял рядом с Гридуновой. Он окинул взглядом туалет и спросил тихо:

— Монгола не видел?

— Нет, — буркнул Парфенов.

— Тогда вот что: сиди в ресторане до конца. Если он не придет, спокойно топай домой. Такси не бери и до трамвайной остановки иди пешком. Возможно, он будет ждать тебя на улице. Не бойся. Сопровождать будем тебя до конца. И еще вот что: водки больше не пей.

— Так там же еще осталось!.. — возмутился Николай.

— Ничего, в пользу официантки пойдет.

Однако Монгол так и не объявился ни в ресторане, ни в аллеях Аркадии, ни в грохочущем трамвае, на котором Парфенов добрался до дома.

Он медленно поднялся на свою лестничную площадку и, пьяно тыкаясь пальцем, нажал кнопку звонка. В ожидании, когда мать откроет, икнул пьяно, в это время дверь неожиданно открылась, и он ввалился в прихожую.

— Коля... там... — Мать хотела было сказать что-то еще, но Николай, мгновенно протрезвев, уже понял все сам.

В проеме двери, которая вела в комнату, стоял Монгол.

— Ты?.. — выдохнул Парфенов.

— Я, — спокойно ответил Монгол. — Чего побледнел? Или чует, кошка, чье мясо съела?

— Какая кошка? Какое мясо? — залепетал Парфенов, не в силах двинуться с места. Липкий страх вышиб из головы хмель. Николай бросил косой взгляд на мать, которая ни жива ни мертва стояла в прихожке, облизал пересохшие губы. — Ты что, Валь?..

— Я-то ничего, а вот ты... Маманя твоя, пока я тут тебя дождался, сказала, будто обыск у вас был. А? Только давай не крути, — тихо, сквозь зубы процедил Монгол и, ухватив Парфенова за ворот рубашки, подтянул его к себе.

Едва слышно заголосила мать.

— Цыц, старая! — прикрикнул на нее Монгол и втолкнул их обоих в комнату. — Давай-ка рассказывай, зачем менты приходили и почему они тебя отпустили?

— Да я, понимаешь... — замямлил Николай, — лопуха тут одного... ну, пьяного вез. Ну... а у него бумажник с деньгами. Ну я и... — Парфенов покосился на мать, не зная, рассказала ли она Монголу про пакет с деньгами, и решил врать до конца: — Ну а он верещать стал, милицию звать. Вот я его и по рылу... А кто-то, видно, номер машины заметил, ну... участковый с дружинниками и приперся. Поначалу-то я сдрейфил, а потом ничего... сказал, что тот лопух пьяный был и все пытался в руль вцепиться. Вот я его и выбросил из машины.

Монгол внимательно слушал Парфенова, а неосознанное чувство тревоги росло в нем все больше и больше. Он верил и не верил, но убеждался, что правильно сделал, направившись не в ресторан, а сюда, домой. Это решение пришло к нему внезапно, само собой, и он свернул к дому Николая, надеясь, что его мать откроет, а уж «запудрить ей мозги» он всегда сумеет. Правда, когда она за второй кружкой чая рассказала ему, что «к ее непутевому» милиция приходила, Монгол здорово струхнул, хотел тут же смыться, но на карте стояло слишком многое, чтобы пугаться пока что неизвестной опасности.

Третий день подряд наблюдал Монгол за домом Лисицкой, выжидая, когда старуха выйдет за покупками. Но она была или слишком ленива, или жила на старых запасах, потому что только однажды вышла в булочную и тут же возвратилась домой. Монгол в тот раз прошмыгнул в подъезд, единым махом взбежал по лестнице. Но то ли отмычка была слишком плоха, то ли замок с секреткой, дверь открыть не удалось. В другой раз, натянув парик и стараясь не показать лицо в глазок, он пришел к ней под видом слесаря-водопроводчика. Но и здесь был прокол: старуха, не открывая двери, дребезжащим голосом сказала, что «краны не текут, хозяйки нема дома и шоб приходил через неделю». Оставалась одна надежда —

Парфенов, которого Лисицкая-старшая неплохо знала и которому, похоже, доверяла...

— Ладно трепаться, — оборвал Николая Монгол. — Скажи матери, чтобы вышла. Разговор есть.

Когда Марья Павловна, перекрестившись несколько раз, безвольно вышла в коридор, он почти вплотную подсел к Парфенову, сказал тихо:

— Сейчас поедem к Ирине.

— Но ведь ее дома...

— Слушай сюда, — оборвал его Монгол. — Сейчас поедem к милой Софье Яновне, которая едва не стала моей тещей, я встану в стороне, а ты нажмешь кнопку звонка. Когда старуха откроет, зайдем в квартиру, а все остальное я беру на себя.

— А если не пустит? — все еще надеясь, что Монгол может отказатьcя от этой затеи, спросил Парфенов.

— Тебя пустит, — заверил его Монгол и с кривой усмешкой добавил: — Ты же у нее вроде приближенного лица. Ну а чтобы наверняка — позвони-ка сейчас ей. Внакладе не останешься, если все будет как надо — полкуска твои. Звони.

Окончательно струсивший Парфенов снял телефонную трубку, дрожащей рукой набрал пятизначный номер квартиры Лисицких. К телефону долго никто не подходил, но вот длинные гудки оборвались, и в трубке послышался недовольный голос Софьи Яновны:

— Ну? Я слушаю?

— Это я, Коля, — стараясь не смотреть на притихшего Монгола, выдавил из себя Парфенов.

— А-а, — недовольно протянула Лисицкая, — ты? Чего так поздно звонишь?

— Дело есть. Мужик один от Ирины привалил, просила тебе передать кое-что.

— А до утра не мог потерпеть?

— До утра?.. — замылся Николай. — Да нет, до утра нельзя. Дело срочное.

— Ну ладно, приезжай, — нехотя согласилась Софья Яновна и положила трубку.

— Молодец! — Довольный Монгол хлопнул Николая по плечу. — Скажи матери, чтобы не суетилась, через час вернешься.

Парфенов, боясь смотреть ему в глаза, кивнул согласно. Потом подтянул брюки, сказал просительно:

— Мне бы...

— Обделался, что ли, со страху? — ухмыльнулся Монгол.

Парфенов кивнул, быстро вышел в коридор и, прихватив с электросчетчика огрызок карандаша, которым обычно записывал нагоревшие киловатты, юркнул в туалет, накинул крючок, торопливо начал царапать на газетном клочке: «Мать, срочно позвони в милицию и скажи, что я с Монголом поехал на квартиру Лисицкой. Телефон в моей книжке». Затем он скатал записку в трубочку, спустил для вида воду и, когда проходил мимо кухни, незаметно сунул записку матери, прошептав едва слышно:

— Когда уйдем, прочти.

Едва закрылась входная дверь, как старушка дрожащими руками, нашептывая «Господи, упаси», развернула скатанный

в трубочку клочок бумаги, сбежав за очками и нацепив их на нос, медленно, по слогам прочитала написанное и, то и дело повторяя «Господи, да что ж это такое? Упаси его, баламутного!», просемила мелкими, старческими шажками к телефону, дрожащей рукой набрала номер.

— Милиция? Сынок, это я, Парфенова Марья Павловна. Колька мой просил, чтобы я вам позвонила... Да, Парфенов Николай. С Монголом каким-то только что уехал. Куда? К этой... К стерве... К Лисицкой.

До дома, где жила Ирина Михайловна со своей матерью, Николай и Монгол добрались быстро и без происшествий. Перед самым домом Монгол приостановился на минуту, еще раз сказал Николаю, что тот должен сказать старухе Лисицкой, и решительно шагнул в ярко освещенный подъезд. Окончательно протрезвевший Парфенов хотел было отстать, но, увидев жесткий оскал полуобернувшегося к нему Монгола, подавил начавшуюся было икоту и пошел следом. В эти минуты он молил бога, чтобы мать нашла его записную книжку и дозвонилась по нужному телефону.

Монгол не стал вызывать лифт, а, перемахивая сразу через две ступеньки, быстро взбежал на нужный этаж. Остановился около двери и кивком головы показал Николаю, чтобы тот нажал кнопку звонка. Парфенов, полностью положившийся на «авось», тяжело отдышался и ткнул палец в черную кнопку.

За дверью послышался мелодичный звон и дребезжащее:

— Ты, что ль, Николай?

Монгол, почти вжавшийся в стену, яростно кивнул ему, чтобы тот не молчал.

— Я, я, — заторопился Парфенов. — Открой.

Послышался шум проворачиваемого ключа, бряканье откинутой цепочки. Дверь приоткрылась, и Монгол, не выдержавший напряжения, рывком бросил свое сильное тело в образовавшуюся щель. Софья Яновна выпучила глаза, с ужасом рассматривая неизвестно откуда появившегося Монгола, и вдруг заголосила визгливым, старческим голосом. Монгол бросился к ней, зажал рот ладонью и, пропустив в прихожую Николая, ногой захлопнул дверь.

Словно заведенный автомат, Николай помог ему связать старуху и только после этого, присев на краешек дивана, спросил отупело:

— Зачем это ты?

— Заткнись! — оборвал его Монгол и сел напротив связанной по рукам и ногам Лисицкой.

Какое-то время он молчал, профессиональным взглядом окидывая комнату, затем спросил, вытащив из ее рта клая:

— Ну что, старая, узнала, поди?

Софья Яновна продолжала молча смотреть на Монгола, которого, по рассказам дочери, посадили на много-много лет.

— Значит, узнала, — словно подытоживая что-то, произнес Монгол и добавил: — Надеюсь, старая, ты в курсе, что я сел благодаря твоей дочери?

Старуха, словно выброшенная на берег рыба, широко открыла рот, пытаясь что-то сказать, но не смогла произнести ни слова, и только гортанный клекот вырвался из ее груди.

— Знала, знала, — остановил ее движением руки Монгол и сказал, четко отделяя слова: — Так вот, я пришел за долгом. Паучка бриллиантового сама отдашь, или мне придется всю твою хазу перевернуть?

— Нет! Не-ет... — истошный вопль прошил затемненную тишину просторной квартиры.

Все, что произошло дальше, Парфенов воспринял как освобождение от кошмарного сна.

Длинный и требовательный звонок, раздавшийся в прихожей, заставил Монгола броситься к продолжавшей кричать старухе и зажать ей ладонью рот.

— Кто это? — почти выдохнул он в лицо Николая.

Тот сжался, словно от удара, бросил затравленный взгляд на дверь, все еще не веря в свое счастье, прошептал заикаясь:

— Н-не з-знаю.

А в коридоре продолжал надрываться звонок, и чей-то голос, строгий и требовательный, произнес:

— Приходько? Открывайте. Иначе взломаем дверь.

Монгол бросился к окну, выглянул во двор. В темноте четко вырисовывался силуэт машины, а около подъезда и под окнами маячили фигуры людей.

— С-сука. Ты?.. — В едином прыжке он очутился около Парфенова, ухватил его за ворот. — Порешу, гада!

И в этот момент Николай сделал то, о чем долго потом вспоминал, удивляясь самому себе. Он головой ударил в озверевшее лицо Монгола и, когда тот отпустил его, закрывшись руками от второго удара, бросился в прихожую, крутанул ключ в замочной скважине и рывком открыл дверь.

XX

«Крым» ошвартовался в Батумском порту, и капитан Воробьев, оставив в каюте двух оперативников и едва дождавшись, когда дадут трап, сошел на берег, чтобы встретиться с человеком, через которого должен был получить дальнейшие указания. Этот круизный рейс подходил к концу, и Воробьев уже не верил, что контактный зуммер, готовый сработать, как только отдадут болты «контрабандного» лючка в ходовой рубке, когда-нибудь сработает.

Когда на стоянке в Новороссийске Воробьеву передали донесение, в котором было сказано, чтобы он обратил особое внимание на директора ресторана Лисицкую, он едва не запрыгал от радости: значит, одесситы нашли и сумели раскопать что-то очень важное про Лисицкую, а главное — это донесение подтверждало то, что рассказали про нее Таня Быкова и киоскер Зина. Вроде бы все было ясно, однако Ирина Михайловна продолжала аккуратно нести свою службу на судне и вести настолько добропорядочный образ жизни, что в какой-то момент отчаявшийся Воробьев засомневался, не вышли ли они все на «пустышку».

«Но ведь существует же хозяин золота?! Кто?» Этот вопрос не давал Воробьеву спать.

«Допустим, в Одессе изъятию золота помешали чисто внешние обстоятельства, — размышлял он. — В рубке постоянно на-

ходились люди, и этот некто побоялся риска. Возможно такое? Вполне. Теперь дальше: при разработке дальнейшей операции они исходили из того, чтобы дать хозяину золота полнейшую свободу действия. Чтобы создать такую обстановку, на стоянках в портах вахтенные уходили подальше от рубки, и она оставалась без присмотра, чем, по логике, и должен был воспользоваться преступник. Почему же тогда он не воспользуется благоприятными условиями? Или, может, его ждут в каком-то порту и он должен непосредственно там изъять золото?»

Все это беспокоило, казалось непонятным, и Воробьев весь рейс с надеждой поглядывал на тонкую панель в переборке, за которой был аккуратно вмонтирован зуммер.

Приняв от невысокого черноусого парня в штатском очередное донесение и передав через него свой неутешительный рапорт, Воробьев поднялся на борт «Крыма» и был ошарашен услышанным. Оказывается, едва он сошел на батумскую землю, как сработал зуммер. Действуя по разработанной схеме, два других оперативника выскочили из каюты и побежали к трапу, который вел к ходовой рубке. И здесь, у самого трапа, они совершенно неожиданно наткнулись на первого помощника капитана, который без сознания лежал, уткнувшись лицом в лужу крови, а неподалеку от него валялся обломок трубы. Младший лейтенант Колужный попытался оказать Федотову первую помощь, оттащил его в сторону, а Москвин бросился в рубку. Однако там никого не было, и он увидел, что «контрабандный» лючок вскрыт и золота в нем нет. Его хозяин, по-видимому, ушел через наружные двери.

— Что Федотов? — ругая себя на чем свет стоит за то, что именно в этот момент сошел на берег, — спросил Воробьев.

— Да вроде бы пришел в себя. Колужный ему повязку наложил и сейчас пленку проявляет.

— Хорошо, — Воробьев наконец-то собрался с мыслями. — Ты давай-ка сейчас ему помоги, а я к капитану. Надо сделать так, чтобы в ближайшие полчаса ни один человек не сошел с судна на берег.

XXI

Милицейский «газик» лихо притормозил около массивных металлических ворот. В дверях небольшой деревянной пристройки показалось безусое лицо часового, а вскоре вышел он сам — девятнадцатилетний, с автоматом за спиной и с погонами внутренних войск на плечах. Проверив документы у Гридуновой, он сказал ломающимся юношеским баском:

— Прямо и налево. Второй этаж. Вас ждут.

Нина Степановна прошла на территорию колонии, где до побег отбывал наказание Монгол, осмотрелась. Вместительный двор, за которым, отгороженные двойным рядом колючей проволоки, начинались производственные мастерские, был тщательно выметен. На длинных каменных бараках были прибиты транспаранты, призывающие искупить свою вину перед народом и выйти на свободу с чистой совестью. Было тихо. Рабочий день еще не закончился, и заключенные, выведенные с тер-

ритории на работу, не тревожили застывшую тишину двора и барачников своим разногласием.

Сегодня утром Нина Степановна сошла с поезда на маленьком полустанке, чтобы встретиться здесь, в колонии, с офицером-оперативником и начальником отряда, под началом которого жил и работал осужденный Валентин Приходько — Монгол.

...Старший лейтенант, начальник отряда № 3, достал из объемистого сейфа синюю папку, в которой хранилось дело Приходько, развязал серые тесемки, положил перед Гридуновой стандартный бланк характеристики заключенного.

— Посмотрите вот это. Может, даст что. Я ее писал после первых шести месяцев пребывания здесь Приходько.

Нина Степановна кивнула согласно, быстро пробежала глазами ровные, убористые строчки: «Вспыльчив. С более сильным старается в ссору не ввязываться... Дневные нормы выполняет на 100—110 процентов. В беседах полностью не раскрывается, но пытается вызвать к себе сочувствие... Иногда впадает в транс. В какое-то время бывает особенно резок с другими осужденными, пытается уйти в себя. Интересовался, что требуется для досрочного освобождения...»

Удивленно качая головой, Гридунова дочитала характеристику до конца, аккуратно положила ее на стол, задумалась, внимательно рассматривая приклеенную на картоне фотографию Монгола. Спросила:

— Матвей Павлович, вы хорошо помните Валентина Приходько во время его последних двух-трех месяцев пребывания в колонии? Я имею в виду до побега.

— Еще бы, — усмехнулся начальник отряда.

— А не могли бы вы объяснить, что произошло с ним? Почему вдруг из замкнутого, как вы пишете, но все-таки где-то раскayавшегося парня, который даже готов перевыполнять нормы, лишь бы досрочно освободиться, родился обзланный, жестокий рецидивист?

— Отчего же не объяснить, — тяжело вздохнул старший лейтенант. — По крайней мере, психологи этот парадокс объясняют следующим. Есть тип людей, особенно это относится к тридцатилетним и «неплохо погулявшим» до ареста, которые физически и морально не могут выносить неволи. Когда такой человек попадает, как говорят в народе, за решетку, он поначалу впадает в транс, начинает метаться в поисках выхода, работает как проклятый, рассчитывая на досрочное освобождение, а потом вдруг что-то ломается в нем. Он понимает, что восемь лет — это восемь лет, и становится вспыльчивым, озлобленным, зачастую начинает верховодить над какой-то группой заключенных и, будучи человеком изворотливым, хитрым и, если хотите, умным, начинает изыскивать другие способы досрочного освобождения.

Нина Степановна внимательно слушала старшего лейтенанта, а перед глазами, словно наяву, стоял теперешний Монгол, коварный и жестокий, полная противоположность тому бармену с «Советской Прибалтики», который был ею арестован два года назад и сумевший скрыть от следствия и суда что-то настолько важное, что позволило ему взять на себя всю тяжесть преступ-

ления. Теперь она знала, кого покрывал Приходько, но это требовалось еще доказать, нужно было его признание, а на первом же после ареста допросе, который вел следователь, Монгол только зло сузил глаза и сказал, едва разжимая зубы: «Говорить ничего не буду. Копайтесь и доказывайте сами. На то вам и деньги платят».

— Значит, Приходько, судя по вашему наблюдению, патологически не выносит неволи? — спросила Гридунова. — Ну а если он в первый раз сел за кого-то, взяв на себя вину с тем умыслом, чтобы потом сорвать с него приличный куш за молчание, и вдруг оказывается, что тот арестован тоже?.. — пытаюсь нащупать единственно верную нить предстоящего разговора с Монголом, спросила Гридунова.

Старший лейтенант задумался, качнул головой.

— Трудный, конечно, случай. Но я представляю, как может возненавидеть Приходько этого человека. Понимаете, крушение всех жизненных надежд.

— Матвей Павлович, еще один вопрос: вы никогда не слышали от Приходько такую кличку — Акула? — с надеждой спросила Нина Степановна.

— Н-нет, не помню, — пожал плечами начальник отряда. — Впрочем, может, какие данные есть у нашего оперативника?

В дверь кабинета уверенно, видимо для порядка, постучали, и тут же на пороге выросла коренастая фигура конвоира.

— Разрешите ввести задержанного? — спросил он.

— Давайте.

Конвоир сделал шаг в сторону, и в проеме двери появился Монгол. Он окинул скужающим взглядом кабинет и, еще не успев сообразить, что за женщина в легком цветастом платье сидит у стола, вытянулся в струнку. Его лицо начало приобретать осмысленное выражение, он вдруг улыбнулся, захолопал глазами.

— Крестная?..

— Здравствуй, крестничек. — Нина Степановна встала из-за стола, подошла к Приходько, внимательно взгляделась в его лицо и только после этого кивком головы отпустила конвой. — Здравствуй, Валентин, здравствуй... Ну что же, присаживайся.

На какое-то мгновение Приходько скривился в усмешке, сказал негромко:

— Спасибо.

— За что? — удивилась Нина Степановна.

— Что не побрезговали поздороваться и не бросили этакое веское — «садись». Знаете, некоторый молодняк из следователей любит пощеголять такими «шуточками», — как-то очень устало объяснил Приходько.

— М-да. — Гридунова села напротив, внимательно посмотрела на него, взяла со стола пачку «Явы», ловко, одной рукой прикурила, протянула сигарету Монголу. — Кури.

Приходько засуетился, торопливо обтер ладонь о брюки и, словно боясь, что Гридунова раздумает, жадно выхватил сигарету из пачки.

— Смотри-ка, — удивилась Нина Степановна, все это время

внимательно наблюдавшая за арестованным. — Рука-то у тебя как железная.

— Еще бы, — усмехнулся Монгол. — На бетономешалке отарабанишь день, так не то что ладони, зубы стальными станут. — Немного освоившись, он искоса посмотрел на Гридунову, добавил: — Я-то перед побегом стуфтил малость, вот меня и перевели в деревообделочный цех.

Он в несколько затяжек докурил сигарету, внимательно посмотрел на Гридунову.

— Чего тянете, Нина Степановна? Ведь вы свое дело сделали — взяли, можно сказать, тепленьким. Теперь вроде не вы, а следователь со мной возиться должен.

— Это точно. — Нина Степановна, ожидавшая этого вопроса, подошла к окну, посмотрела на резвившихся в тени разлапистого дерева воробьев, резко повернулась к Монголу, кивнула ему на стул. — Садись, Валентин, садись. А то, не дай бог, упадешь.

Она заколебалась на какую-то долю секунды, поймав себя на мысли, не будет ли лучше, если она соврет сейчас и скажет, что Акулу уже взяли. Это было заманчиво и даже в чем-то оправданно, но она тут же отогнала от себя эту мысль и, присев на стул против Монгола, сказала, четко отделяя слова:

— Сегодня или не позже чем завтра мы возьмем Акулу, Валентин.

Пожалуй, это был все тот же Монгол, помотивший немало нервов милиции и дружинникам. Гридунова, внимательно наблюдавшая за его реакцией, заметила только, как чуть-чуть сузились раскосые глаза, но ни один мускул не дрогнул на похудевшем, заострившемся лице.

— На фуфло ловите, крестная? Обижаете. Адресок-то не тот. Не знаю я никаких Акул, а значит, и навести на нее никак не могу. — Он поудобнее уселся на стуле, улыбнулся нахально. — Закурить не дадите еще? По старой памяти.

— Да-да, конечно, кури. — Рассчитывавшая на такую реакцию, Нина Степановна достала из сумочки непочатую пачку «Явы», протянула ее Приходько, а в голове, словно заноза, билась непрошенная мысль: «Неужели Лисицкая не Акула? Господи, с ума можно сойти. Да нет же, нет. Здесь не должно быть ошибки».

Заставив себя успокоиться, Нина Степановна сказала тихо:

— А от тебя никаких наводок и не требуется, Валентин.

Она замолчала, собираясь с мыслью, изучающе посмотрела на Монгола: сейчас, именно сейчас должен быть получен ответ на главный вопрос. Почувствовала, как утешенно бьется сердце.

Притих и Монгол, почуявший недоброе. Изо всех сил застопорив сигаретой, пытаясь скрыть волнение.

— Акула — это Лисицкая Ирина Михайловна. Директор ресторана на теплоходе «Крым»! Достаточно? Или, может, еще шестерок назвать?

Приходько пальцами затушил горящую сигарету, воровато сунул окурки в карман.

— Кто? — на выдохе спросил он.

— Лариса Миляева — парикмахерша, Парфенов, Рыбник Эдуард Самуилович. Кстади говоря, взваливший на себя твою

роль, — больно и расчетливо ударила Нина Степановна. Она перечисляла выявленных «шестерок» Акулы, которые, подобно рыбам-прилипалам, крутились вокруг нее, а в голове все увереннее и увереннее билась жаркая, радостная мысль: «Она! Значит, она».

— Что я должен сделать? — неожиданно, почти грубо оборвал Гридунову Монгол.

— Что?.. — Нина Степановна на минуту задумалась, сказала негромко: — Пиши чистосердечное признание.

— Но... я же тогда... — Монгол замаялся, — все рассказал...

— Неправда. — Голос Гридуновой стал жестким, и она, как на безнадежного больного, посмотрела на Приходько. — Валя, Валя! Тебе уже тридцать, а жизнь так ничему тебя и не научила. Ну скажи, какой тебе прок выгораживать Лисицкую? Сейчас дело практически заканчивается, и на свет божий вынырнет все, а там... Могу уверить, что она-то тебя не пощадит.

Сгорбившись на стуле, Монгол долго молчал, безучастно уставясь в пол, и только вздрагивающие пальцы рук выдавали его состояние. Наконец он поднял голову, спросил глухо:

— Вы обещаете, что это поможет мне?

Нина Степановна с жалостью посмотрела на парня. Султаны и Утюги, Монголы, Князья и Серые, короли Дерибасовской и Пересыпи — они теряли свою индивидуальность, лоск и независимость, как только попадали в кабинет следователя. И почти у всех был один и тот же вопрос: вы обещаете, что это поможет мне?

— Я могу обещать тебе одно: суд учтет твоё чистосердечное признание.

XXII

Когда Вилен Александрович очнулся от удара, то в первую минуту даже не понял, что с ним произошло. И только подступающая к горлу тошнота да дикая боль заставили его с трудом повернуть голову. От этого движения вдруг стало совсем плохо, и он закрыл глаза. Когда он открыл их опять, то увидел над собой склонившегося Воробьева.

— Говорить можете?

— Да, — с трудом выдавил из себя Федотов.

— Кто вас ударил?

— Не знаю.

— А как вы оказались у трапа?

— Когда зуммер... сработал, я вспомнил, что вы... сошли на берег... я испугался, что преступник скроется... — Он тяжело сглотнул, словно какой-то комок мешал ему говорить, добавил с трудом: — Побежал к рубке. У трапа остановился, потому что... потому что там наверху... кто-то был. Повернулся спиной... и в это время, в это время...

Он замолчал надолго, наконец спросил:

— Вы... вы задержали его?

— Нет, — тихо ответил Воробьев.

Вскоре пришел Колужный и принес проявленную пленку, на которой без труда можно было узнать оркестранта Василия

Жмыха. Вот он отдал болты, нагнулся над лючком, просунул туда руку, вытащил сверток. Вроде как недоуменно посмотрел на него...

Осунувшийся и словно постаревший за прошедшие полчаса, Жмых сидел у себя в каюте и словно отходил от тяжелого, запойного похмелья, с трудом пытаясь сообразить, что же с ним произошло на самом деле и как он мог купиться на просьбу Ирины помочь ей достать из тайничка якобы припрятанный туда мохер.

«Мохер...» — Жмых криво усмехнулся, вспомнив, как вместо легкого свертка он ощутил тяжесть металла, а когда достал его, то по маленькому габариту и слишком большому весу догадался, что это золото. В первую секунду хотел бросить сверток обратно, но появившаяся за его спиной Ирина что-то сказала ему — он даже не помнит, что именно, — и Жмых, как побитая собака, боявшаяся ослушаться своего хозяина, передал ей сверток и выбежал вслед за ней на палубу. По пути успел глянуть в открытую дверь, которая вела в переходный коридор, и с ужасом отпрянул назад — в луже крови неподвижно лежал первый помощник капитана. «Так вот, значит, что упало перед тем, как появилась Ирина, оставшаяся подстраховать его у двери, — промелькнуло в голове. — Значит, она пряталась в нише под трапом, и когда там появился Федотов?..» Жмых нагнал Ирину уже на палубе, ничего не соображая, только согласно кивал головой в ответ на какие-то слова, что говорила на ходу Лисицкая. Кажется, она предлагала ему проводить ее вечером на берег. Все это саксофонист слушал словно в полусне, а в сознании обнаженным нервом билась страшная догадка: неужели за ними следили? И он, он... дурак, как глупый мальчишка, делавший все, чтобы понравиться красивой бабе, сам сунул башку в петлю? От этой мысли стало страшно, хотелось волком выть и биться головой о переборку. Надо было что-то предпринимать для своего спасения. Но что? Что?!

Лисицкая давно уже боялась за припрятанное в ходовой рубке золото. Вроде бы все было тихо и гладко, однако она нутром чувствовала неясную еще для себя опасность и не могла ее побороть. При закладке контрабанды она сделала маленькую риску на случай, если кто-нибудь будет проверять этот лючок, и совершенно забыла, против какой точки та стояла. Забыла! Из-за проклятого Монгола, дурехи Лариски да идиота-торгаша из «Березки». И весь этот рейс металась, не зная, решиться ли на вскрытие лючка или переждать еще немного. Однако для оговоренной ранее встречи с покупателем совсем не оставалось времени. Тогда Лисицкая придумала подсунуть вместо себя саксофониста, и если все пройдет благополучно, использовать его в дальнейшем.

Всего этого Жмых не знал. Однако, здраво рассудив, во что ему может вылиться «маленькая услуга» Лисицкой, если она вдруг попадетсЯ с золотом, он собрался с духом и постучался в каюту капитана. Кэп внимательно и на удивление спокойно выслушал его сбивчивый рассказ, тут же вызвал по селекторной связи какого-то парня лет тридцати, который представил-

ся капитаном милиции Воробьевым, и Жмых все это повторил еще раз, радуясь, что у него хватило смелости прийти, как оказывается, с повинной. Когда он кончил рассказывать, Воробьев внимательно посмотрел на него, спросил:

— Что вас заставило сделать это признание?

— Что я, дурак, что ли? — пробормотал Жмых. — Ведь не специально же я...

Воробьев, который все еще не мог прийти в себя от страшного провала, слушая саксофониста, все думал, что теперь делать. Жмых рассказывал, что золото он передал Лисицкой из рук в руки. Но где оно теперь, это золото? Если Лисицкая спрятала его у себя в каюте — тогда все просто. Капитан имеет право санкционировать обыск. Ну а если она взяла в расчет тот вариант, что Жмых придет с повинной?..

Даже если с помощью дружинников удастся найти на судне этот проклятый сверток, как доказать, что золото принадлежит Лисицкой?

Из раздумий его вывел глухой голос Жмыха:

— А что мне будет... за все это?

Воробьев с неприязнью посмотрел на тридцатилетнего саксофониста, по чьей вине по судну «гуляло» сейчас контрабандное золото.

— Не знаю, — угрюмо ответил Воробьев. — Не об этом вы должны думать.

— А о чем? — вскинулся саксофонист.

— Сейчас объясню. — Воробьев устало вытянул ноги, сказал тихо: — Вы, Василий Митрофанович, попали в такой переплет, из которого я даже не знаю, как сможете выбраться.

— Но ведь я же сам... Все рассказал...

— Правильно, сами, — согласился Воробьев. — Однако, посудите, лючок-то вскрыли вы! Все это зафиксировано на киноплёнке. Контрабанду из того же лючка достали вы. Дальше. Естественно, что в такую жару вы оставили на хлорвиниловой изоляционной ленте, которой сверток был обмотан, отпечатки пальцев.

— Да, но...

— Не перебивайте, — остановил его Воробьев. — Теперь представим себе, что Ирина Михайловна оказалась гораздо умнее вас и более аккуратно обращалась со свертком, не оставив на нем своих пальчиков. Что из этого следует? Рано или поздно мы разыщем контрабанду, и тогда попробуйте вы, Василий Митрофанович Жмых, доказать следователю, что золотишко это не ваше и что вы только по доброте душевной полезли за контрабандой в лючок. Да вас же в Одессе на смех подымут!

Жмых, который все это время хотел что-то сказать, при последних словах Воробьева понуро опустил голову, и Игорь вдруг с удивлением и жалостью увидел, что не такой уж он и молодой, этот саксофонист, как хотелось бы ему казаться, и что лысина у него умело скрыта зачесом длинных волос. Да и вообще пора бы этому «мальчику» образумиться и быть Василием Митрофановичем, а не Васей, как любил он представляться незнакомым девушкам.

— Ну что молчите, как двоечник на экзамене? — устало

спросил Воробьев, внимательно, оценивающе посмотрев на по-
нурившегося Жмыха.

— А что говорить? — медленно поднял тот голову. — Как го-
ворится, доигрался.

— Но ведь можно и исправить положение, — осторожно ска-
зал Воробьев, все еще не решаясь выложить саксофонисту
окончательно созревшую в голове мысль.

— К-как? — заикаясь, спросил Жмых.

— Видите ли... Возможно, что это будет сопряжено с рис-
ком...

— Вы меня плохо знаете! Я все сделаю...

К вечеру совершенно успокоившаяся Ирина Михайловна по-
просила руководителя концертной программы отпустить с ней
«на пару часов» Жмыха и, быстро сунув в сумочку тяжелый
сверток, зашпешила к трапу. Проходя мимо вахтенного, она,
как всегда, мило улыбнулась ему и, увидев на пирсе поджи-
дающего ее саксофониста, призывно помахала рукой.

— «Первый», я — «Восьмой». Пациентка сошла на берег.
В руках две сумки. Большая и маленькая. В маленькой —
металл. Какие будут указания?

Майор Цеховели — старший батумской группы, которая бы-
ла подключена к одесской группе для завершения операции, —
грустно поднялся со стула, на котором просидел несколько
часов, с нетерпением ожидая этого донесения оперативников,
повернулся к поднявшемуся навстречу Воробьеву.

— Ну что будем делать, капитан? Твоя подопечная вместе с
саксофонистом сошла на берег. Металл при ней.

Воробьев, хорошо понимая, о чем спрашивает этот пожилой
с орденой колодкой на груди майор, словно оправдываясь,
пожал плечами, сказал:

— Мне-то, конечно, сейчас хотелось бы ее взять. Понимаете,
опять упустить боюсь, и в то же время момент истины...

— Вот-вот, дорогой, — одобрительно кивнул Цеховели. —
Сейчас мы уже почти точно знаем, на кого она вышла со сво-
им золотишком и кто берет у нее всю партию. Панимаешь?
Но хотелось бы взять их непосредственно во время сделки.
Ну так как: да или нет? Твое слово.

— Согласен, — кивнул головой Воробьев.

Цеховели одобрительно улыбнулся, взял в руки микрофон,
сказал, почти касаясь губами сетки:

— «Восьмой», я — «Первый». Приказ брать их во время
сделки. Султан выехал на машине с дачи и ждет гостью у
касс Аэрофлота.

Тихий, пропитанный густой влажностью батумский вечер на-
вевал истому и такое благодущие, что не хотелось ни о чем
думать. Теперь Жмыху не было страшно, как тогда, у трапа,
когда он увидел уткнувшегося в собственную кровь Федотова.
На него, словно после недельного запоя, нашло опустошение, и
он желал только одного: чтобы все это кончилось и он смог
поскорее вернуться в Одессу.

Около увитого плюшем туалета Лисицкая неожиданно оста-

новились и, мягко тронув своего спутника за рукав, быстро свернула в сторону.

Появилась она минут через пять.

Жмых, который все это время с безразличным видом ждал ее, поначалу даже не поверил своим глазам: перед ним стояла вроде бы прежняя Ирина и в то же время совсем другая. Это была красивая молодая блондинка, которой никак нельзя было дать больше тридцати лет.

— Ну ты даешь! — только и сказал Жмых.

— Хочу мужчинам нравиться, — обнажая в улыбке красивые зубы, сказала Лисицкая.

— Уж не мне ли?

— Тебе, — сказала Ирина и добавила: — Ну пошли, что ли?

Когда разъяренную, всклоченную, со съехавшим набок париком Ирину Михайловну ввели в кабинет Цеховели, майор не скрывал своей радости.

— Панимаешь, а мы, отрабатывая дело Мдивани, с ног сбились, кушать почти перестали, молоденькую блондинку искали. А она вон, оказывается, какая блондинка! Арти-истка! — не то с издевкой, не то уважительно протянул он.

Ирина Михайловна хотела было сказать что-то резкое, злое, язвительное и до конца попытаться проиграть роль невинной жертвы, которая попала на удочку пропойце-саксофонисту, но, услышав фамилию батумского зубного техника, которому она два года назад продала точно такие же золотые пластины, приобретенные ею в Латакии, сразу сжалась, по правой стороне лица пробежал нервный тик, щека исказилась, и она пристальней обычного всмотрелась в лицо Воробьева. И по мере того как вспоминала, что видела его на судне, ее тонкое лицо кривилось все больше и больше, в какой-то момент она, видимо, все поняла и, пытаясь хоть что-то сделать для себя, почти выкрикнула гортанным голосом:

— Я хочу сделать официальное заявление. Перед уходом из Одессы меня шантажировал по телефону неизвестный мне человек, который требовал деньги за убитого Часовщикова, который был чьим-то перекупщиком. Часовщикова убили сбежавший из колонии Монгол и Колька Парфенов. Я требую занести это в протокол!..

На I, IV стр. обложки и на стр. 12 рисунки В. СМИРНОВА.

На II стр. обложки и на стр. 2 рисунки В. ЛУКЬЯНЦА.

На стр. 42 рисунок М. САЛТЫКОВА.

На III стр. обложки и на стр. 93 рисунки Ю. МАКАРОВА

Под редакцией А. В. НИКОНОВА и В. А. РЫБИНА

Редакторы выпуска: В. РЫБИН, Е. КУЗЬМИН

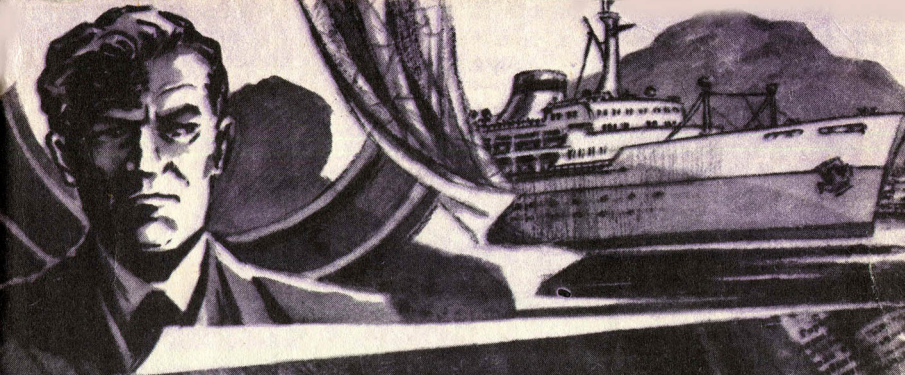
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА

Технический редактор А. БУГРОВА

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а.
Тел. 285-80-10, 285-88-84.

Сдано в набор 15.09.82. Подписано в печать 26.10.82. А13302.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная».
Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 250 000 экз.
Цена 60 коп. Заказ 1690.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Игорь КОЗЛОВ — Прыжок
Леонид ПАНАСЕНКО — Гнев Ненаглядной
Михаил ПУХОВ — Станет светлее
Юрий ПЕРЕСУНЬКО — Жаркое лето

Цена 60 коп.

